

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 8

ИСТОРИЯ

№ 5 • 2022 • СЕНТЯБРЬ–ОКТАБРЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в два месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Хрулёва И.Ю., Павлов В.В. «Послания, дарованные нам с небес, адресованы не только христианам»: роль евреев в экуменическом проекте Тысячелетнего царства пуританского теолога Коттона Мезера (первая четверть XVIII в.)	3
Горская Н.И. Земство, администрация и «смоленский голод» конца 1860-х — начала 1870-х гг.	23
Шильникова И.В. Организация водоснабжения на Транссибирской магистрали в конце XIX — начале XX в.	46
Безугольный А.Ю., Бородкин Л.И., Леонтьева Н.И. Санитарные потери Красной армии в период Великой Отечественной войны: опыт статистического анализа национального состава военнослужащих.	67
Большакова О.В. От славистики к Russian studies: о некоторых обстоятельствах конституирования дисциплины в 1940-е гг.	93
Ненашева З.С. «Его величество учебник»: из истории кафедры южных и западных славян исторического факультета МГУ	117
Александров Г.В. Законодательное регулирование Critical Race Theory и политика памяти в США.	141
Маифэн. Казахстанский проект «Нурлы Жол» и китайская инициатива «Один пояс и один путь»: точки сопряжения и перспективы.	159
Ванеян Е.С. Иконография «Явления будды Амиды» в японской скульптуре XI–XIII вв.: источники, формирование, типология	180
Хлебников Д.В. «Хървимъ тръличъни суть»: следы глаголического оригинала Изборника Святослава 1073 г. в русской иконографии символов евангелистов	207

CONTENTS

Khruleva I.Yu., Pavlov V.V. “Proclamations Sent us from Heaven, Addressed Not Only to us Christians”: the Role of Jews in the Ecumenical Project of the Millennium Kingdom of the Puritan Theological Cotton Mather (First Quarter of the 18th Century)	3
Gorskaya N.I. Zemstvo, Administration and the Smolensk Famine of the Late 1860th and Early 1870th	23
Shilnikova I.V. Organization of Water Supply on the Trans-Siberian Railway in the Late 19th — Early 20th Centuries	46
Bezugol’nyi A.Yu., Borodkin L.I., Leont’eva N.I. Sanitary Losses of the Red Army during the Great Patriotic War: the Experience of Statistical Analysis of the National Composition of Military Personnel.	67
Bolshakova O.V. From Slavistics to Russian Studies: On Some Circumstances of the Discipline’s Constitution in the 1940s.	93
Nenashева Z.S. “His Majesty, the Textbook”: from the History of the Department of Southern and Western Slavs in the Faculty of History at the Moscow State University	117
Aleksandrov G.V. Critical Race Theory Legislation and Memory Politics in the USA	141
Ma Yifeng. Kazakhstan’s “Nurly Zhol” Project and China’s Belt and Road Initiative: Points of Convergence and Prospects.	159
Vaneian E.S. The “Welcoming Descent of Buddha Amida” in the 11th–13th Centuries Japanese Sculpture: Sources, Formation and Typology of the Iconography.	180
Khlebnikov D.V. “Cherubim Three-Faced Are”: Traces of <i>Izbornik of Svyatoslav</i> (1073) Glagolitic Original in the Old Russian Iconography of Evangelists Symbols.	207

И.Ю. Хрулёва, В.В. Павлов

**«ПОСЛАНИЯ, ДАРОВАННЫЕ НАМ С НЕБЕС,
АДРЕСОВАНЫ НЕ ТОЛЬКО ХРИСТИАНАМ»:
РОЛЬ ЕВРЕЕВ В ЭКУМЕНИЧЕСКОМ ПРОЕКТЕ
ТЫСЯЧЕЛЕТНЕГО ЦАРСТВА ПУРИТАНСКОГО ТЕОЛОГА
КОТТОНА МЕЗЕРА (ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XVIII в.)**

I.Yu. Khruleva, V.V. Pavlov

**“PROCLAMATIONS SENT US FROM HEAVEN, ADDRESSED
NOT ONLY TO US CHRISTIANS”: THE ROLE OF JEWS IN
THE ECUMENICAL PROJECT OF THE MILLENNIUM
KINGDOM OF THE PURITAN THEOLOGIAN COTTON
MATHER (FIRST QUARTER OF THE 18th CENTURY)**

Аннотация. Еврейские иммигранты, начавшие активно переселяться в колонии Новой Англии в XVIII в., вызывали к себе немалый интерес со стороны пуританского населения — потомков основателей колоний, отождествлявших себя с древними евреями и считавшими себя новым богоизбранным народом, прибывшим в Америку с особой миссией. Мессианский дух первых поселенцев сопровождался крайней нетерпимостью в отношении тех, кто не разделял пуританскую доктрину, в том числе и евреев. Однако в результате масштабных перемен в системе колониального управления британской Америкой на рубеже XVII–XVIII вв. и последовавших изменений в духовном и интеллектуальном климате новоанглийских колоний произошла существенная трансформация мировоззренческих представлений новоанглийских пуритан, особенно в вопросах веротерпимости, взаимодействия с представителями других направлений протестантизма.

Хрулёва Ирина Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Khruleva Irina Yurievna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

+7-925-316-30-33; irinakhruleva@mail.ru

Павлов Владимир Владимирович, студент магистратуры программы «История диаспор и миграционных процессов» исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Pavlov Vladimir Vladimirovich, MA Student, History of Diasporas and Migration Processes Program, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

+7-977-653-56-27; vladimir_pavlov99@mail.ru

стантизма, форм и методов «обращения к истинной вере». Это заставило ведущих пуританских священнослужителей начать поиск способа вернуть интерес прихожан к религии. Одним из таких способов был избран милленаризм — вера в скорое наступление Тысячелетнего царства. Воплотить идеи милленаризма на практике попытался один из ведущих пуританских теологов своего времени Коттон Мезер. Он представляет милленаризм как экуменический проект, способный объединить представителей различных конфессий. Определение пуританских колонистов в качестве богоизбранного народа формировало особое отношение к иудеям. В статье особое внимание уделяется теологическим работам Коттона Мезера, посвященным евреям Новой Англии, в которых ярко проявились его милленаристские взгляды. Хотя труды К. Мезера, как и его миссионерская деятельность среди иудеев, не принесли ожидаемого результата, они позволили наладить контакты между протестантскими священнослужителями Америки, Великобритании и континентальной Европы. Пуританским священнослужителям Новой Англии необходимы были иные способы, чтобы добиваться религиозного обновления и обращения, которые вскоре будут активно использоваться во время Первого «Великого Пробуждения» второй трети XVIII в.

Ключевые слова: новоанглийский пуританизм, Коттон Мезер, милленаризм, пуританская типология, ранняя американская история, мессианство.

Abstract. Jewish immigrants, who began to move into the New England colonies in the eighteenth century, attracted considerable interest from the Puritan population, the descendants of the founders of the colonies. They identified themselves with the ancient Jews and saw themselves as a new God chosen people who came to America with a special mission. The messianic spirit of the early settlers was accompanied by extreme intolerance towards those who did not share the Puritan doctrine, including the Jews. With the sweeping changes in British American colonial administrative system at the turn of the seventeenth and eighteenth centuries and consequent changes in the spiritual and intellectual climate of the New England colonies, there was a significant transformation in the worldview of the New England Puritans, particularly in questions of religious tolerance, interaction with other Protestant denominations, forms and methods of “conversion to the true faith”. It led leading Puritan clergymen to search for a way to restore their parishioners’ interest in religion. Millenarianism, the belief in the imminent advent of the millennial kingdom, was chosen for this purpose. One of the main Puritan theologians of his time, Cotton Mather, tried to put the ideas of Millenarianism into practice. He presented Millenarianism as an ecumenical project capable of uniting representatives of different denominations. The vision of the Puritan colonists as God’s chosen people shaped the special attitude towards the Jews. The article pays special attention to the theological works by Cotton Mather on the Jews of New England, in which his Millenarian views are vividly presented. Although his works, as well as his missionary activity among the Jews, did not bring the expected results, they enabled contacts between the Protestant clergy of America, Great Britain and continental Europe. The Puritan clergy in New England needed other ways to push for religious renewal and conversion,

which would soon be actively pursued during the First “Great Awakening” of the second third of the eighteenth century.

Keywords: New England Puritanism, Cotton Mather, Millenarianism, Puritan typology, early American history, messianism.

* * *

Пуританский теолог Коттон Мезер (1663–1728) — одна из самых сложных и противоречивых фигур в интеллектуальной истории Новой Англии, ведь «в его взглядах сочетаются, на первый взгляд, несочетаемые вещи — глубокая набожность и религиозность, твердая приверженность принципам ортодоксального пуританизма и вместе с тем неподдельный интерес к естественным наукам, новым открытиям, практической медицине»¹. Представитель влиятельного новоанглийского семейства, названный в честь своих великих предков², Коттон Мезер главной своей миссией видел укрепление позиций новоанглийского пуританизма как в религиозной, так и в общественно-политической жизни Массачусетса. Однако в результате масштабных перемен в системе колониального управления британской Америкой на рубеже XVII–XVIII вв. и последовавших изменений в духовном и интеллектуальном климате новоанглийских колоний³ произошла существенная трансформация мировоззренческих представлений пуританского священнослужителя, особенно касающихся вопросов веротерпимости, взаимодействия с представителями других направлений протестантизма, форм и методов «обращения к истинной вере».

¹ Хрулёва И.Ю., Волкова Е.С. Разум и вера: взгляды Коттона Мезера на взаимоотношение научного знания и религии // Вестник РУДН. Серия Всеобщая история. 2012. № 2. С. 42.

² Знаменитыми новоанглийскими проповедниками, стоявшими у истоков «пуританского эксперимента», были оба деда Коттона Мезера — Джон Коттон (1584–1652), служивший в Первой церкви Бостона, и Ричард Мезер (1596–1669), проповедовавший в Первой церкви Дорчестера (Массачусетс). Отец Коттона Инкрис Мезер являлся священником Второй церкви Бостона, с 1685 по 1701 г. занимал пост президента Гарвардского колледжа, а с 1688 по 1692 г. находился с политической миссией в Англии, целью которой было возвращение хартии Массачусетса, отмененной в 1684 г.

³ Более подробно об этом см.: Хрулёва И.Ю. «Ни наше гражданское состояние, ни наш церковный строй никогда не будут прежними»: событий Славной революции 1688–1689 г. в колониях Новой Англии // Электронный научно-образовательный журнал История. 2021. Т. 12. Вып. 1(99); Хрулёва И.Ю. «Образ идеального правителя»: эволюция представлений о власти в политической доктрине новоанглийского пуританизма XVII–XVIII вв. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2. История. 2021. Т. 99. № 2. С. 9–35; Волкова Е.С., Хрулёва И.Ю. Формирование Британской системы колониального управления на примере Массачусетса последней четверти XVII — начала XVIII вв. // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2017. № 2. С. 68–87.

Взгляды и деятельность Коттона Мезера традиционно привлекают внимание как американских, так и отечественных исследователей. Тем не менее, интерес духовного лидера пуританской Новой Англии к обращению иудеев в христианство, миллениаристский контекст его воззрений, переписка с представителями других протестантских деноминаций, экуменические высказывания практически не становились предметом специальных исследований. Лишь отдельные аспекты затронутой в настоящей статье темы рассматривались в работах американских и британских авторов⁴.

На рубеже XVII–XVIII вв. пуританизм продолжает играть важную роль в жизни новоанглийского общества, при этом личная религиозность рядовых прихожан пуританских церквей переживает упадок. Происходит размывание слоя «истинных пуритан», постепенно терявших контроль над религиозной ситуацией и общественной жизнью в Новой Англии и в этой обстановке стремившихся всеми силами оживить утрачиваемое религиозное чувство и свое влияние. Рассуждая в одной из проповедей 1690 г. о современном положении Новой Англии, Коттон Мезер был вынужден признать «отвратительное безразличие большинства людей» к религии: «Мы погружаемся в столь бедственное и опасное положение, в котором никогда еще ранее не находились»⁵. Для Мезера характерна постоянная историческая отсылка к образу героического переселения, рассуждения о благочестии и набожности участников пуританского «великого исхода» 1630 г., которые своими страданиями, мужеством и нечеловеческими усилиями по созданию процветающих поселений в Новой Англии практически «заслужили» свои права и свободы, — это своего рода интерпретационная модель, позволявшая жителям Массачусетса ориентироваться в непростой текущей политической ситуации. Вот и свои рассуждения о скором наступлении Тысячелетнего царства и роли евреев в этом событии Коттон Мезер строит вокруг рассуждений о «великом исходе» пуритан в Америку накануне Английской революции середины XVII в.

⁴ Benz E. Ecumenical Relations between Boston Puritanism and German Pietism: Cotton Mather and August Franke // *The Harvard Theological Review*. 1961. Vol. 54. N 3; Friedman L. Cotton Mather and The Jews // *Publications of the American Jewish Historical Society*. 1918. N 26; Hall M. *The Last American Puritan: The Life of Increase Mather*. Middletown (Conn.), 1988; Hertzner A. *The Jews in America: Four Centuries of an Uneasy Encounter: A History*. New York, 1997; Hunher L. *The Jews of New-England prior to 1800* // *Publications of the American Jewish Historical Society*. 1903. Vol. 2; Kennedy R. *The First American Evangelical: A Short Life of Cotton Mather*. Cambridge (Mass.), 1958; Reiss O. *The Jews in Colonial America*. London, 2004; Silverman K. *The Life and Times of Cotton Mather*. New York, 1984; Splitter W. *The Fact and Fiction of Cotton Mather's Correspondence with German Pietist August Hermann Franke* // *The New England Quarterly*. 2010. Vol. 83. N 1.

⁵ Mather C. *The Present State of New-England*. Boston, 1690. P. 23–33.

Результатом развернувшегося в 1620–1640-е гг. масштабного «пуританского эксперимента» стало переселение («великий исход») в Северную Америку нескольких десятков тысяч англичан, не согласных с обрядами, иерархичной структурой, доктриной англиканской церкви и мечтавших построить на земле Нового Света идеальные церковные общины и создать идеальную политическую организацию. Америку они видели, как «Землю Обетованную», интерпретируя, таким образом, Ветхий Завет как пророчество, которое может исполниться в Новом Свете.

В этот период в пуританской теологии зарождается идея созидания библейского «града на холме». В Ветхом Завете «градом на холме» именовался Иерусалим (Ис. 2:2–3.). Но речь шла не о строительстве нового Иерусалима. Один из лидеров пуритан и будущий губернатор колонии Массачусетского залива Джон Уинтроп (1587–1649) в своей проповеди «Образец христианского милосердия» давал следующее определение: «Мы должны осознавать, что будем подобны городу на холме, — взоры всех народов будут устремлены на нас»⁶. Это было заявление об особой миссии пуритан, их избранности Богом для строительства нового общества, устои которого должны были бы распространиться в дальнейшем на другие народы. Подходящим местом для такого общества Уинтроп и посчитал колонию Массачусетского залива.

Пуритане считали свое переселение в Америку Исходом, тем самым ассоциируя себя с древнееврейским народом, спасавшимся от гонений. Опираясь на важнейшую для новоанглийского пуританизма доктрину национального ковенанта, участники «великого исхода» считали себя «богоизбранной нацией», преемниками ветхозаветного Израиля. Пуритане вознамерились жить на земле Нового Света, неотступно следуя божественным предписаниям. Путеводной нитью для них стали предписания Ветхого Завета, ибо в нем нашла воплощение идея создания государственности на новых землях, установление новых богоугодных норм жизни. Один из основателей колонии и первый губернатор Нового Плимута Уильям Брэдфорд (1590–1657) ассоциировал себя с Моисеем, стоящим на горе Фасга: «Не могли мы и взойти на вершину Фасги, дабы искать оттуда взором страну, более отвечающую упованиям нашим, ибо, куда ни обращали мы взор (разве лишь к небесам), ни на одном из видимых предметов не мог он отдохнуть»⁷. В подготовленном Джоном Коттоном первом проекте «Свода законов» Массачусетса за основу были

⁶ *Winthrop J. A Modell of Christian Charity*, Boston, 1838. P. 33.

⁷ *Брэдфорд У. История поселения в Плимуте; Франклин Б. Автобиография. Памфлеты; Кревкер Сент Джон, де. Письма американского фермера. М., 1987. С. 80.*

взяты ветхозаветные законы Моисея. Ковенантная теология явилась теоретическим обоснованием пуританского государства «святых»: «эта концепция имела огромное значение для руководителей Массачусетса, ... как политическая и социальная доктрина»⁸.

Стремясь выявить тесную связь между событиями Ветхого и Нового Завета, новоанглийские пуритане широко применяли типологический подход в прочтении Священного Писания. Особенности трудности возникали при попытках связать жизнь Христа с текстом Ветхого завета: никто из ветхозаветных пророков, говоря о пришествии мессии, не указывает на то, когда это произойдет, и не дает точного описания бога-сына. Пуританская типология «основывалась исключительно на соединении и увязывании ранее произошедших событий с более поздними. Эти ранние события превращались в образцы (типы) для более поздних (антитипы). Так, Моисей превращался в прообраз Христа. Тип и антитип обладали полной исторической достоверностью. Между ними существует тесное подобие, однако, конечно, не полная и тем более не внешняя идентичность. Тип создается богом с целью подтверждения существования анти-типа. Проследивание этих исторических цепочек “тип–антитип” и должно показать людям пути творения богом истории»⁹. Предназначенная, казалось бы, исключительно для трактовки текстов Священного Писания, типология использовалась пуританами для объяснения явлений современности (прежде всего — переселения за океан и строительства «града на холме»), а также для обоснования богоизбранности Массачусетса: «протестантская герменевтика использовала типологию и для объяснения текущих событий. В этом случае либо ветхозаветные сюжеты, либо пророчества Откровения толковались как “тип” какого-либо сюжета современной истории церкви. Поэтому неудивительно, что, размышляя о своей идентичности, значительную часть отождествлений/противопоставлений пуритане укладывали в прокрустово ложе типологии»¹⁰. С помощью типологии новоанглийские пуритане пытались вписать свою «миссию в дебри» в контекст христианской истории: «это было средство

⁸ *Miller P. Errand into the Wilderness. Cambridge (Mass.), 1956. P. 89; Idem. The New England Mind. The Seventeenth Century. Cambridge (Mass.); London, 1982. P. 397.*

⁹ *Покровский Н.Е. Ранняя американская философия. Пуританизм. М., 1989. С. 11.*

¹⁰ *Адамова Н.Э. Преодоление кризиса идентичности в сочинениях английских эмигрантов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2015. Вып. 1. С. 31. См. также: Bercovitch S. Typology in Puritan New England: the Williams-Cotton Controversy Reassessed // American Quarterly. 1967. Summer. Vol. 19. N 2. Part 1. P. 166–191; McGiffert M. American Puritan Studies in 1960s // The William and Mary Quarterly: 3rd Ser. Jan., 1970. Vol. 27. N 1. P. 36–67.*

соединить настоящее с прошлым и будущим, особенное с общим, человеческое с божественным»¹¹. Неслучайно, что едва ли не главным жанром ранней американской литературы, вышедшей из-под пера пуританских авторов, становятся знаменитые пуританские «Истории»: их авторы намеренно использовали стиль и речевые конструкции, характерные для эпических текстов Ветхого Завета — таким образом история Новой Англии становилась своеобразным продолжением библейской истории¹². В отличие от более поздних пуританских «Историй» XVIII в., начинавших изложение истории Новой Англии с сотворения мира¹³, Брэдфорд и Уинтроп на первых страницах своих сочинений объясняли причины, побудившие пуритан покинуть Старый Свет и отправиться в Америку, и скрупулезно записывали все мало-мальски значимые события «новоанглийского эксперимента», чтобы обнаружить Провидение Господне.

Основанный пуританами в 1630 г. Бостон стал центром всего новоанглийского региона и со временем превратился в крупнейший колониальный морской порт Британии, привлекательный не только для спасавшихся от преследований пуритан, но и для евреев, имевших коммерческие интересы. В Америку переселялись преимущественно евреи-сефарды из Испанской и Священной Римской империи. Испанские евреи бежали от преследований со стороны инквизиции. Евреи Священной Римской империи спасались от участвовавших в XVII в. антисемитских выступлений и погромов, учиняемых в Праге.

При переселении в Америку евреи ориентировались на уровень веротерпимости в той или иной колонии. Пуританские колонии, чье общество считало себя новым «градом на холме» и состояло из ревностных христиан, поначалу не подходили для евреев. Ими была избрана нидерландская колония Новый Амстердам, где до прихода к власти в 1647 г. губернатора Питера Стуйвесанта господствовал религиозный плюрализм и власти придерживались принципов веротерпимости¹⁴. Стуйвесант начал проводить жесткую религиозную политику, стремясь укрепить влияние Нидерландской Реформатской церкви. Подобные действия губернатора заставляли евреев покидать

¹¹ *Typology and Early American Literature* / Ed. by S. Bercovitch. Cambridge (Mass.), 1972. P. 107.

¹² *Адамова Н.Э.* Истоки идеи «исключительности» колоний Новой Англии в европейских мифах и утопиях XVI–XVII вв. // Труды Кафедры истории Нового и новейшего времени СПбГУ. 2010. № 4. С. 19.

¹³ См., например: *Prince T.A.* Chronological History of New-England: In the Form of Annals. Boston, 1736.

¹⁴ *Diner H.* The Jews of the United States, 1654 to 2000. Berkeley, 2006. P. 16–17.

Новый Амстердам в поисках поселений, где исповедование иудаизма не преследовалось.

Во второй половине XVII в. в пуританской риторике стали зарождаться сомнения, действительно ли Америка — это новый Израиль, а не Синайская пустыня. Их вызвали трудности, выпавшие на долю так называемого «второго поколения» строителей пуританского «града на холме» в Новой Англии: упадок религиозности в колониях, уход пуритан с политической сцены в метрополии, неурожай и болезни¹⁵. Сложности при принятии новых членов общин и строгость порядков также не способствовали увеличению посещаемости церквей. Вместе с этим росла и религиозная терпимость мирян к представителям других конфессий, что позволило евреям поселиться в колонии Массачусетского залива¹⁶.

Происходящие изменения в религиозной жизни колонии вызвали сильную обеспокоенность у пуританских священнослужителей. Они старались пробудить в прихожанах дух первых пуритан, и в проповедях все чаще стали звучать милленаристские идеи.

Принципы милленаризма основываются на поиске окончательного неминуемого общего спасения, заканчивающегося наступлением Тысячелетнего царства. Для его наступления было необходимо тотальное религиозное обновление общества. Оно должно было заключаться не только в стремлении к спасению, но и в полном уничтожении всего, что может помешать наступлению Тысячелетнего царства. Само Тысячелетнее царство определялось как мир, где отсутствуют какое-либо разделение людей, болезни. Человечество избавится от боли и грехов, обретя гармонию и мир¹⁷.

Приверженцы милленаризма утверждали, что общество погрязло в грехах и несправедливости, и опирались преимущественно на текст Откровения Иоанна Богослова, где говорится о Мессии — Иисусе Христе, спустившимся с небес судить живых и мертвых и заточившим Сатану на тысячу лет¹⁸. По истечении тысячи лет должна состояться последняя битва, после которой дьявол будет окончательно повержен.

Милленаризм прежде всего характерен для протестантской теологии, в то время как католицизм отрицает любые формы проявле-

¹⁵ *Crouse N.* Causes of the Great Migration 1630–1640 // *The New England Quarterly*. 1932. Vol. 5. N 1. P. 14–15.

¹⁶ *Talmon Y.* Millenarian Movements // *European Journal of Sociology*. 1995. Vol. 7. N 2. P. 160–161.

¹⁷ *Lee M.* American Millenarianism and Violence: Origins and Expression // *Journal for the Study of Radicalism*. 2007. Vol. 1. N 12. P. 109–110.

¹⁸ *Case J.* The Millennial Hope: A Phase of War-time Thinking. Chicago, 1918. P. 15–16.

ния милленаризма, считая его необоснованной формой мессианской надежды¹⁹. Милленаризм и его основные принципы, вероятно, были переняты из иудаизма, где идея мессианства высказывалась еще в еврейской апокрифической литературе²⁰.

Мессианство вновь набрало популярность среди евреев в середине XVII в. Каббалистические тексты указывали, что годом пришествия еврейского Мессии станет 1648-й. В это время Мессией провозгласил себя Шаббатай Цви, каббалист из Смирны. Время для подобного заявления было выбрано довольно удачно, поскольку в Португалии и Речи Посполитой возобновились гонения на евреев. Евреи ждали чуда, и поэтому большая их часть поверила Шаббатаю²¹.

Мессианство Шаббатая поддерживалось несколькими авторитетными раввинами. Когда Шаббатай был изгнан из Смирны, он отправился в Константинополь, где получил поддержку от влиятельного проповедника Авраама Ячини, который подтвердил, что Цви является Мессией. Ячини даже предоставил рукопись под названием «Великая мудрость Соломона», в которой было указано: «Я, Авраам услышал голос, провозглашающий: Он родится в 5386 году от Мордехая Зеви и назовут его Шаббатаем. Он истинный Мессия, сядет на Мой престол»²².

Поддержку Цви оказал и раввин Газы Натан Леви. Он объявил себя воскресшим пророком Илией, который должен был провозгласить приход Мессии. В 1665 г. Леви заявил, что мессианская эпоха начнется в следующем году с завоевания мира без кровопролития. Таким образом, она должна была начаться в 1666 г., что соответствовало убеждениям приверженцев милленаризма и приковало внимание к Шаббатаю не только евреев, но и священнослужителей по всему миру, в том числе и в колониальной Америке, где милленаризм только зарождался²³.

Одним из первых, кто воспринял принципы милленаризма в колониях, стал президент Гарвардского колледжа и проповедник Второй Бостонской церкви Инкриз Мезер (1639–1723). В своих проповедях он утверждал, что Тысячелетнее царство наступит в недалеком будущем. Свою цель он видел в его подготовке, а именно в

¹⁹ Catechism of the Catholic Church. New York, 1995. P. 194.

²⁰ Wessinger C. The Oxford Handbook of Millennialism. New York, 2016. P. 254.

²¹ Ernstine G.E. A Precursor of Christ or a Jewish Impostor? // The Journal of Ecclesiastical History. 1987. Vol. 38. N 4. P. 109.

²² Gershom S. Sabbatai Sevi: The Mystical Messiah: 1626–1676. London, 1973. P. 177–180.

²³ Ibid. P. 180.

создании «Нового Иерусалима», роль которого отводилась Бостону. Город должен был предстать как место, где каждый демонстрировал истинность своей христианской веры²⁴. Бостон к концу XVII в. стал одним из крупнейших торговых центров Британской Америки, что постепенно привело к переселению в столицу Массачусетса евреев, имевших коммерческие интересы. Растущее число последователей иудаизма в городе привлекло внимание Инкриза Мезера, ведь, согласно миллениаризму, Тысячелетнее царство могло наступить только там, где все являлись истинными приверженцами христианства, а значит, Бостон не мог претендовать на роль «Нового Иерусалима», откуда среди его жителей были «необращенные».

Популярность Шаббата, слухи о том, что еврейские торговцы в Нью-Йорке продают свои товары и готовятся к новой эпохе, в которой они отправятся в Сион, привлекли внимание Инкриза Мезера. В одной из проповедей он упомянул, что «повсеместно ожидается великий переворот, не только среди протестантов, но и католиков, евреев и турок. И турки, и Папа были готовы пасть, оставив поле для истинного христианства протестантов, проложив путь ко Второму Пришествию. Евреи объединятся и вернутся в Иудею, чтобы вновь завладеть своей землей»²⁵.

С позицией Инкриза Мезера был солидарен и священнослужитель из Нью-Хейвена Джон Давенпорт (1597–1670). Он считал, что слова Мезера не лишены оснований, поскольку из разных уголков мира постоянно поступали сообщения о том, что израильтяне находятся на пути к Иерусалиму. Но прогнозируемая дата воссоединения прошла, Шаббата Цви принял ислам, и мессианская идея среди евреев пришла в упадок. Тем не менее, среди пуританских священнослужителей интерес к евреям не исчезал²⁶.

В своих трудах Инкриз Мезер говорил лишь о необходимости обращения евреев в христианство, но то, как это должно произойти, более подробно описывал уже его сын — член Лондонского королевского общества, крупный религиозный и общественный деятель Новой Англии, Коттон Мезер.

Коттон Мезер получал образование в Гарвардском колледже и готовился по примеру отца стать священнослужителем²⁷. Но при

²⁴ *Smolinski R.* Israel Revididus: The Eschatological Limits of Puritan Typology in New England // *The New England Quarterly*. 1990. Vol. 63. N 3. P. 361–362.

²⁵ *Mather I.* The Mystery of Israel's Salvation, Explained and Applied. Boston, 1669. P. 8.

²⁶ *Hertzner A.* The Jews in America: Four Centuries of an Uneasy Encounter. A History. New York, 1997. P. 29.

²⁷ *Levin D.* Hazing of Cotton Mather: The Creation of Biographical Personality // *The New England Quarterly*. 1963. Vol. 36. N 2. P. 148–149.

чтении своих первых проповедей он часто заикался, что заставило его временно отказаться от карьеры проповедника и покинуть колледж. Недолгое время он продолжал свое образование дома, но все же решил возобновить обучение в колледже, который и был им окончен в 1681 г. со степенью магистра искусств²⁸. Коттон Мезер никогда не покидал Новую Англию, тем не менее его авторитет ученого был признан европейскими коллегами: в 1710 г. университет Глазго присвоил ему докторскую степень, а в 1723 г. Лондонское королевское общество приняло его в свои члены²⁹.

После окончания колледжа Коттон Мезер стал помогать своему отцу во Второй Бостонской церкви, в которой он прослужит вторым пастором вплоть до смерти отца в 1723 г. Разделяя отцовскую приверженность миллениаризму, он стал работать с верующими за пределами церкви, регулярно посещая прихожан. Он пытался возродить истовую религиозность жителей колонии, стремясь «познакомить людей всех возрастов и полов с Богом»³⁰. Коттон Мезер перенял от отца и интерес к возможности обращения евреев.

Если Инкриз Мезер в своих трудах не давал конкретных разъяснений, что и когда должно было произойти с иудеями для наступления Тысячелетнего царства, то, по мнению его сына, «когда евреи будут рассеяны по всей земле, произойдет обращение еврейского народа к христианству, а затем наступит тысячелетнее царство»³¹. Но, поскольку сами евреи не стремились переходить в христианскую веру, для их обращения необходимы были действия со стороны пуританских священнослужителей, которые, по замыслу Мезера, должны были вести миссионерскую работу среди евреев, обращая их в христианство.

18 июля 1696 г. Коттон Мезер оставил в своем дневнике следующую запись: «В этот день, когда я пал ниц перед Господом, я вознес ему свои молитвы об обращении еврейского народа, а также о том, чтобы мне была дарована возможность крестить еврея, который благодаря моему служению вернулся бы к Богу»³².

Без ознакомления со священными книгами иудеев, написанными на древнееврейском языке, вести миссионерскую работу среди

²⁸ Silverman K. Op. cit. P. 16–17.

²⁹ Хрулева И.Ю., Волкова Е.С. Разум и вера: взгляды Коттона Мезера на взаимоотношение научного знания и религии // Вестник РУДН. Сер. Всеобщая история. 2012. № 2. С. 35.

³⁰ Silverman K. Op. cit. P. 20.

³¹ Diary of Cotton Mather. 1681–1724. In 2 Vols. Vol. 1 / Ed. by C. Adams. Boston, 1911. P. 64.

³² Ibid. P. 200.

евреев не представлялось возможным. Мезер изучал древнееврейский язык еще во время обучения в Гарвардском колледже, а позднее ознакомился с Талмудом — еврейским сводом правовых и религиозно-этических положений иудаизма³³.

В скором времени Мезеру удалось познакомиться с одним из бостонских евреев — Фразоном, с которым проповедник регулярно встречался, надеясь обратить его в христианскую веру. В своем дневнике 28 апреля 1699 г. он записал: «В течение долгих лет я много беседовал с евреем, живущим в нашем городе, и молил, желая прославить Господа нашего Иисуса Христа, дать возможность обратиться неверного, если только Господь соблаговолит принять меня на это служение»³⁴.

Однако попытки обратить Фразона оказались бесплодными. Потерпев неудачу в миссионерстве, Мезер решил сосредоточиться на теологии. Он подготовил теологическое сочинение, посвященное иудеям и их переходу в христианство. Данный труд был написан в 1699 г. и получил название «Вера отцов». Он содержит обращение к еврейскому народу: «Послания, дарованные с небес, адресованы не только нам, христианам, но и вам. Мы, христиане, чудесными деяниями Бога были приведены к Вере Отцов, но вы отвергли эту веру, все более заблуждаясь»³⁵. Проповедник, упрекая евреев в отступничестве от истинной веры, предлагает им вернуться к Ветхому Завету, объединиться с христианами и приблизить наступление Тысячелетнего царства.

Данный трактат был написан Мезером в форме катехизиса (вопросов и ответов). Проповедник последовательно представлял аргументы, на его взгляд, достаточные, чтобы еврейский народ отказался от своей собственной веры и полностью перешел в христианство.

Особый акцент Коттон Мезер делает на Мессии. Мессией в христианской трактовке является Иисус Христос, выступающий как избавитель от грехов. В иудаизме Мессия трактуется несколько по-иному. Для иудеев он является абстрактным идеальным государем мессианских времен. Относительно самого понятия «мессианское время» среди раввинов не существовало единой точки зрения. Одни считали его временем всеобщего мира и процветания, другие утверждали, что такое время наступит, когда еврейский народ вновь объединится в Израиле, а иудаизм будет принят повсеместно³⁶.

³³ *Friedman L.* Op. cit. P. 201.

³⁴ *Diary of Cotton Mather.* 1681–1724. Vol. 1. P. 298–299.

³⁵ *Mather C.* Faith of Fathers. Boston, 1699. P. 3–4.

³⁶ Тора. Пятикнижие и Гафтарот / Пер. В. Гиль, З. Мешков, комм. Й. Герц. М., 1999. С. 67.

Мезер же делает упор на то, что иудейское «мессианское время» и христианский миллениум идентичны, а значит, для иудеев не должно возникать серьезных затруднений при переходе в христианскую веру. Он пытается доказать, цитируя Ветхий Завет, что абстрактным иудейским Мессией является Иисус Христос: «Да, это сказано в книге пророка Даниила 9:25³⁷: итак, знай и разумей: с того времени как выйдет повеление о восстановлении Иерусалима, до Мессии Господа семь седьмин и возвратится народ, и обстроятся улицы и стены» (Даниил 9:25.). При помощи подобных обращений Коттон Мезер говорит о том, что евреи, приняв христианство, помогут в строительстве нового «града на холме».

В качестве еще одного аргумента в пользу единства Мессии и Иисуса Христа Мезер приводит Евангелие апостола Матфея, где Иисус называется Мессией, обещанным еврейскому народу их священной книгой: «Иоанн же, услышав в темнице о делах Христовых, послал двоих из учеников своих сказать Ему: Ты ли Тот, Который должен прийти, или ожидать нам другого?» (Матфей 11:2–3.).

Коттон Мезер утверждал, что евреи только во времена Иисуса ошибочно верили в человеческую сущность Мессии, поскольку ждали своего царя, который восстановил бы их государство³⁸. В пользу данной теории проповедник сделал указание на то, что Крещение Иисуса следовало еврейским традициям: «Цари дома Давидова должны были быть помазаны у источника воды»³⁹, подтверждая это цитатой из Евангелия Матфея: «И, крестившись, Иисус тотчас вышел из воды, — и се, отверзлись Ему небеса» (Матфей 3:16). А тот факт, что Иисус был крещен в водах Иордана, должен был, по мнению Мезера, возвести Иисуса в статус Мессии для евреев.

Отождествление Иисуса с еврейским Мессией было напрасным, поскольку с точки зрения иудеев Иисус никак не мог быть мессией, так как дал себя схватить римлянам, не стал спасаться и был распят, что в иудаизме считается позором. Еврейский Мессия, согласно Талмуду, должен был выполнить определенные условия. Таковых должно было быть четыре: построить Третий Иерусалимский храм на месте двух разрушенных — храма Соломона и храма Ирода в Иерусалиме, собрать в Израиле всех евреев, объявить эру мира и нести веру иудаизма. Поскольку Иисус не выполнил как минимум одно из этих условий, назвать его мессией с точки зрения иудаизма оснований нет.

³⁷ *Mather C. Faith of Fathers. P. 7.*

³⁸ *Ibid. P. 8.*

³⁹ *Ibid. P. 22.*

Коттон Мезер объяснял евреям, что «благословенный Иисус предсказывал невзгоды, ныне обрушившиеся на вас»⁴⁰. Этим невзгодам, по мнению проповедника, мог прийти конец только в том случае, если евреи осознают ошибочность избранного ими пути.

«Вера отцов» не нашла отклика среди евреев Бостона, но проповедник вскоре получил известие из Каролины о том, что его труд заинтересовал местного еврея: «В этот день (2 сентября 1699 года) в письмах из Каролины я получил весть, чрезвычайно ободрившую меня — еврей, ознакомившийся там с моей книгой, принял христианскую веру»⁴¹. Тем не менее, никаких сведений о том, кем был этот еврей, в своем дневнике Мезер не оставляет, а письмо из Каролины не сохранилось. Поэтому дать точный ответ, состоялось ли крещение на самом деле или это был специально распространенный слух для привлечения покупателей к еврейским торговцам, не представляется возможным.

Несмотря на то, что принципы «Веры отцов» не были восприняты иудеями, Коттон Мезер не оставляет идею крещения еврейского народа. В 1700 г. он получил сведения об обращении еврея Шалома Бен Шаломоха, который присоединился к конгрегационалистской церкви в Лондоне⁴². Проповедник решил опубликовать полученный рассказ о крещении, используя случай в Лондоне в качестве примера для евреев американских колоний. Однако публикация была отложена почти на год и появилась лишь в качестве приложения к труду «Американские слезы на руинах греческих церквей», который был адресован христианам, а не иудеям⁴³.

В этот период Мезер завершает свой главный труд “*Magnalia Christi Americana*”, или «Великие деяния Христа в Америке». К самому созданию этого труда Мезер относился как к миссии — показать Америку в качестве благословенного места, в отличие от Европы, уподобляемой им языческим Вавилону, Египту и Риму⁴⁴. Именно в этом труде Коттон Мезер демонстрирует то, что он считает евреями всех, кто исповедует иудаизм, независимо от национальной принадлежности⁴⁵.

Мезер, как и первые переселенцы, ассоциирует пуритан с библейским богоизбранным народом, говоря о превращении пуритана-

⁴⁰ *Ibid.* P. 3.

⁴¹ *Diary of Cotton Mather. 1681–1724. Vol. 1. P. 315.*

⁴² *Friedman L. Op. cit. P. 205.*

⁴³ *Ibid.* P. 205–206.

⁴⁴ *Kennedy R. Op. cit. P. 74.*

⁴⁵ *Hall M. Magnalia Christi Americana Review // The New England Quarterly. 1978. Vol. 51. N 1. P. 119.*

ми американской «пустыни» во второй Эдем. Представляя пуритан как нового избранного Богом народа, проповедник подверг резкой критике иудаизм, придерживаясь позиций епископа Уэльса Ричарда Киддера (1633–1703), резко осуждавшего евреев, как древних, так и современных⁴⁶. Мезер утверждал, что слова Иисуса были настолько полны мудрости, что евреи собрали их и поместили в Талмуд. Таким образом, проповедник высмеивает евреев, указывая на то, что евреи демонстрируют свое слепое отвращение к Иисусу Христу, при этом используя его слова в своих трактатах⁴⁷.

Осуждая евреев за лицемерное заимствование мудрости Иисуса Христа, Мезер обвинял древних евреев еще и в колдовстве: «Евреи, частым использованием магических уловок, призывали к себе бесов»⁴⁸. При этом проповедник настаивал на терпимости в отношении к иудеям. Вероятно, это было сделано под впечатлением от ведовских судебных процессов в Сейлеме 1692 г., которые в значительной степени ударили по престижу пуританских священнослужителей в Новой Англии. В ходе судебных процессов над ведьмами и Коттон, и Инкриз Мезеры выступали с активной поддержкой действий судебного трибунала в Сейлеме и высказывались за необходимость искоренить дьявольский заговор, направленный против богоизбранной Новой Англии⁴⁹. Но к 1697 г. большинство судей Сейлемского трибунала были вынуждены признать, что вынесенные ими приговоры были ошибочны, и публично покаялись перед колонистами. Коттон Мезер опасался, что обвинение в колдовстве не только древних, но и современных евреев, может привести к новой волне подобных процессов, и, как следствие, к дальнейшей критике пуританского духовенства, оказавшегося неспособным выработать четкие практические рекомендации по выявлению и искоренению ведьм и колдунов.

Поскольку самостоятельные действия Мезера по обращению евреев в христианство не приносили значительного успеха, проповедник обратился за помощью к прихожанам, среди которых находились те, кто проявил заинтересованность в подобном проекте и был готов содействовать проповеднику. Одним из них был влиятельный торговец, владелец типографии и помощник судьи Верховного суда

⁴⁶ Bertcovitch S. *New England Epic: Cotton Mather's Magnalia Christi Americana* // *English Literary History*. 1966. Vol. 33. N 3. P. 343.

⁴⁷ *Ibid.* P. 344.

⁴⁸ *Mather C. Magnalia Christi Americana: or The Ecclesiastical History of New-England, from Its First Planting in the Year 1620 unto the Year of Our Lord, 1698.* London, 1775. P. 96.

⁴⁹ *Werking R. Cotton Mather and Salem Witchcraft* // *The William and Mary Quarterly*. 1972. Vol. 29. N 2. P. 286–287.

колонии Массачусетского залива Самюэль Сьюэлл (1652–1730), которого Мезер посвятил в свои планы. Дневниковые записи Сьюэлла свидетельствуют о том, что проповедник в 1704 г. говорил ему о неудачных попытках крестить знакомого еврея Фразона⁵⁰.

Но признав недостаточность написания сугубо теологических трудов, Мезер возобновил начатую почти 20 лет назад работу с Фразоном и в 1711 г., похоже, добился желаемого результата. Об этом событии проповедник упомянул в своем дневнике: «Вот уже 19 лет он является предметом наших забот, в обращении и спасении которого Небесные Откровения были необычайно чудесны»⁵¹.

Произошедшее побудило проповедника начать следить за обращениями евреев не только в британских колониях и самой метрополии, но и в континентальной Европе. Благодаря посредникам в Лондоне Мезеру удастся установить связь с лютеранскими священниками⁵². Его целью был не только сбор информации об обращенных евреях, но и предложение европейским коллегам экуменических проектов, способных объединить протестантов. Мезер вступил в переписку с одним из ведущих деятелей немецкого протестантизма Августом Германом Франке (1663–1727), чья работа по «возрождению» религиозной жизни своего прихода заинтересовала новоанглийского священнослужителя⁵³. Он предложил Франке проект объединения всего протестантского мира в духе ранних христиан, что должно было ускорить наступление Тысячелетнего царства. Также Мезер планировал использовать типографию Франке для печати и распространения своих трудов в Европе. Но этим планам не суждено было сбыться. О едином экуменическом подходе договориться не удалось, а в публикации трудов Мезера Франке заинтересован не был⁵⁴.

Тем не менее, установленные контакты помогли Мезеру в 1716 г. получить отчет об обращениях в Берлине еврейских детей, которые стали массово отказываться от своей веры, принимая протестантизм⁵⁵. Этот случай привлек внимание пуританского проповедника, который стал собирать сведения об этой истории. Полученная информация легла в основу труда Коттона Мезера «Воодушевление Веры»⁵⁶.

⁵⁰ *Diary of Samuel Sewell. 1674–1729. In 2 Vols. Vol. 2 / Ed. by J. Wilson. Boston, 1878. P. 178.*

⁵¹ *Diary of Cotton Mather 1681–1724. Vol. 1. P. 411.*

⁵² *Stanley B. Christian Missions and Enlightenment. New York, 2001. P. 30.*

⁵³ *Splitter W. Op. cit. P. 106–107.*

⁵⁴ *Benz E. Op. cit. P. 161–162.*

⁵⁵ *Mather C. Faith Encouraged. P. 3–5.*

⁵⁶ *Friedman L. Op. cit. P. 209.*

Мезер продемонстрировал данный труд по крайней мере двоим — своему другу Фразону, уже принявшему к тому времени христианство, и бостонскому раввину, через которого проповедник намеривался распространить свои труды среди евреев британских колоний в Америке⁵⁷. Однако о реакции раввина на прочтение «Водоушевление Веры» Мезер никаких записей не оставил.

В 1717 г. Мезеру удалось получить отчет об обращении трех еврейских девушек в Берлине⁵⁸. Он вновь решает представить произошедшее как событие, которое должно вдохновить еврейский народ: «Если хотя бы одна Душа из этого народа найдет, достигнет и осознает тот путь, которые сейчас будет представлен ему, то это будет стоить усилий, потраченных на эти Увещания»⁵⁹. Однако увещевания Мезера вновь не принесли результата. Никаких свидетельств о случаях обращения или желании кого-либо из евреев в Бостоне перейти в христианскую веру проповеднику получить не удалось. В результате Мезер решил окончательно отказаться от идеи крещения евреев, а значит и от своего убеждения в скором наступлении Тысячелетнего царства. Об этом упоминает Самюэль Сьюэлл в письме брату Коттона Самюэлю Мезеру: «Коттон Мезер настолько часто говорит о Судном дне, что он, кажется, убежден в том, что никакого обращения евреев не происходит и никогда не сможет произойти»⁶⁰. Окончательное разочарование в идее крещения евреев означало и отказ Мезера от принципов миллениаризма. Пессимизм Мезера в попытках обратить евреев не изменило даже принятие христианства евреем Иудой Монисом в 1722 г.

Монис переехал в Америку в 1711 г. и выполнял обязанности раввина для евреев Нью-Йорка и Ямайки. В 1715 г. он открыл собственный магазин в Нью-Йорке и одновременно начал преподавать иврит. В 1720 г. Монис оставляет Нью-Йорк и переезжает в Кембридж в Массачусетсе, где получает степень магистра искусств, став первым евреем, получившим высшее образование в Америке⁶¹.

После окончания учебы Монис написал учебник «Грамматика еврейского языка», который он представил ученому сообществу Гарварда. До Мониса учебников иврита в Америке не существовало. 30 апреля 1722 г. было принято решение предоставить Монису должность преподавателя иврита, поскольку Ветхий Завет должен был из-

⁵⁷ Ibid. P. 205.

⁵⁸ *Hunher L. The Jews of New England Prior to 1800 // Publications of The American Jewish Historical Society. Vol. 2. 1903. P. 79.*

⁵⁹ *Diary of Cotton Mather. 1681–1724. Vol. 1. P. 466.*

⁶⁰ *Letter-book of Samuel Sewall. In 2 vols. Vol. 2. Boston. 1888. P. 263.*

⁶¹ *Reiss O. Op. cit. P. 41.*

учаться студентами на языке оригинала. Однако для осуществления этого плана существовало одно препятствие: в Гарварде мог преподавать только христианин, и Монис согласился принять христианство. Он был крещен на закрытой церемонии в Гарвардской церкви, а затем публично⁶².

Его обращение вызвало множество критических комментариев как со стороны евреев, так и христиан. Евреи раскритиковали Мониса за то, что он публично признал Иисуса Мессией. Христиане же не верили в искренность обращения. Мониса уличали в соблюдении шаббата, а в документах церкви и Гарварда он часто фигурировал, как «обращенный раввин» или «обращенный еврей»⁶³.

Несмотря на то что в Гарварде давали положительные оценки работе Мониса и даже подняли ему жалование в 1723 г., уже спустя год его отстранили от работы непосредственно со студентами, поручив ему подготовку преподавателей иврита, вероятно, опасаясь негативного влияния на студентов⁶⁴. О крещении Иуды Мониса Коттон Мезер не оставил каких-либо упоминаний, видимо, он, как и большинство священнослужителей, не доверял обращению Мониса и предполагал, что тот так и остался приверженцем иудаизма.

Таким образом, адресованные евреям теологические труды Коттона Мезера, содержащие призыв к обращению в христианство и критику иудаизма, не принесли ощутимых результатов. Миссионерская деятельность также оказалась мало результативной. Евреи не собирались отказываться от своей веры. Поиски Коттоном Мезером сведений об обращениях евреев в других странах также не возымели ожидаемого проповедником эффекта. Однако они позволили наладить контакты между протестантскими священнослужителями Америки, Великобритании и континентальной Европы, что дало возможность в дальнейшем обмениваться опытом в возрождении религиозной жизни протестантского мира. Идеи миллениаризма временно потерпели поражение, так как условия для подготовки наступления Тысячелетнего царства не были выполнены. Пуританским священнослужителям Новой Англии необходимы были иные способы добиться религиозного обновления и обращения, которые благодаря установленным контактам с протестантским духовенством вскоре будут активно использоваться во время Первого «Великого пробуждения» второй трети XVIII в.

⁶² *Wilson M. Our Father Abraham: Jewish Roots of the Christian Faith. Dayton, 1989. P. 129.*

⁶³ *Sarna J. D., Smith E., Kosofsky S. The Jews of Boston. New Heaven, 2005. P. 30.*

⁶⁴ *Reiss O. Op. cit. P. 42.*

Список литературы

Адамова Н.Э. Истоки идеи «исключительности» колоний Новой Англии в европейских мифах и утопиях XVI–XVII вв. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени СПбГУ. 2010. № 4. С. 13–28.

Адамова Н.Э. Преодоление кризиса идентичности в сочинениях английских эмигрантов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2015. Вып. 1. С. 29–34.

Волкова Е.С., Хрулёва И.Ю. Формирование Британской системы колониального управления на примере Массачусетса последней четверти XVII — начала XVIII вв. // Вестник Московского университета. Серия 21: управление (государство и общество). 2017. № 2. С. 68–87.

Покровский Н.Е. Ранняя американская философия. Пуританизм. М.: Высшая школа, 1989. 245 с.

Хрулёва И.Ю. «Ни наше гражданское состояние, ни наш церковный строй никогда не будут прежними»: событий Славной революции 1688–1689 гг. в колониях Новой Англии // Электронный научно-образовательный журнал. История. 2021. Т. 12. Вып. 1(99).

Хрулёва И.Ю. «Образ идеального правителя»: эволюция представлений о власти в политической доктрине новоанглийского пуританизма XVII–XVIII вв. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2. История. 2021. Т. 99 № 2. С. 9–35.

Хрулёва И.Ю., Волкова Е.С. Разум и вера: взгляды Коттона Мезера на взаимоотношение научного знания и религии // Вестник РУДН. Серия Всеобщая история. 2012. № 2. С. 32–45.

Benz E. Ecumenical Relations between Boston Puritanism and German Pietism: Cotton Mather and August Franke // The Harvard Theological Review. 1961. Vol. 54. N 3. P. 159–193.

Bertcovitch S. Typology in Puritan New England: the Williams-Cotton Controversy Reassessed // American Quarterly. 1967. Summer. Vol. 19. N. 2. Part 1. P. 166–191.

Bertcovitch S. New England Epic: Cotton Mather's *Magnalia Christi Americana* // English Literary History. 1966. Vol. 33. N 3. P. 337–350.

Case J. *The Millennial Hope; A Phase of War-time Thinking*. Chicago: University of Chicago Press, 1918. 272 p.

Crouse N. Causes of the Great Migration 1630–1640 // The New England Quarterly. 1932. Vol. 5. N 1. P. 3–36.

Diner H. *The Jews of the United States, 1654 to 2000*. Berkeley: University of California Press, 2006. 447 p.

Ernstine G.E. A Precursor of Christ or a Jewish Impostor? // The Journal of Ecclesiastical History. 1987. Vol. 38. N 4. P. 109–124.

Friedman L. Cotton Mather and The Jews // Publications of the American Jewish Historical Society. 1918. N 26. P. 201–210.

Gershom S. *Sabbatai Sevi: The Mystical Messiah: 1626–1676*. Princeton (N.J.): Princeton University Press, 1973. 1010 p.

- Hall M.* Magnalia Christi Americana Review // The New England Quarterly. 1978. Vol. 51. N 1. P. 119–120.
- Hall M.* The Last American Puritan: The Life of Increase Mather. Middletown (Conn.): Wesleyan University Press, 1988. 458p.
- Hertzner A.* The Jews in America: Four Centuries of an Uneasy Encounter: A History. New York: Columbia University Press, 1997. 417 p.
- Hunher L.* The Jews of New England prior to 1800 // Publications of the American Jewish Historical Society. 1903. Vol. 2. P. 75–99.
- Kennedy R.* The First American Evangelical: A Short Life of Cotton Mather. Grand Rapids (Mich.): William B. Eerdmans Publishing, 2015. 176 p.
- Lee M.* American Millenarianism and Violence: Origins and Expression // Journal for the Study of Radicalism. 2007. Vol. 1. N 12. P. 107–127.
- Levin D.* Hazing of Cotton Mather: The Creation of Biographical Personality // The New England Quarterly. 1963. Vol. 36. N 2. P. 147–171.
- McGiffert M.* American Puritan Studies in 1960s // The William and Mary Quarterly: 3rd Ser. January 1970. Vol. 27. N 1. P. 36–67.
- Miller P.* Errand into the Wilderness. Cambridge (Mass.): Belknap Press of Harvard University Press, 1956. 244 p.
- Miller P.* The New England Mind. The Seventeenth Century. Cambridge (Mass.): Belknap Press of Harvard University Press, 1982. 528 p.
- Reiss O.* The Jews in Colonial America. London: McFarland and Co, 2004. 254 p.
- Sarna J.D., Smith E., Kosofsky S.* The Jews of Boston. New Heaven: Yale University Press, 2005. 384 p.
- Silverman K.* The Life and Times of Cotton Mather. New York: Harper & Row, 1984. 497 p.
- Smolinski R.* Israel Revivodus: The Eschatological Limits of Puritan Typology in New England // The New England Quarterly. 1990. Vol. 63. N 3. P. 357–395.
- Splitter W.* The Fact and Fiction of Cotton Mather's Correspondence with German Pietist August Hermann Franke // The New England Quarterly. 2010. Vol. 83. N 1. P. 102–122.
- Stanley B.* Christian Missions and Enlightenment. Grand Rapids (Mich.): William B. Eerdmans, 2001. 246 p.
- Talmon Y.* Millenarian Movements // European Journal of Sociology. 1995. Vol. 7. N 2. P. 159–200.
- Typology and Early American Literature / Ed. by S. Bercovitch. Cambridge (Mass.): The University of Massachusetts Press, 1972. 340 p.
- Werking R.* Cotton Mather and Salem Witchcraft // The William and Mary Quarterly. 1972. Vol. 29. N 2. P. 280–296.
- Wessinger C.* The Oxford Handbook of Millennialism. New York: Oxford University Press, 2016. 768 p.
- Wilson M.* Our Father Abraham: Jewish Roots of the Christian Faith. Dayton: William B. Eerdmans, 1989. 395 p.

Поступила в редакцию
14 августа 2022 г.

Н.И. Горская

**ЗЕМСТВО, АДМИНИСТРАЦИЯ И «СМОЛЕНСКИЙ ГОЛОД»
КОНЦА 1860-х — НАЧАЛА 1870-х гг.**

N.I. Gorskaya

**ZEMSTVO, ADMINISTRATION AND THE SMOLENSK
FAMINE OF THE LATE 1860th AND EARLY 1870th**

Аннотация. Предмет данного исследования — взаимоотношения земства, местной администрации и правительства в фокусе решения продовольственной проблемы Смоленским земством в связи с неурожаем конца 1860-х — начала 1870-х гг. Исследуется состояние сложного и ресурсоемкого продовольственного вопроса в период неурожая и голода в одной из нечерноземных губерний России в начальный период земской истории, когда еще не закончилась реализация земской реформы 1864 г. Анализируются общая модель отношений между правительством и земством в деле преодоления голода, состояние продовольственного капитала, конкретные земские практики, значение масштабных общественных работ, действия местной администрации и т.п. Автор приходит к выводу, что существующее в историографии представление о притеснении земства со стороны правительства сразу же после его создания является не вполне корректным. Так, в борьбе с голодом 1867–1872 гг. в Смоленской губернии правительство опиралось на земство, а не на администрацию и защищало земства от притязаний местных чиновников. Можно говорить о доверии со стороны правительства к органам земского самоуправления и об их совместных усилиях по обеспечению населения продовольствием в кризисных условиях пореформенной модернизации сельского хозяйства. В качестве основных практик для борьбы с голодом местное земство и правительство использовали продовольственные и денежные ссуды и общественные работы, соотношение между которыми менялось в зависимости от объективных факторов. Необходимость возвращать полученные крестьянами средства государственного продовольственного капитала была для них тяжким бременем. Уроки, излеченные из смоленского голода, стали импульсом к осознанию проблемы нехватки денег в аграрном секторе. Бедственное положение крестьянства ряда губерний России в 1867–1872 гг., находившееся в центре внимания правительства, стимулировало изучение и обсуждение общего

Горская Наталья Ивановна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России факультета истории и права Смоленского государственного университета

Gorskaya Natalia Ivanovna, Doctor in History, Professor, Department of Russian History, Faculty of History and Law, Smolensk State University
+7-910-761-69-80; gorskaya-n@yandex.ru

положения в сельском хозяйстве, повлияло на отношения центральной и местной властей к земству, продовольственному и податному вопросам.

Ключевые слова: неурожай 1867–1872 гг., Смоленская губерния, продовольственный вопрос, земство, местная администрация, Комитет министров.

Abstract. The article examines the mutual relations of zemstvo, local administration and government in the context of the decision of the food problem by Smolensk zemstvo during a crop failure in the late 1860s and early 1870s. The author analyzes a complex and resource-intensive food problem in the period of crop failure and famine in one of the non-chernozem provinces of Russia in the initial period of the zemstvo history, when the zemstvo reform of 1864 was not yet completed. She examines the general model of relations between the government and the zemstvo in overcoming famine, the state of food capital, specific zemstvo practices, the importance of large-scale public works, actions of local administrations, etc. The author concludes that historiographical idea about the oppression of zemstvo by the government immediately after its creation is not quite correct. Thus, in the fight against the famine of 1867–1872 in Smolensk province the government relied on the zemstvo, rather than on the administration, and protected zemstvo from the claims of local administrators. It is possible to speak about the trust on the part of the government in zemstvo bodies and their joint efforts to provide the population with food in the crisis conditions of the post-reform modernization of agriculture. Depending on objective factors, local zemstvo and government used food and cash loans and public works as basic practices to combat famine. The need to repay the state food capital received by peasants was a heavy burden for them. The lessons learned from the Smolensk famine were the impetus for consideration of the problem of money shortage in the agricultural sector. The misfortune of peasantry in some provinces of Russia 1867–1872 which was in the focus of attention of government stimulated the study and discussion of general situation in agriculture and influenced the attitude of central and local authorities to the zemstvo, food and taxation issues.

Keywords: crop failure in 1867–1872, Smolensk guberniya, food question, zemstvo, local administration, Committee of Ministers.

* * *

Неурожай 1867 г., охвативший 15 губерний России¹ и Сибирь, особенно тяжело сказался на положении населения Смоленской и Архангельской губерний².

В Смоленской губернии неурожаи повторились в 1868 и 1871 гг., что привело к бедственной ситуации, которая стала предметом внимания правительства, прессы и образованного общества. Уже осе-

¹ Архангельскую, Олонецкую, Вологодскую, Санкт-Петербургскую, Эстляндскую, Новгородскую, Псковскую, части Тверской, Смоленской, Витебской, Могилевской, Орловской, Виленской, Ковенской и Радомской губерний.

² Середонин М.С. Исторический обзор деятельности Комитета министров: К столетию Комитета министров (1802–1902). Т. 3. Ч. 1. СПб., 1902. С. 239.

ню 1867 г. сначала дожди, а потом и сентябрьский глубокий снег привели к гибели на корню зерновых (ржи, овса, ячменя), гниению картофеля и капусты. К весне 1868 г. «у крестьян не было ничего», хлебные запасы крестьянских магазинов и денежные средства крестьян были истощены, «значительная часть крестьянского скота продана для покупки хлеба, крестьяне почти повсеместно вошли в значительные частные долги». Часть озимых полей оказалась незасеянной вследствие нехватки семян. Население употребляло в пищу овсяную муку с примесью мякины и дубовой коры, были случаи голодной смерти³.

Осенью 1868 — зимой 1869 г. положение только обострилось. Лето 1868 г. окончательно развеяло надежды на хороший урожай текущего года вследствие погодных условий: «озимые хлеба пострадали от холодных весенних ветров, а яровые — от продолжительной засухи, начавшейся с половины мая». В конце июня — начале июля в некоторых уездах прошел град, истребивший озимые посевы. Весенний холод и летняя жара остановили рост трав, что грозило нехваткой корма для скота⁴. Неурожаи повторились в 1871–1872 гг. Уровень обеспечения губернии продовольствием соответствовал представлениям современников о ситуации голода. Голодом считали «такое экономическое положение народонаселения данной местности после неурожаев и других народных бедствий, когда за недостатком пищевых продуктов на месте их нельзя приобрести ни работой, ни за деньги, причем <...> многие из местного населения умирают от голода»⁵.

Крестьяне Смоленской губернии нуждались в срочной и значительной продовольственной и финансовой помощи со стороны общества и государства. Это было первое масштабное испытание новой системы оказания продовольственной помощи крестьянам, которая только что сформировалась после крестьянской и земской реформ. Продовольственное дело в земских губерниях, к которым относилась и Смоленская губерния, перешло в руки сразу трех институций: крестьянского общества, земства и государства. Как и прежде, начиная с 1834 г., осенью крестьяне засыпали зерно в хлебные магазины из расчета на одну ревизскую душу (1 четверик ржи или пшеницы; 0,5 четверика овса или ячменя) и вносили в продо-

³ Там же. С. 239–240; Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 5. 1869. Д. 143. Л. 38об.–39об.

⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 5. 1869. Д. 143. Л. 39об.–40.

⁵ Горский Э.И. Руководство к применению временных правил по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей Высочайше утвержденных 12 июня 1900 г. СПб., 1901. С. 1.

вольственный капитал по 48 копеек серебром (1 рублю 16 копеек ассигнациями)⁶.

Но вместо помещика или государственных органов (для государственных и удельных крестьян), осуществлявших в крепостную эпоху управление крестьянами, распоряжение этими запасами перешло к сельским и волостным сходам, а функции попечителей — к сельским старостам и волостным старшинам. Земство получило общее наблюдение за хлебными запасами и губернский продовольственный капитал⁷. Часть дореформенных продовольственных капиталов в виде общего продовольственного капитала империи, по настоянию министра внутренних дел П.А. Валуева, в 1866 г. осталась в руках его министерства на случай недостаточности местных крестьянских и земских средств. Общий продовольственный капитал равнялся 14 500 000 руб. серебром, хотя его большая часть находилась в ссудах и недоимках⁸.

Планируемый механизм оказания продовольственной помощи в случае неурожаев был рассчитан на два фактора: действенность крестьянского и земского самоуправления и взаимодействие местной администрации, земства и Министерства внутренних дел. Именно им предстояло проходить «проверку голодом».

В обширной земской литературе и литературе по развитию сельского хозяйства второй половины XIX в. мы находим многочисленные ссылки на смоленские неурожаи 1867–1872 гг. Но значительно чаще историков интересует голод 1891–1892 гг. и последовавшая за ним передача с 1 января 1901 г. продовольственного вопроса от земства к администрации. Однако чрезвычайно острая ситуация, сложившаяся в Смоленской губернии в конце 1860-х и начале 1870-х гг., имела общероссийское звучание, специально рассматривалась правительством и имплицитно воплощала крестьянские проблемы пореформенного десятилетия. Наибольший интерес в контексте настоящей статьи представляют работы В.Г. Чернухи. Историк изучила последствия смоленского голода с точки зрения общей пореформенной ситуации в аграрном секторе, внутренней политики по отношению к общине, платежным способностям крестьян, деятельности Податных комиссий и участию земства в разработке податной реформы⁹.

⁶ ПСЗ-II. Т. 9. Отд. 1. СПб., 1835. № 7253. § 1, 2, 34, 35. С. 692, 695.

⁷ Середонин М.С. Указ. соч. Т. 3. Ч. 1. С. 235–236.

⁸ Ермолов А.С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. Ч. 1. Продовольственный вопрос в прошлом и настоящем. СПб., 1909. С. 69.

⁹ Чернуха В.Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60–70 годы XIX в.). Л., 1972; Она же. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978.

Нас интересует конкретная деятельность земства по борьбе с голодом и отношениях земства и правительства в конкретных исторических обстоятельствах. Известно, что правительство стало притеснять земство сразу же после его появления, усиливая административный надзор со стороны губернатора и ограничивая финансовую базу земства. Но как обстояло дело в самом насущном вопросе по обеспечению населения в условиях голода? Справилось ли земство с возложенной на него обязанностью и как эту деятельность оценивало правительство?

Ко второй половине 1860-х гг. в Комитете министров и Министерстве внутренних дел сложилась определенная система взглядов на оказание помощи голодающим. Эти взгляды шли вразрез с представлениями консерваторов об обязательной опеке крестьянина со стороны дворянства и отражали новые реалии. Правительство смотрело на крестьянина как на сознательного и ответственного гражданина, несущего ответственность за собственную жизнь. Оно исходило того, что всё сельское население России имеет поземельную собственность, «которая всегда может охранить крестьянина от окончательного расстройтва», что каждый человек, способный к труду, обязан заботиться о себе и своей семье, а «даровое прокормление местного населения есть в высшей степени дело опасное и крайне вредное, деморализующее население»¹⁰.

Правительство и земство были призваны только к оказанию помощи на определенных условиях. Они проводили меры, благодаря которым крестьяне могли получить посевной и продовольственный хлеб по ценам ниже рыночных и с возвратом ссуд. С этой целью вводилась система отсрочек и рассрочек платежей по продовольственному обеспечению и другим платежам и податям крестьян, а также устраивались общественные работы с целью погашения стоимости полученного хлеба, уплаты повинностей и податей. Допускалась и система льгот в виде бесплатной выдачи паспортов, пропуска очереди рекрутского набора, освобождение от податей т.п. Не исключалась благотворительная помощь, особенно, если ее инициаторами выступали члены императорского дома. Правительство оценивало ситуацию и в случае необходимости направляло денежные средства и продовольствие в распоряжение земств или администрации, переживающих бедствие губерний, отвечающих за механизм реализации правительственных распоряжений. Эту систему поддерживали министры внутренних дел, главного ведомства, отвечавшего за положение в деревне, П.А. Валуев и А.Е. Тимашев, а вслед за ними и губернаторы¹¹.

¹⁰ Середонин С.М. Указ. соч. С. 243.

¹¹ Там же. С. 240, 243, 251.

Особое место в ней принадлежало земству. Из 15 губерний, где случился неурожай, к 1867 г. оно было создано в шести, включая Смоленскую губернию. На этих территориях у правительства были все юридические основания возложить ответственность на земство за принятие конкретных решений.

Но какими ресурсами для борьбы с голодом располагало население Смоленской губернии? Это были запасы хлебных магазинов и губернский продовольственный капитал. Последний в начале 1867 г. составлял незначительную сумму, всего 220 644 руб. Земство могло пополнять продовольственный капитал за счет земских сборов¹², но в Смоленской губернии это было просто невозможно. Незначительность этой суммы была очевидна сразу, хотя бы потому, что он был рассчитан только исходя из численности мужского населения губернии, женщины при формировании и распределении продовольственного капитала не учитывались. Но и этот капитал надо было еще получить. В руках Смоленского земства (в губернском казначействе в земском ящике) к началу 1867 г. оказалось всего 20 588 руб.¹³ Оставшиеся Петербурге (в Госбанке) суммы не могли сразу заработать. Необходимо было соблюсти некоторые процедуры для доведения их до населения. Таким образом, экстренную помощь крестьяне могли получить только из хлебных сельских магазинов.

Сразу после крестьянской реформы по распоряжениям мировых посредников помещики передали продовольственные запасы озимого и ярового хлеба крестьянам, которые под руководством волостных старшин и сельских старост разделили его между собой¹⁴. Налаженные в крепостное время практики засыпки хлеба были продолжены крестьянским самоуправлением. Осенью 1867 г. в хлебные крестьянские магазины Смоленской губернии было засыпано на 8 711 четвертей озимого хлеба меньше, чем осенью 1866 г. (151 260 четвертей против 159 971)¹⁵. Однако яровой хлеб был засыпан полностью и даже на 4 953 четвертей больше (106 210 против 91 957). Самые маленькие магазинные запасы пришлось на осень 1868 г., когда хлеба было запасено меньше, чем в 1867 г.: озимого на 39 868 четвертей меньше (111 392 против 151 260 четвертей), а ярового на 32 992 четвертей (73 218 против 106 210). С осени 1869 г.

¹² Сазонов Г.П. Обзор деятельности земств по народному продовольствию (1861–1892). Т. 1. СПб., 1893. С. 279.

¹³ Сборник Смоленского губернского земского собрания за 1866–1895 гг. / Сост. А.И. Петровский. Т. 2. Смоленск, 1897 (далее — Сборник...). С. 1460; Ермолов А.С. Указ соч. С. 69.

¹⁴ ГАСО. Ф. 598. Оп. 1. Д. 327. Л. 1, 17, 18.

¹⁵ Четверик — мера объема сыпучих тел, равная 26, 24 литра.

начинается рост засыпки озимого, а с осени 1870 г. и ярового. По наличию крестьянских натуральных запасов осень 1871 г. выглядела благополучной, поскольку на 1 января 1872 г., по земским данным, в запасных магазинах находилось в полтора раза больше озимого (230 715 четвертей) и в 1,3 раза ярового хлеба (136 367 четвертей), чем на 1 января 1868 г.¹⁶

Судя по количеству засыпанного в запас зерна, урожаи 1870 и 1871 гг. были вполне благоприятными. Или работали другие факторы? Дело в том, что земство и правительство провели необходимые мероприятия по наполнению магазинов, сказался и многолетний опыт выживания, и крестьяне примерно знали, какое количество зерна требовалось засыпать в магазины. Запасы смоленских крестьян до конца XIX в. были примерно на одном уровне, заметно снижаясь лишь в годы больших неурожаев¹⁷. В среднем ежегодно в 1867–1891 гг. в хлебных магазинах имелось 140 316 четвертей озимого и 100 449 четвертей ярового¹⁸.

Важно и другое: крестьяне располагали только натуральными запасами, сельского или волостного продовольственного капитала не было. По закону его разрешили лишь в 1874 г., что было прямым следствием смоленского голода¹⁹.

Появление продовольственных мирских (общественных) капиталов вместо/параллельно запасных магазинов в ряде земских губерний соответствовало общей стратегии земского самоуправления по переводу натуральной повинности в денежную. Однако земство Смоленской губернии не спешило отказываться от хлебных магазинов. Контроль над хлебными запасами и продовольственным капиталом стал еще одной линией противостояния администрации и земства. Когда в конце 1880-х гг. крестьяне Успенской волости Вяземского уезда по команде исправника вместо ссыпки хлеба стали «сбирать» капитал, то вяземское и губернское земство блокировали эту инициативу исправника²⁰.

В 1892 г. губернское земство приняло специальное решение о сохранении капиталов (там, где они появились по решению земств и сходов) и хлебных магазинов, мотивируя его опытом 1867 г.: в не-

¹⁶ Сборник... Т. 2. С. 72. Прилож. VII.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Местные продовольственные капиталы, губернские, сословные и общественные и хлебные запасы в общественных магазинах за 1867–1891 гг. в 44 губерниях Европейской России по данным хозяйственного департамента МВД. СПб., 1895. С. 2–3.

¹⁹ Ермолов А.С. Указ соч. С. 71.

²⁰ Сазонов Г.П. Указ соч. С. 181–182.

урожайные годы, «при градобитии и других несчастьях», они всегда «под рукой»²¹. До 1890 г. смоленские крестьяне располагали только натуральными запасами. Это указывает на хроническую нехватку денег в смоленской деревне в течение нескольких десятилетий после ликвидации крепостничества и финансового обеспечения крестьянского хозяйства со стороны местного земства.

Пополнение хлебных магазинов являлось обязательной и естественной операцией для крестьян «нехлебной» Смоленской губернии. Не только будущий урожай, но порой и выживание в долгую зиму напрямую зависели от наличия хлебных запасов. Другое дело, что этих средств было явно недостаточно для преодоления наступившего бедствия. Нужно учитывать, что речь идет только о наполнении хлебных магазинов, а не об их разборке. По земским сведениям, осенью 1867 г. и зимой 1868 г. «сельские продовольственные магазины были разобраны неимущими», сельские общества «сохранили небольшую часть своих хлебных запасов» и т.п.²²

Как же в такой ситуации действовали земство и администрация? Какие практики взаимодействия и оказания помощи населению они продемонстрировали, насколько эффективными они оказались и какие имели последствия?

К 1867 г. Смоленское земство не только не располагало средствами, но не имело никакого опыта работы. Земские учреждения в губернии существовали только год (с февраля 1866 г., когда произошло первое губернское собрание), управы были завалены бумажной работой, собрания — выработкой стратегии развития местного хозяйства и сбором необходимой информации, в том числе о наличии хлеба в магазинах и суммах губернского продовольственного капитала. Тем не менее, начиная с первого собрания в феврале 1866 г. продовольственный вопрос был в центре внимания земцев. Только в 1867–1872 гг. было проведено 6 очередных и 8 чрезвычайных собраний, где в качестве главной темы фигурировал неурожай и помощь бедствующему крестьянству²³.

На этих собраниях были разработаны основные практики взаимодействия с крестьянским самоуправлением. Формы отношений с администрацией были определены законом. Земство действовало совершенно самостоятельно, хотя и под общим надзором губернатора, а с центральной властью разговаривало языком ходатайств. С 1867 г. «земству была предоставлена возможность быть полным

²¹ Там же. С. 190–191.

²² ГАСО. Ф. 1. Оп. 5. 1869. Д. 143. Л. 39.

²³ Сборник... Т. 2. С. 1–7. Прилож. I.

администратором» в продовольственном деле²⁴. По распоряжению губернского собрания уездные земства руководили волостными правлениями. Определяли условия засыпки и разборки хлеба из запасных магазинов; из средств губернского капитала и ассигнованных правительством денег оказывали помощь крестьянам безвозмездными или возмездными ссудами в форме раздачи денег или закупке хлеба для крестьян. Они собирали сведения, давали распоряжения о времени засыпки т.д. На земство была возложена и конкретная работа по организации земляных и других общественных работ для местного населения²⁵.

Первыми масштаб бедствия оценили земства Смоленской губернии. Они вполне адекватно отреагировало на тяжелую продовольственную ситуацию, в соответствии с имеющимися в их распоряжении ресурсами. В декабре 1866 г. губернное земство планировало выделить на пополнение хлебных магазинов мизерную сумму в 3 701 руб., оговаривая выдачу пособий чрезвычайными условиями: градобитием и пожарами хлебных магазинов. Но чрезвычайное собрание, собравшееся в мае 1867 г. по случаю плохих прогнозов на урожай, в 10 раз увеличило сумму помощи, доведя ее до 30 тыс. без ограничения выдачи какими-либо случаями, но внесла в эту сумму часть долга с уездных земств. На очередном III собрании 1867 г. (27 ноября — 9 декабря), когда картина недорода и продовольственного кризиса, охватившего всю губернию, стала очевидной, гласные приняли чрезвычайное решение, соответствующее чрезвычайной ситуации: распределить *весь* губернский продовольственный капитал между уездами, но с возвратом в течение трех лет под 6 %²⁶.

Комиссия губернского собрания, созданная из представителей всех уездов²⁷, разделила между уездными земствами 180 139 руб., оставив в губернской управе на экстраординарные ситуации всего 10 тыс. руб. Основанием распределения, скорее всего, были мнение и настойчивость представителей уездов, а также объективные факторы, такие, как народонаселение и наличие запасов в крестьянских магазинах. Большие суммы ушли в западные и центральные уезды губернии, меньшие — в восточные (Вяземский, Сычевский, Юхновский и Гжатский), где крестьяне были привычны к заработку на сто-

²⁴ Ермолов А.С. Указ соч. С. 70.

²⁵ ГАСО. Ф. 1. Оп. 5. 1869. Д. 143. Л. 42 об.

²⁶ Сборник.... Т. 2. С. 1369–1370.

²⁷ Ф.Т. Дерюжинский — Смоленский уезд, Д.А. Нелидов — Поречский, П.С. Маслов — Бельский, В.М. Нахимов — Дорогобужский, Д.А. Шредерс — Гжатский, А.П. Семенов — Юхновский, Н.Е. Криштафович — Краснинский, Ф.Ф. Шаропов — Вяземский, К.А. Апухтин — Духовщинский, А.М. Борисов — Рославльский, Н.А. Мельников — Сычевский, М.И. Краевский — Ельнинский уезд.

роне. Самую крупную сумму получил Бельский уезд (28 910 руб.), меньше других — Юхновский и Гжатский (по 5 222 руб.)²⁸.

Наличный губернский продовольственный капитал также в годы неурожая колебался, достигнув минимума в 1869 г. (10 322 руб.). В 1874 г. он был меньше, чем на 1 января 1867 г. в 2,2 раза²⁹. Но еще более существенно то, что не только в годы кризиса, но в 1867–1891 гг. в среднем наличный капитал был меньше, чем в ссудах (128 952 против 143 802)³⁰. События 1867–1872 гг. запустили механизм, при котором продовольственный капитал ссужался крестьянам, но далеко не всегда возвращался в полном объеме. Правительство, наделив земство компетенцией, считало, что отношения земства и населения должны строиться по принципу нравственной ответственности. Поэтому земский продовольственный капитал, выраженный более или менее значительными суммами, фигурировал только на бумаге.

Осознавая невозможность справиться с продовольственным кризисом своими силами, майская сессия чрезвычайного земского собрания 1867 г. обратилась за помощью к государству. Получение «транша» зависело от министра внутренних дел и Комитета министров. Смоленские земцы просили направить в губернию не менее 1,5 млн руб. из общего продовольственного капитала империи, считая эту сумму «далеко недостаточной». Имея в виду необходимость возвращения этой ссуды и сохранения денег у населения для покупки хлеба, гласные просили также о ее рассрочке за весь 1868 г., а податей и государственных повинностей — на три года и на весь срок — выкупных платежей, которые были самыми большими тратами крестьянства в пользу государства. Тема списания и отсрочки платежей сопровождала все шаги земства по получению помощи из центра и сохранению губернского земского капитала. Позиция земства вполне соответствовала логике отношений земства и государства в продовольственном вопросе в этот исторический момент³¹.

Министр внутренних дел П.А. Валуев осенью и зимой 1867–1868 гг. скептически относился к известиям о смоленском голоде, считая его выдумкой либерально настроенного общества. В свою очередь газеты обвиняли местную администрацию и Министерство внутренних дел в бездействии. Признавая довольно тяжелую нужду ряда территорий в хлебе, Валуев отрицал факт голода и считал, что нужда возникла из-за недееспособности крестьянского самоуправ-

²⁸ Сборник... Т. 2. С. 1370, 1373.

²⁹ Местные продовольственные капиталы... С. 40–41.

³⁰ Там же. С. 2–3.

³¹ Сборник... Т. 2. С. 1370.

ления и увеличения цен на хлеб. Сообщения газет, много писавших о голоде в Смоленской и Архангельской губерниях, он называл «толками», тенденциозными и паникерскими статьями, а тех, кто писал о голоде, — «голодоманами»³². В Архангельской губернии удалось избежать голода поставками большого количества хлеба. По словам Валуева, здесь население, «оказалось, и спасать не нужно»³³. Хотя гр. В. Бобринский, направленный в Архангельскую губернию от Министерства внутренних дел, считал, что «крестьяне кормятся недостаточно» и готов был продолжать продажу хлеба по ценам ниже рыночных или даже раздавать его бесплатно, ситуация была взята под контроль³⁴.

Под стать министру и местный губернатор не торопился с выводами о ситуации в губернии. Смоленским губернатором в то время был Н.П. Бороздна (1862–1871 гг.), начавший службу в структуре МВД еще в 1826 г. Бывший черниговский предводитель был знаком с Валуевым и, видимо, пользовался его поддержкой. Во всяком случае, у них состоялась встреча в Петербурге (18 сентября 1862 г.) перед прибытием Бороздны в Смоленск³⁵. В краеведческой литературе Бороздну называют «губернатором-реформатором», в действительности же он не заслуживает такой характеристики. Это был исполнительный и безынициативный служака, на долю которого выпало проведение ряда реформ Александра II на территории губернии. Не проявлял никакой активности Бороздна и в решении продовольственного вопроса.

Считалось, что крестьяне Смоленской губернии и в урожайные годы едят хлеб с мякиной (употребление в пищу такого хлеба было запрещено императором Александром I), поэтому Бороздна старался лишний раз не беспокоить правительство. Он занялся благотворительной акцией, старт которой дала известная своим сочувствием к обездоленным императрица Мария Федоровна. Супруга Александра II «пожаловала» из личных средств 600 руб. на столовую для голодающих в Смоленске и 3 900 руб. на пищу и хлеб для жителей уездов³⁶. По решению губернской администрации к акции присоединились смоляне. В Смоленске благотворительный комитет возглавляла жена губернатора Елизавета Михайловна Бороздна, а в уездах — местные

³² Валуев П.А. Дневник министра внутренних дел: в 2 т. Т. II. 1865–1876. М., 1986. С. 241, 247, 594, 500.

³³ Там же. С. 244.

³⁴ Середонин С.М. Указ. соч. С. 243–244.

³⁵ Валуев П.А. Дневник министра внутренних дел: в 2 т. Т. I. 1861–1864. М., 1961. С. 190.

³⁶ ГАСО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 171. 1868. Л. 3, 20.

предводители. На пожертвования императрицы и состоятельных людей губернии в уездных городах и в сельской местности открывали столовые или пункты по раздаче хлеба. И здесь среди благотворителей и организаторов были члены земских управ и земские гласные (Д.А. Путято, К.А. Апухтин, И.В. Ровинский, Д.Н. Лесли, В.М. Кузнев и др.). В отчетах губернатору о благотворительной акции, проходившей в феврале 1868 г., предводители — чиновники МВД — не выражали особого беспокойства по поводу сложившейся продовольственной ситуации, а некоторые из них прямо заявляли, что населению помощь не требуется. Вяземский и бельский предводители успокаивали губернатора: «в уезде не существует такого голода, чтобы могли нуждаться в суточной горячей пище или куске хлеба»; «для городских жителей нет ни малейшей нужды устраивать ни пищеvarения, ни хлебопечения»³⁷.

Валуев, не получая тревожных известий от Борозды, считал, что принятых мер вполне достаточно. Он оперировал официальными данными, например, тем фактом, что цены на хлеб в 1867 г. поднялись всего в два раза, тогда как во время голода 1840 г. — в шесть раз³⁸.

Переломным моментом в отношении центральной власти к ситуации в Смоленской губернии стал февраль 1868 г. 20 февраля в Комитете министров рассматривалось ходатайство III Смоленского очередного собрания о полуторамиллионной ссуде. Валуев готов был отпустить из общего продовольственного капитала всего 500 тыс. руб. Комитет Министров не согласился с министром внутренних дел и направил земству 900 тыс. рублей. Деньги делились на три части, каждая из которых имела свое целевое назначение. Самая значительная часть ссуды, 591 381 руб., была направлена в полное распоряжение Смоленского земства деньгами; 53 719 руб. предназначались на закупку хлеба для раздачи крестьянам; и третья часть, 208 608 руб., должна была быть использована на организацию общественных работ³⁹.

Тогда же была создана специальная комиссия под руководством цесаревича Александра Александровича по оказанию помощи голодающим. Она получила «заимообразно миллион из казначейства» и закупала хлеб для голодающих губерний. Комиссия была недовольна Министерством внутренних дел, Валуев — комиссией⁴⁰. Смоленское земство получило от комиссии 42 тыс. руб. на пособия нужда-

³⁷ Там же. Л. 22, 26, 50.

³⁸ Середонин С.М. Указ. соч. С.240.

³⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 5. 1869. 143. Л. 58–70об; Валуев П.А. Указ. соч. Т. 2. С. 499.

⁴⁰ Валуев П.А. Указ. соч. Т. 2. С. 249, 495.

ющимся⁴¹. В феврале 1869 г. наследник престола по просьбе председателя губернской управы и смоленского предводителя С.С. Иванова пожертвовал 18 тыс. руб. на покупку крестьянами скота. Уездные управы на основании поименных списков нуждающихся, которые представили волостные правления, распределили деньги по волостям. В волостях крестьяне прилюдно тянули жребий. Такая гласная процедура была необходима во избежание толков, поскольку на каждую из трехсот волостей губернии приходилось по 60 руб., на которую можно было купить две-три лошади⁴².

Таким образом, перед второй волной неурожая смоленские земцы получили существенную денежную помощь от государства. На первый план вышла организационная работа. Поэтому Смоленское земство, собравшееся в июле 1868 г., приняло решение «не испрашивать новых денежных ссуд» для обеспечения крестьян продовольствием, но просило еще 160 тыс. для закупки семян для посева и ходатайствовало «об усилении работ» на Московско-Смоленской железной дороге⁴³. Ссужая крестьянам и закупая хлеб, земство искало способы обеспечения крестьян деньгами. Помимо обычных государственных, земских и мирских платежей крестьянам приходилось возвращать еще и субсидируемый продовольственный капитал. Очевидно, что земство искало новые способы для борьбы с неурожаем и варианты повышения платежеспособности крестьян для возвращения ссуд и для уплаты разного рода сборов, включая земский.

По убеждению правительства и земства, общественные работы должны были быть «значительными, т.е. должны давать заработки большей части населения», которое смогло бы отработать пособие и платить подати, в противном случае пособие становилось «даровым»⁴⁴. Именно этим и была обусловлена просьба о расширении работ. Губернатор Бороздна довольствовался поддержкой земского собрания, добавив от себя общеизвестные истины о том, что работ на железной дороге недостаточно, нужно «изыскать другие работы», чтобы «работы были бы доступны всем и каждому, производились бы круглый год и даже преимущественно зимою и не отвлекали крестьян на дальнее расстояние от их места жительства»⁴⁵.

С лета 1868 г. акцент в борьбе с голодом был сделан на обеспечение крестьян работой и на закупку хлеба земством и правительством.

⁴¹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 5. 1869. 143. Л. 55 об.

⁴² Сборник... Т. 2. С. 1382; Памятная книжка Смоленской губернии на 1862 г. Смоленск, 1862. С. 13–35.

⁴³ ГАСО. Ф. 1. Оп. 5. 1869. Д. 143. Л. 41–42.

⁴⁴ Середонин С. М. Указ. соч. С. 242.

⁴⁵ Там же. С. 245–246.

В 1866 г. Смоленское (большую инициативу проявлял председатель губернской управы С.С. Иванов) и Московское земства ходатайствовали о получении концессии на строительство железной дороги от Москвы до Смоленска. Но Министерство финансов и Министерство путей сообщения планировали вести дорогу от Смоленска до Бреста, откуда уже была проложена дорога на Варшаву, а это означало, что железная дорога пройдет по территории только двух уездов губернии (Смоленского и Краснинского). Но голод 1867–1868 гг. изменил направление дороги. Было решено строить участок между Москвой и Смоленском⁴⁶. Эта линия могла обеспечить работой большее число сельских жителей Смоленской губернии, поскольку она прорезала территории четырех уездов (Гжатского, Вяземского, Духовщинского, Смоленского), а территории еще трех уездов (Сычевского, Дорогобужского, Ельнинского) примыкали к ней.

18 апреля 1868 г. МВД дало разрешение на открытие земляных работ на строительстве планируемой железной дороги Москва–Смоленск. Государственное казначейство отпустило земствам Смоленской и Московской губерний сначала 680 тыс. руб., а в 1869 г. еще 474 тыс. Правительство демонстрировало полное доверие к земствам, поручив им свободно распоряжаться деньгами⁴⁷. Земства руководили всеми работами, кроме инженерных, они заключали подряды, нанимали инженеров и техников. Но, начавшись 30 мая 1868 г., работы шли медленно; по всей линии работали до 4 500 человек, что для почти восьмисоттысячного крестьянского населения губернии было явно недостаточно⁴⁸.

Кроме того, земства Смоленской и Московской губерний так и не получили концессию на строительство железной дороги. В дело вмешались ведомственные интересы. Комитет министров, по настоянию министра путей сообщения П.П. Мельникова и министра финансов М.Х. Рейтерна, принял решение о проведении открытого конкурса, мотивируя это тем, что «нужды земства по обеспечению продовольствием Смоленской губернии <...> имеют чисто местный и временный характер». 8 октября 1868 г. земства участвовали в конкурсе, но победила частная кампания⁴⁹.

Ситуация в губернии беспокоила и верховную власть. Александр II желал знать о происходящем из первых рук, а не из рук губернатора. После чрезвычайного губернского собрания летом

⁴⁶ Кислинский Н.А. Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров / Под ред. статс-секретаря Куломзина. Т. 1. СПб., 1902. С. 323.

⁴⁷ Там же. С. 323.

⁴⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп. 5. 1869. Д. 143. Л. 44 об., 84.

⁴⁹ Кислинский Н.А. Указ. соч. С. 324.

1868 г. в Смоленскую губернию по распоряжению Александра II был направлен кн. А.М. Дондуков-Корсаков. Он обследовал земляные работы на железной дороге, нашел крестьян в самом «жалком положении» и поддержал ходатайство чрезвычайного собрания об ассигновании 160 тыс. на обсеменение полей, которое почти незамедлительно удовлетворил Комитет министров, показывая понимание сложности ситуации в Смоленской губернии⁵⁰.

Таким образом, к концу 1868 г. Смоленская губерния получила из продовольственного капитала страны 1 миллион 60 тыс. руб., больше чем какая-либо другая губерния, где случился неурожай. Эта сумма превосходила общий продовольственный капитал страны на начало 1868 г., когда он сократился (хотя и на короткое время) с 14,5 млн руб. (в 1866 г.) до 885 172 руб.⁵¹. Правительство делало многое для улучшения продовольственного снабжения населения. Но сама система борьбы с голодом посредством раздачи хлеба и денег и организации общественных работ явно давала сбой.

В декабре 1868 г., на очередном IV губернском собрании, земство охарактеризовало ситуацию как «грозящее бедствие». Его решения обязывали уездные земство во второй раз пойти на прямую помощь крестьянам. Оно отпустило каждому из 12 уездов по 10 тыс. не только на обсеменение полей, но и на закупку хлеба для тех, кто «действительно нуждается и не может найти себе пропитание»⁵².

Губернское земство вновь просило правительство о всевозможных отсрочках: о переносе начала платежей по продовольственному капиталу на 1 октября 1870 г. и их рассрочке на 6 лет; о рассрочке выкупных платежей, и в качестве «исключительной меры об отсрочке всех вообще платежей, следующих с членов сельских обществ в пользу казны»⁵³.

Категория «Смоленская губерния» была подходящей для диалога с правительством, но не устраивала уездное земство и тем более крестьян, когда речь шла об их нуждах. Урожаи и недороды не признавали административных границ. В одно и то же время в отдельных волостях и уездах одной губернии продовольственное положение могло быть нормальным, в других — бедственным. Так, весной 1869 г. в Ельнинском уезде нужда была более ощутима, чем в 1868 г. Земство пришло к мысли об оказании адресной помощи, ведь уравнивая уездные пособия, оно обходило наиболее бедству-

⁵⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 18. 1868. Л. 17 об.-21.

⁵¹ Ермолов А.С. Указ. соч. С. 70.

⁵² ГАСО. Ф. 1. Оп. 5. 1869. Д. 143. Л. 51.

⁵³ Там же. Л. 51–52 об; Середонин С.М. Указ. соч. С. 246. Сборник... Т. 2. С. 1378–1379.

ющие территории. Для этого надо было обладать соответствующей информацией, поэтому IV губернское собрание просило уездные управы «доставлять самые подробные сведения о числе нуждающихся и о количестве необходимой помощи». Однако земство избегало практики удовлетворения персональных просьб, поступавших от крестьян отдельных деревень или волостей, придерживаясь в деле оказания продовольственной помощи одного «общего порядка»⁵⁴. Такой территориальный принцип раздачи пособий противоречил начальной и последующей практике выдачи ссуд. В 1867 г. земство планировало ссужать хлеб тем обществам, где не было недоимок. И это стимулировало крестьян. Но во время неурожая обеспечивали всю волость или общину, а затем в 1880-е гг. перешли к другой процедуре — раздавали хлеб тем, у кого, наоборот, были долги, а при предоставлении ссуд вычеркивали какое-то число мужчин, которые, по мнению земства, могли его заработать. «Общества без недоимки считались богатыми»⁵⁵.

Земские управы закупали хлеб в Орловской губернии, в Орше, у местных хлеботорговцев. Этим же по поручению МВД занимался могилевский губернатор, МВД также доставило в Смоленскую губернию хлеб из «неприкосновенных запасов мценских центральных магазинов» для раздачи хлеба по приговорам сельских обществ⁵⁶.

При закупке хлеба земцы встречались с транспортными затруднениями, связанными не только с традиционными способами его доставки гужевым и водным транспортом, но и с перевозками по железным дорогам. Приведем только один пример. В феврале 1869 г., после начала эксплуатации Орловско-Витебской железной дороги, хлеботорговцы Рославльского уезда прекратили поставлять хлеб из южных губерний на подводах, думая, что транспортировка хлеба по железной дороге обойдется дешевле. Но оказалось, что Министерство путей сообщения не предусмотрело товарных вагонов для промежуточных между Орлом и Витебском станций. Чрезвычайное собрание вынуждено было просить Министерство телеграммой о назначении в распоряжении земских управ необходимого количества вагонов⁵⁷.

Земские гласные в большинстве своем работали честно и ответственно. Однако среди них встречались не только сторонние наблюдатели, но и правонарушители. Публичную огласку получили, по крайней мере, два случая. Один, не повлекший юридических послед-

⁵⁴ Сборник... Т. 2. С. 1379–1380, 1385.

⁵⁵ Горский Э.И. Указ. соч. С. III–IV.

⁵⁶ ГАСО. Ф. 1. Оп. 5. 1869. 143. Л. 69 об.–70об; ГАСО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 18.

⁵⁷ Сборник... Т. 2. С. 1378–1380.

ствий, имел место в Краснинском уезде, где крестьяне Жерновской волости были недовольны действиями земской управы при раздаче хлебных ссуд по случаю неурожая 1867 г.

Второе дело по жалобе крестьян Лобковской волости дошло до судебного разбирательства и наказания председателя Смоленской уездной управы А.И. Энгельгардта (лишен дворянства и сослан на жительство в Томскую губернию) и члена управы П.А. Романовского за злоупотребления по покупке и реализации хлеба и семян для бедствующих крестьян. В 1872 г. в губернском собрании демонстрировался пакет с «образчиками хлеба», негодного ни для посева, ни для приема в пищу, закупленного Энгельгардтом⁵⁸.

В декабре 1870 г., когда, казалось, самая бедственная ситуация была преодолена, в губернию по распоряжению Александра II прибыла комиссия во главе с сенатором А.Г. Гирсом из чиновников министерств внутренних дел и финансов для уяснения причин обеднения Смоленской губернии. В нее вошли и представители земства Д.Н. Потемкин, В.Г. Степанов, И.Н. Котельников, С.С. Иванов, избранные от четырех групп уездов⁵⁹. Этот опыт совместной работы правительственных чиновников и земцев вновь символизировал доверие власти к земским мерам по преодолению кризиса. Собранный материал не был опубликован и не был доведен до сведения земства. Губернское земство познакомилось с ним, лишь благодаря устному сообщению Д.Н. Потемкина⁶⁰. Ее результатами воспользовалась Валуевская комиссия⁶¹. В Петербурге Гирс дал крайне негативную оценку деятельности местной администрации по преодолению голода («бездействие и превышение власти»), в результате чего губернатор Н.П. Бороздна лишился своего места⁶².

Новый губернатор А.Г. Лопатин (1871–1880 гг.) из дворян соседней Псковской губернии отличался большей энергией и критическим отношением к земству⁶³. В 1871 г. продовольственная ситуация вновь ухудшилась. Она не была столь острой как в предшествующие годы: крестьяне, за исключением одного уезда, просили помощь только для обсеменения полей, но не для продовольствия. Но и губернский

⁵⁸ Там же. Т. 1. С. 90, 93, 94; ГАСО. Ф. 1. Оп. 5. 1870. Д. 23.

⁵⁹ Там же. Т. 1. С. 1044.

⁶⁰ *Давыдов И.* Смоленское земство (по вопросу об упадке благосостояния Смоленской губернии) // Вестник Европы. 1875. № 11. С. 314.

⁶¹ Доклад Высочайше утвержденной Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. СПб., 1873. Прилож. 1. С. 5–7 и др.

⁶² *Курошева М.С.* Становление Смоленского земства (1864–1889). Смоленск, 2015. С. 134–135.

⁶³ Там же.

продовольственный капитал был в два раза меньше. В декабре 1871 г. он составлял 131 тыс. руб. против 220 647 руб. в 1867 г.⁶⁴

Как только в конце лета стали очевидны последствия летней непогоды, Лопатин сообщил в МВД о плохих видах на урожай, практическом отсутствии хлебных запасов и о нужде в хлебе крестьян губернии⁶⁵. Лопатин рапортует и Александру II. Действуя решительно, смоленский губернатор не разделял позицию правительства относительно средств преодоления голода. В рапорте императору он «решительно отвергал систему ссуд» и бесплатную раздачу хлеба голодающим. Выступая против новых заимствований из общего продовольственного капитала, Лопатин опасался новых долгов для губернии и обвинял крестьян, в том, что бесплатная раздача хлеба «дурно повлияла на народ в нравственном отношении»⁶⁶. Сентенции губернатора Лопатина были вполне в духе времени. Однако в сложившихся условиях такого рода высказывания работали на отрицательный образ нового губернатора в глазах пронароднически настроенных земцев. В это же время первый председатель Смоленской губернской управы С.С. Иванов, человек независимый и известный за пределами губернии, был назначен орловским губернатором (1871–1874 гг.)⁶⁷, а председателем Смоленской губернской управы стал еще один представитель Сычевского уезда Н.А. Мельников.

Лопатин предложил свою схему реализации уже полученной правительственной помощи. В записке в Комитет министров он просил правительство отказаться от процентов со старой ссуды (1 млн 60 тыс.) на 6 лет и передать эти деньги (380 тыс. руб.) в распоряжение губернатора. Губернская администрация должна была закупить на эти средства хлеб, продать его крестьянам по пониженной цене, а на вырученные деньги вновь купить хлеб, и так до тех пор, пока «не иссякнет капитал»⁶⁸.

В этой схеме Комитет министров не устроило два обстоятельства. Во-первых, в 1871 г. цены на хлеб в Смоленской губернии были ниже в два раза, чем в 1867–1868 гг., поэтому продажа его еще по более низкой цене могла привести к уходу из губернии частных торговцев. Во-вторых, план губернатора совершенно устранял земство от продовольственного вопроса и не соответствовал стратегии правительства и позиции министра внутренних дел А.Е. Тимашева, ко-

⁶⁴ Сборник ... Т. 2. С. 1386.

⁶⁵ *Середонин С.М.* Указ. соч. С. 247.

⁶⁶ Там же. С. 248.

⁶⁷ *Минаков А.С.* Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений. Орел, 2011. С. 98, 253.

⁶⁸ *Середонин С.М.* Указ. соч. С. 248–249.

торый выступил за совместные действия земства и правительства в борьбе с голодом. Финансовая комбинация делала губернскую администрацию не только распорядителем продовольственного капитала, но и демонстрировала бессилие земства. Комитет министров отверг предложение Лопатина, поскольку оно снимало «с местного земства всякую ответственность за положение продовольствия», которое по закону является зоной ответственности земства, и даст повод земствам других губерний стремиться к тому же»⁶⁹. В контексте нашей темы случай чрезвычайно показательный. Правительство продолжало доверять земству и пресекло попытку губернатора отстранить его от продовольственного дела. Более того, было решено выделить именно земству (без его на этот счет ходатайства) еще 400 тыс. руб. для закупки и продажи хлеба по пониженной цене. В очень тяжелых ситуациях допускалась бесплатная раздача хлеба⁷⁰. Теперь земство не ссужало деньги, а закупало на них хлеб и семенной материал и должно было акцентировать внимание на чрезвычайно трудной работе по созданию рабочих мест для крестьян.

Комитет министров продолжал свою политику «обеспечения продовольствия масс не ссудами, а заработком»⁷¹. В соответствии с этой стратегией новая ссуда предназначалась не всем уездам, а жителям только шести западных (белорусских) уездов Смоленской губернии. Здесь, по мнению Комитета министров, бедствие населения было вызвано высокими выкупными платежами и отсутствием привычки к отхожим промыслам. Прохождение по территории губернии только что введенных в эксплуатацию двух железных дорог (Москва–Смоленск, Рига–Орел) делало мобильность населения более высокой. По существу речь шла об изменении стратегии развития губернии, в которой на первые роли выходило земство и само население, на которое возлагалась ответственность зарабатывания денег.

Комитет министров пришел к выводу, что смоленское бедствие коренится не в недостатке хлеба, а в недостатке денег⁷². Декларируя наличие нехватки денег в аграрном секторе, правительство решило привлечь земство для обсуждения податной реформы и общего положения в сельском хозяйстве, к которому привлекались земства. Конечно, на это важное в истории земства решение повлияли не только смоленские события, но смоленский голод сыграл не последнюю роль. Комитет министров поручил министру внутренних дел А.Е. Ти-

⁶⁹ Сазонов Г. П. Указ. соч. С. 281.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Середонин С. М. Указ. соч. С. 262.

⁷² Там же. С. 251.

машеву изучить причины «обеднения» населения Смоленской губернии и разработать соответствующие меры, которые могли бы «оградить население от постепенного упадка в них благосостояния»⁷³. Это решение ставило Смоленское земство в центр публичного дискурса относительно общей аграрной ситуации. «Смоленское земство было первым, которому пришлось практически заниматься вопросом об улучшении условий местного быта», — признавали современники⁷⁴.

Тем временем Смоленское земство работало в чрезвычайном режиме. Решения VII очередного собрания 1871 г. соответствовало намерениям Лопатина не брать новых кредитов, а оказывать помощь народу другими способами. В 1872 г. земство провело три чрезвычайных собрания (в феврале, марте и июне). На февральскую сессию прибыл губернатор Лопатин, которому в глазах земства нужно было оставаться на высоте положения, и объявил об отмене в Смоленской губернии рекрутского набора на 1872 г, о выдаче бесплатных паспортов, рассрочке по взысканию крестьянских недоимок и согласии правительства предоставить Смоленскому земству еще 400 тыс. руб.⁷⁵

Мартовское собрание помимо распределения ссуды между шестью уездами, обсуждало и вопрос об общем положении в сельском хозяйстве. К этому времени губернское земское собрание определило круг вопросов, решение которых, по его мнению, должно было коренным образом изменить ситуацию в аграрном секторе. Смоляне отказывались от альтруистического подхода оказания продовольственной помощи. Это была требующая серьезного обсуждения, программа относительно насыщения деньгами аграрного сектора и реформирования крестьянской общины. Собрание предложило реформировать податную систему, организовать поземельный кредит, ссудно-сберегательные кассы и ипотеку. Оно выступило против крестьянских разделов, круговой поруки и общинного владения землей как инструментов сдерживания крестьянской инициативы. Проблема общины возвращала депутатов к острым дискуссиям в дворянском комитете по отмене крепостного права и реанимировала популярную в среде смоленского дворянства идею всеобщей волости. Отношение к крестьянству выражалось в тезисе о необходимости повышать уровень народного образования, сократить число питейных заведений, уравнивать рекрутскую повинность, учреждать артельные промышленные производства, создавать хлебные мага-

⁷³ Там же. С. 261.

⁷⁴ Давыдов И. Указ. соч. С. 315.

⁷⁵ Сборник... Т. 2. С. 1392.

зины, опираясь на общественную запашку. По существу оно редуцировалось в практики надзора и стремление урезать избрание волостных старшин (выбирать только в тех волостях, за которыми не числилось недоимок)⁷⁶.

Эта программа, с одной стороны, демонстрировала понимание сложности ситуации и верно определяла некоторые болевые точки русской деревни (недостаток денег и общинное ведение хозяйства), но с другой стороны, было очевидно, что она может быть разрешена только усилиями правительства. Земство могло сосредоточить свои усилия на некоторых позициях, таких как развитие народного образования или (и) создание ссудно-сберегательных касс. Столь сложные вопросы привели к бескомпромиссной дискуссии в стенах собрания, в результате которой была создана особая комиссия в составе П.П. Друцкого-Гурко, А.И. Герна и В.Г. Степанова. В декабре 1872 г. из комиссии вышел А.И. ГERN, который как приглашенный работал в Валуевской комиссии (кроме него от Смоленской губернии вошли земцы-дворяне А.П. Баумгартен, К.Д. Дмитриев, В.И. Чаславский, П.Н. Энгельгардт), создание и деятельность которой (май 1872 — апрель 1873 г.) также можно считать продуктом смоленских событий⁷⁷.

Обсуждение общих мер к улучшению сельского хозяйства вылилось в большое ходатайство Смоленского земства 3 марта 1874 г. В нем были отражены итоги двухгодичной дискуссии об общих мерах по кардинальному изменению положения крестьян. Основной акцент был сделан на изменении всей податной политики. В ходатайстве отразилось решение чрезвычайного губернского собрания от 3 июня 1871 г., которое было создано для обсуждения податного вопроса, инициированного правительством. Вокруг обсуждения податного вопроса, напрямую, как мы видели, связанного с продовольственным вопросом и смоленским голодом, строились отношения земства и правительства⁷⁸.

Смоленское земство высказалось за всесословность податной системы, «за равномерное обложение всякого достатка, приносящего доход» «а для более мелких источников дохода была бы установлена подать по разрядам»; за четкое разграничение государственных и земских повинностей и переложение натуральных повинностей (дорожной и постоянной) в денежные. Однако оно получило отказ с

⁷⁶ Там же. С. 1386.

⁷⁷ Доклад Высочайше утвержденной Комиссии для исследования положения сельского хозяйства... С. 159–167.

⁷⁸ Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. С. 213.

формулировкой, показывающей, что отношение к земству меняется. Мотивируя свой отказ, Комитет министров писал, что общие вопросы «не могут быть обсуждены в пределах одного земства и одной губернии»⁷⁹.

Ситуация 1867–1872 гг. имела переходный характер. Голод 1873 г. в Самарской губернии, которая считалась «чуть ли не житницей России», изменил правительственную стратегию. Комитет министров на время отступил от своей политики и сделал ставку на обеспечение не работами, а хлебом. Земство, с согласия министра внутренних дел, фактически устранялось от оказания продовольственной помощи в Самарской губернии⁸⁰. То, что не удалось смоленскому Лопатину, осуществил самарский Климов.

Формы продовольственной помощи, апробированные земством в конце 1860-х — начале 1870-х использовались до начала XX в. Они давали пищу для критики как земства, так и крестьян, привыкших якобы к бесплатной раздаче хлеба, а вопрос о месте земства и общем подходе к обеспечению продовольствием населения дискутировался в земстве и в обществе еще в течение многих лет. Но сразу после смоленского голода земства и правительства осознали, что продовольственное дело с точки зрения его организации отражало недостатки земской модели и состояния земских финансов, а в целом оно замыкалось на общем состоянии сельского хозяйства. В течение 1870-х и 1880-х гг. земства ходатайствовали о списании долгов, о расширении своих прав в продовольственном вопросе. В Смоленской губернии был только один случай, когда уездное земство пыталось освободиться от продовольственного дела. В 1884 г. Сычевское земство выступило с такой инициативой на том основании, что у земства нет рычагов для возвращения недоимок, Губернское собрание передало ее на обсуждение остальных уездных земств, которые не поддержали сычевцев⁸¹.

Мы остановились лишь на одном эпизоде этой болезненной для населения и земских амбиций проблеме. Но он говорит, что нельзя проводить прямой аналогии между ситуацией конца и 1860-х и начала 1870-х гг. и решением правительства изъять из земской компетенции продовольственный вопрос. Смоленский голод продемонстрировал, что именно земство, а не местная администрация делало всё от него зависящее в снабжении населения продовольствием. Недостатки продовольственного дела были обусловлены общей не-

⁷⁹ Сборник... Т. 1. С. 1049–1061.

⁸⁰ Середонин С.М. Указ. соч. С. 255–257.

⁸¹ Сазонов Г.П. Указ. соч. С. 278.

устойчивостью сельского хозяйства, отсутствием денег в деревне и той системой взаимоотношений земства и правительства, которая была закреплена земским законодательством.

Список литературы

Давыдов И. Смоленское земство (по вопросу об упадке благосостояния Смоленской губернии) // Вестник Европы. 1875. № 11. С. 313–362.

Ермолов А.С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. Ч. 1. Продовольственный вопрос в прошлом и настоящем. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1909. 599 с.

Курошева М.С. Становление Смоленского земства (1864–1889). Дис. ... кандидата исторических наук. Смоленск, 2015. 229 с.

Минаков А.С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений. Орел: Орлик, 2011. 487 с.

Середонин С.М. Исторический обзор деятельности Комитета министров: К столетию Комитета министров (1802–1902). Т. 3. Ч. 1. СПб.: Канцелярия Комитета министров, 1902. 358 с.

Чернуха В.Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60–70 годы XIX в.). Ленинград: Наука, 1972. 226 с.

Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Ленинград: Наука, 1978. 243 с.

Поступила в редакцию
4 июня 2022 г.

И.В. Шильникова

**ОРГАНИЗАЦИЯ ВОДОСНАБЖЕНИЯ НА
ТРАНССИБИРСКОЙ МАГИСТРАЛИ
В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.**

I.V. Shilnikova

**ORGANIZATION OF WATER SUPPLY
ON THE TRANS-SIBERIAN RAILWAY
IN THE LATE 19th — EARLY 20th CENTURIES**

Аннотация. Строительство Транссибирской железной дороги, наиболее масштабного инфраструктурного проекта Российской империи, сопровождалось решением целого ряда задач, связанных с обеспечением нормальной эксплуатации этой магистрали. Одной из таких задач являлось обеспечение Транссиба водой, пригодной по своим характеристикам для использования как в производственных, так и хозяйственно-бытовых целях. В условиях дефицита времени, ограниченного финансирования и с учетом особенностей природно-географических характеристик территории приходилось искать способы организации водоснабжения, которые требовали новых технических решений. Различные аспекты этой проблемы не получили достаточного освещения в научных публикациях, но, безусловно, представляют интерес для исследователей. Строительству железнодорожных водопроводов предшествовал, как правило, этап гидрологических исследований, в ходе которых определялись наиболее удобные источники воды для каждой станции, ее свойства, маршруты прокладки коммуникаций. Дополнительные сложности возникали нередко по той причине, что при определении местоположения станций вдоль магистрали окон-

Шильникова Ирина Вениаминовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории экономики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Shilnikova Irina Veniaminovna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Economic History, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

+7-929-903-88-01; shilnikova.i@gmail.com

Исследование выполнено в рамках научного проекта «Роль Транссибирской магистрали в развитии инфраструктуры, экономики и социально-демографического потенциала восточных районов поздней имперской России», поддержанного в 2021 г. Русским географическим обществом (РГО).

The study was carried out within the framework of the research project *The Role of the Trans-Siberian Railway in the Development of Infrastructure, Economy and Socio-Demographic Potential of the Eastern Regions of Late Imperial Russia* supported in 2021 by the Russian Geographical Society (RGS).

чательного заключения о возможностях и источниках воды еще не было, исследования территории продолжались. В силу этого некоторые станции оказались расположены крайне неудобно для организации стабильной подачи воды, что требовало дополнительного финансирования и усилий инженерной мысли. В качестве приоритетных источников воды для подачи на станции и разъезды Транссиба рассматривались реки, на втором месте шли ручьи, далее — озера, родники, грунтовые воды и болота, артезианские скважины. При выборе источника водоснабжения обязательно учитывались среднесуточные объемы потребления воды конкретной станции. При этом для обеспечения бесперебойной подачи воды источник должен был иметь минимальный суточный расход, в два раза превышающий максимально возможное суточное потребление, что также затрудняло решение задач по строительству железнодорожных водопроводов. Несмотря на все сложности, результатом проведенных масштабных работ стало сооружение на значительной части Транссибирской магистрали новых вариантов систем подачи и очистки воды, функционировавших в том числе в условиях вечной мерзлоты.

Ключевые слова: история железнодорожного строительства, Транссибирская магистраль, Министерство путей сообщения, гидрологические исследования, водоснабжение, очистные сооружения

Abstract. The construction of the Trans-Siberian railway, the most large-scale infrastructure project of the Russian Empire, was accompanied by the solution of a number of problems for the normal operation of this railway. One of them was to supply it with water, suitable for both industrial and domestic purposes. In conditions of time deficit, limited financing and taking into consideration natural and geographical peculiarities of the territory, it was necessary to look for ways of water supply organization which demanded new technical solutions. The various aspects of this problem have not received sufficient coverage in scientific publications, but they are certainly of interest to researchers. The construction of railway water mains was usually preceded by hydrological investigations to determine the most convenient water sources for each station, its properties, and the routes of communications. Additional difficulties often arose because no definitive conclusion about water availability and sources had yet been reached when locating the stations along the main line, and the surveying of the area was still ongoing. As a result, some of the stations were not well located for constant water supply, which required additional funding and engineering effort. Rivers were considered as priority sources of water to be supplied to Trans-Siberian stations and junctions, they were followed by streams, lakes, springs, groundwater and marshes, artesian wells. When selecting a source of water supply, the average daily volume of water consumption of a particular station was necessarily taken into account. At the same time, to ensure an uninterrupted water supply, the selected source had to have a minimum daily flow rate that was twice as high as the maximum daily consumption, which also made it difficult to solve the problems of the construction of railway water pipelines. Despite all the difficulties, the result of the large-scale works was the construction of new variants of water supply and purifying systems on the most part of the Trans-Siberian railway that functioned also in permafrost conditions.

Keywords: history of railway construction, Trans-Siberian railway, Ministry of Railways, hydrological survey, water supply, purification facilities.

* * *

Несмотря на большое количество публикаций, посвященных различным аспектам создания и эксплуатации Транссибирской магистрали¹, взаимоотношений сибирских регионов и центральной власти, целый ряд вопросов из истории этого грандиозного инфраструктурного проекта Российской империи не получили должного освещения. Последнее, в частности, относится и к вопросам обеспечения железнодорожных станций водой для производственных, хозяйственно-бытовых и противопожарных целей. При этом обеспечение водоснабжения магистрали требовало значительных организационных усилий, новых технических решений и немалых денежных средств как на этапах проектирования и строительства, так и после ввода Транссиба в действие. Построенные до этого водопроводы в некоторых городах по маршруту данной железной дороги не могли использоваться в ходе строительства, поскольку либо не были рассчитаны на подобные нагрузки, либо располагались далеко и неудобно для подачи воды к станциям и разъездам. Поэтому с началом строительства Транссиба проблема водоснабжения на всем его протяжении решалась практически заново, с нуля. При всей важности этого вопроса авторы многочисленных исследований по истории строительства и эксплуатации Транссибирской магистрали рассматривали лишь некоторые аспекты создания железнодорожных водопроводов в рамках обобщающих работ².

Основными задачами нашего исследования являются: 1) характеристика результатов гидрологических исследований по маршруту линий Транссибирской магистрали с точки зрения определения пригодных для использования источников водоснабжения железной дороги и основных выявленных проблем; 2) характеристика источников водоснабжения и технических сооружений, обеспечивающих подачу воды к железнодорожным станциям; 3) характеристика воды, подаваемой на станции и разъезды Транссиба, с точки зрения ее пригодности для использования в производственных и хозяйственно-

¹ Вся Транссибирская магистраль была разбита на семь частей, каждая из которых, по сути, имела значение и статус самостоятельной железной дороги (Уссурийская, Западно-Сибирская, Средне-Сибирская, Забайкальская, Китайско-Восточная, Кругобайкальская, Амурская) и могла, в свою очередь делиться на участки (например, Северо- и Южно-Уссурийская).

² См., например: *Фальковский Н.И.* История водоснабжения в России. М.; Л., 1947; *Порядин А.Ф.* Водоснабжение в Сибири (исторический очерк). Л., 1983; *Ильин Ю.Л., Колесов А.В., Лукьянин В.П.* Создание Великого Сибирского пути. В 2-х т. СПб., 2005; и др.

бытовых целей; 4) определение доли расходов на обеспечение водоснабжения в общей структуре расходов на этапе строительства магистрали, а также выявление причин расхождения итоговых затрат с суммами, предусмотренными первоначальной сметой.

Основу источниковой базы исследования составили отчеты о гидрогеологических и гидрологических исследованиях, проводившихся на этапе проектирования и строительства Транссиба³, отчеты Управлений по сооружению железных дорог Министерства путей сообщения о строительстве отдельных линий и участков магистрали⁴, результаты проб и лабораторных анализов, характеризующих свойства подаваемой на станции воды⁵.

Гидрологические исследования

Поскольку протяженность строящейся магистрали была очень велика, то и климатические условия изначально исключали возможность использовать единые, стандартные способы прокладки и эксплуатации систем водоснабжения. Этапу строительства линий подачи воды предшествовал период почвенно-грунтовых, гидрогеологических и гидрологических исследований с целью определения особенности территории. Для этого организовывались специальные экспедиции, в ходе которых велись поиски надежных источников водоснабжения.

³ Львов А.В. Поиски и испытания водоисточников водоснабжения на Западной части Амурской жел[езной] дор[оги] в условиях «вечной» мерзлоты почвы. Иркутск, 1916; Жилинский И.И. Очерк гидротехнических работ в районе Сибирской жел[езной] дор[оги] по обводнению переселенческих участков в Ишимской степи и осушению болот в Барабе. 1895–1904 гг. СПб., 1907; Оссовский Г.О. Гео-гидрологические исследования Томского и Марининского округов. Томск, 1896; Оссовский Г.О. Гео-гидрологические исследования Барабы. Томск, 1895; Геологические исследования и разведочные работы по линии Сибирской железной дороги. Вып. XXXI-й. СПб., 1910. С. 122–129; Сакович В. Гидрологические изыскания вдоль линии Зап[адно]-Сиб[ирской] ж[елезной] д[ороги]. Работы 1893 года // Горный журнал. 1894. № 12. Декабрь. С. 384–420; Сергеев М. Исследования по линии Забайкальского участка Сибирской железной дороги для выяснения условий водоснабжения будущих станций // Геологические исследования и разведочные работы по линии Сибирской железной дороги. Вып. IV-й. СПб., 1897. С. 59–83.

⁴ Отчет по постройке Западно-Сибирской ж[елезной] д[ороги]. 1892–1896 гг. СПб., 1898; Отчет по постройке Западно-Сибирской железной дороги. 1892–1896 г. Прилож. № 1. СПб., 1898; Отчет по постройке Западно-Сибирской железной дороги. 1892–1896 г. Прилож. № 4. Пояснительные записки. СПб., 1898; Отчет по постройке Томской ветви Средне-Сибирской железной дороги. 1895–1896 г. СПб., 1901; Отчет по постройке Северно-Уссурийской ж[елезной] дор[оги]. 1894–1897. СПб., 1900; Приложения к отчету по постройке Северно-Уссурийской ж[елезной] дор[оги]. 1894–1897. СПб., 1900; Отчет по постройке Южно-Уссурийской ж[елезной] дор[оги]. 1891–1894. СПб., 1900; Отчет по постройке Кругобайкальской железной дороги. 1900–1905 гг. СПб., 1908.

⁵ Труды Одиннадцатого Всероссийского Водопроводного и Санитарно-Технического съезда в Риге. 1913. Вып. I. М., 1913.

Так, в 1894 г. в «Горном журнале» были опубликованы результаты работы экспедиции, состоявшейся годом ранее и занимавшейся, помимо прочего, гидрологическими исследованиями вдоль линии Западно-Сибирской железной дороги⁶. В ходе этих изысканий брались пробы и проводился анализ свойств воды в «горько-соленых» озерах, расположенных между реками Ишимом и Иртышем. Выяснилось, что в подавляющем большинстве случаев данная озерная вода не может использоваться для заправки паровозов, поскольку показатель жесткости иногда в несколько раз превышает установленную максимально допустимую норму. При этом автор отчета о гидрологических исследованиях по линии Западно-Сибирской железной дороги горный инженер В.В. Сакович определяет в качестве максимально допустимой границы жесткости воды, при котором она может использоваться в паровых котлах, показатель в 20° немецких⁷. Между тем в исследованных по маршруту Западно-Сибирской дороги озерах этот показатель мог достигать и 130° немецких. Проблема усугублялась тем, что зимой показатели жесткости воды в озерах, не имеющих постоянного притока, еще больше возрастали, поскольку часть воды замерзала и соответственно часть солей перераспределялась в оставшуюся незамерзшую воду, что могло значительно увеличивать показатель жесткости.

В силу этих обстоятельств Управление Западно-Сибирской железной дороги приняло решение рассмотреть возможности использования для водоснабжения станций подземных вод. Это и стало основной задачей гидрологических исследований в ходе экспедиции 1893 г. Для решения данной проблемы проводились буровые работы вдоль железнодорожной линии от Челябинска до Кургана (бурение производилось через каждые 25–30 верст). По результатам изысканий было принято решение об использовании грунтовых вод для водоснабжения ряда станций. На другом участке этой линии, от Кургана до Петропавловска, наиболее проблемными в части водоснабжения стали станции Макушино и Мамлютка, поскольку озерная вода, которую изначально планировали использовать, после проведения серии анализов была признана непригодной из-за высокого содержания в ней сероводорода⁸. Проведенные исследования этой территории показали, что обе станции требуют сооружения искусственных источников постоянного водоснабжения, хотя для

⁶ Сакович В. Указ. соч. С. 384–420.

⁷ Там же. С. 385. Жесткость воды в России в конце XIX — начале XX в. чаще всего измерялась в немецких и французских градусах. 1° немецкий = 1,785° французских; 1° немецкий = 10 мг оксида кальция (CaO) в 1 литре воды.

⁸ Там же. С. 402.

временной подачи воды на начальном этапе можно использовать озерную воду⁹. Далее экспедиция переместилась на участок дороги от Петропавловска до Омска, где некоторые станции оказались не обеспечены водой даже на временной основе. Работа была направлена на то, чтобы выяснить возможность снабжения ряда станций этой линии из артезианских скважин. Но оказалось, что в большинстве случаев показатель жесткости воды здесь превышает максимально допустимый в несколько раз, что однозначно требовало очистки¹⁰.

Обращает на себя внимание тот факт, что значительный объем работ по проведению гидрологических изысканий вдоль маршрута Западно-Сибирской железной дороги осуществлялся уже после старта строительства этого участка Транссибирской магистрали. В этих обстоятельствах практически отсутствовала возможность изменить расположение станций, хотя некоторые участники экспедиций отмечали, что в ряде случаев это могло бы упростить и удешевить организацию постоянного водоснабжения на них. Аналогичные замечания делались и участниками гидрологических исследований на других участках железнодорожной магистрали.

Представляет безусловный интерес в контексте рассматриваемых вопросов и отчет, подготовленный горным инженером М.В. Сергеевым, в котором изложены результаты гидрологических исследований о возможных вариантах организации подачи воды на станции Забайкальской линии Транссиба. М.В. Сергеев входил в состав партии инженеров путей сообщения, командированных в 1893 г. Горным департаментом для «производства окончательных изысканий Забайкальского участка Сибирской железной дороги»¹¹, где и должен был заниматься выяснением возможностей и условий организации водоснабжения будущих станций этого участка, местоположение которых предварительно уже было определено. Приоритетное внимание как потенциальным источникам водоснабжения по понятным причинам было уделено рекам. Определив показатели расхода воды в реках, включая горные, и потребности в воде железнодорожных станций, пришли к выводу, что этого будет достаточно¹².

Однако по ходу экспедиции выявились и проблемы, которые необходимо было учитывать при проектировании железнодорожных водопроводов. В частности, существовала «постоянная убыль в реках с наступлением зимы». При этом отмечалось, что «быстрые

⁹ Там же. С. 411.

¹⁰ Там же. С. 415.

¹¹ Геологические исследования и разведочные работы по линии Сибирской железной дороги. Вып. IV. СПб., 1897. С. 59.

¹² Там же. С. 62.

повышения и понижения видимого притока воды почти не отражаются на подземных течениях или в весьма слабой степени»¹³. Это заключение было сделано в результате наблюдения за уровнем воды в многочисленных колодцах, вырытых на береговых террасах рек этого района (Уды, Ингоды, Шилки и других). Местное население обращало внимание на то, что в зимнее время в колодцах вода тоже «уменьшается», но в другие сезоны «убыль и прибыль» воды в реках не влияла на состояние колодцев.

В случае с Забайкальской линией, на первый взгляд, не должно было возникнуть сложностей при сооружении систем водоснабжения станций, поскольку этот участок Транссиба шел на значительной части своего маршрута вдоль рек, на расстоянии в пределах одной версты от них. Однако здесь, при в целом слабой изученности территорий, присутствовала зона вечной мерзлоты. В силу этого в ходе экспедиций требовалось не только найти наиболее удобный источник воды, но и определить масштабы и уровень промерзания земли с целью прокладки коммуникаций по оптимальному маршруту. Как указывал в своем отчете М.В. Сергеев, исследования проводились по всей линии (от Мысовой до Покровки), в основном методом шурфования, и значительно реже использовалось бурение.

Исследования, проводившиеся на протяжении одного полного года, показали, что по маршруту Забайкальской железной дороги промерзание земли зимой наблюдалось на глубине 0,33–2,00 сажень. Причем, на территориях, где было зафиксировано круглогодичное промерзание почвы, оно заканчивалось на глубине 1,54–4,36 саж., но почти везде на таких участках вода была обнаружена ниже зоны вечной мерзлоты¹⁴. Эти условия не позволяли использовать на данной линии способ водоснабжения, уже апробированный на железных дорогах Европейской России, поскольку потребовалось бы прокладывать трубы в земле на большой глубине, что предполагало значительное увеличение расходов как на этапе строительства, так и в процессе эксплуатации этих коммуникаций. Поэтому вариант водоснабжения с использованием грунтовых вод посредством строительства вдоль линии колодцев представлялся оптимальным для обеспечения «питания паровозов», причем для большинства станций удалось определить их примерную глубину.

Следует отметить, что работы по строительству Транссибирской магистрали стали толчком для организации экспедиций с целью оценки возможностей водоснабжения не только железнодорожных

¹³ Там же. С. 64.

¹⁴ Там же. С. 77.

станций, но и переселенческих участков, которые уже были заселены или только планировались к заселению. Так, например, в соответствии с положением Комитета по постройке Сибирской железной дороги на 1895 г. в распоряжение губернатора Томской губернии Министерством внутренних дел были выделены средства «на вспомогательные предприятия» в процессе строительства Транссиба. В перечень этих мероприятий вошли работы по обеспечению искусственного водоснабжения на территориях вблизи магистрали, отведенных под заселение переселенцами, где не было «проточной воды», или она была признана непригодной для использования в бытовых целях. Прежде всего, речь шла о нескольких участках в Алчедатской и Дмитриевской волостях Мариинского округа и Новокукусовской волости Томского округа. По распоряжению Томского губернатора на выделенные средства были организованы «основательные исследования почвы и буровые разведки на воду колодезную»¹⁵. Руководил этими работами Г.О. Оссовский, который на этапе подготовки определил еще несколько переселенческих участков в тех же округах, где также наблюдались проблемы с водоснабжением: даже если в доступности находились источники воды, использовать их для водоснабжения населенных пунктов было попросту невозможно. Например, некоторые реки имели достаточный расход воды только весной, а летом пересыхали, болота зимой загнивали и т.д.¹⁶ По результатам буровых работ в уже созданных и проектировавшихся переселенческих поселках и анализов обнаруженной в ряде случаев воды были определены местности, пригодные для заселения с точки зрения водоснабжения, и местности, где население не имело нормального доступа к воде для использования ее для бытовых и сельскохозяйственных нужд. В первых обнаруженная вода обладала вполне приемлемыми, а иногда и «высокими питьевыми качествами: свежестью, приятным вкусом, прозрачностью и пригодностью для чая»¹⁷. Как пример второй ситуации Г.О. Оссовский рассматривает расположенную недалеко от Томска на Сибирском почтовом тракте д. Сузову, жители которой в силу «полного отсутствия проточной воды и невозможности получить воду колодезную, пользуются водой единственной в окрестности болотной лужи» в трех верстах от деревни. При этом, как отмечает Оссовский, местные крестьяне

¹⁵ Оссовский Г.О. Гео-гидрологические исследования Томского и Мариинского округов. Отчет о командировке по исследованию водоснабжения маловодных переселенческих участков в Томском и Мариинском округах, состоявшейся летом 1895 г. по поручению г. Томского губернатора. Томск, 1896. С. 1.

¹⁶ Там же. С. 29–30.

¹⁷ Там же. С. 38.

безропотно будут использовать воду из этой «застойной и навозом отравленной лужи», доставляемую им ежедневно с расстояния в несколько верст, для себя, поить ей скот и пр.¹⁸

В заключительной части отчета Г.О. Оссовский справедливо подчеркивал, что при выделении участков для переселенцев необходимо учитывать возможности обеспечения их пригодной для использования в хозяйственных и бытовых целях водой. Игнорирование этого фактора, по его оценкам, приводит впоследствии к дополнительным затратам по сооружению сложных конструкций подвода воды, ее очистки, а в ряде случаев он считал необходимым попросту исключить уже отведенные участки из числа пригодных для размещения переселенцев.

Таким образом, в результате проведенных в ходе экспедиций гидрологических исследований по маршруту различных линий Транссиба было выявлено, что участок магистрали, простиравшийся до озера Байкал, имеет на доступном расстоянии немало достаточно крупных источников воды с высоким расходом, что позволяло покрывать потребности станций, хотя в ряде случаев требовалась создание искусственных источников водоснабжения. Однако серьезные трудности были связаны с глубиной промерзания грунта, что отличалось от условий европейской части страны, где уже был накоплен опыт создания железнодорожных водопроводов. Еще сложнее оказалась ситуация на Забайкальской и Амурской линиях, где пригодных для использования источников водоснабжения было гораздо меньше, они были сравнительно маловодны, а зимой почти полностью промерзали. При этом практически во всех случаях по результатам проведенных в ходе экспедиций гидрологических исследований были сформулированы предложения по источникам и маршрутам подачи воды к станциям и разъездам Транссиба, а также были определены станции, на которых потребовалось обеспечение очистки воды, используемой как в технических, так и в хозяйственно-бытовых целях.

Источники водоснабжения и системы подачи воды

Специальная инструкция, которой следовало руководствоваться при проектировании водопроводных сооружений на Транссибе, содержала основные принципы устройства железнодорожных водопроводов и технические требования к ним. Кроме того, была выработана система критериев для оценки источников водоснабжения, в соответствии с которыми они располагались в порядке пред-

¹⁸ Там же. С. 43.

почтительности тех или иных характеристик. На первом месте шли реки, на втором — ручьи, и далее озера, родники, грунтовые воды и болота, артезианские скважины¹⁹. При выборе источника водоснабжения обязательно учитывались среднесуточные объемы потребления воды на той или иной станции. Выбранный источник должен был иметь такой минимальный суточный расход, который в два раза превышал бы максимально возможное суточное потребление, что обеспечивало бесперебойную подачу воды.

На IX Русском водопроводном съезде, проходившем в 1909 г. в Тифлисе, было вынесено решение, согласно которому Постоянное бюро должно было собрать и опубликовать материалы, характеризующие водоснабжение на железных дорогах, а также влияние состава воды на работу и эксплуатацию паровозов²⁰. Разработанная программа обследования 1 апреля 1911 г. была разослана в Управления 34-х железных дорог, включая и Управление Сибирской железной дороги. Данная программа включала три блока: вода, топливо и «общие данные о дороге и эксплуатации паровозных котлов»²¹. В контексте задач данной статьи наибольший интерес представляет, безусловно, раздел программы, посвященный непосредственно организации водоснабжения. В числе вопросов этого блока следует отметить наиболее важные пункты: 1) список станций с водоснабжением, 2) расход воды на каждой станции годовой и среднесуточный (в куб. метрах), 3) состав воды (в том числе сухой остаток, содержание органических веществ и пр.), 4) источник воды²². Подробные данные для каждой точки водоснабжения были даны в приложении к этому докладу и представляли собой таблицы, где одна запись соответствовала одной точке водоснабжения.

По результатам обследования 34-х железных дорог Российской империи выяснилось, что основным источником водоснабжения служили реки (47,4%), на втором месте — пруды (16,7%), далее шли «обыкновенные колодцы» (11,6%), артезианские скважины (9,1%) и озера (4,8%)²³. Данные, относящиеся непосредственно к Транссибу (а это в данном случае Сибирская часть магистрали и Забайкальский ее участок), позволяют заключить, что в тех случаях, когда источник водоснабжения был указан, в 43,43% случаях — это реки, 23,23% —

¹⁹ *Порядин А.Ф.* Водоснабжение в Сибири (исторический очерк). Л., 1983. С. 47.

²⁰ Свод постановлений первых 9-ти Русских Водопроводных съездов за период 1893–1909 гг. М., 1911. С. 63.

²¹ Труды Одиннадцатого Всероссийского Водопроводного и Санитарно-Технического съезда в Риге. 1913. Вып. I. С. 68.

²² Там же.

²³ Там же. С. 70.

озера, и одна треть приходилась на другие варианты, включая колодцы, скважины, пруды и комбинированные варианты, когда, например, одна станция обеспечивалась водой из двух разных источников (например, река и озеро, или скважина и колодец).

Рассмотрим пример Западно-Сибирской железной дороги, обеспечение которой водой, пригодной для промывки паровозов и в достаточном объеме, было одной из сложных задач строительства. На всем протяжении этой линии она пересекает только три большие реки — Тобол, Ишим и Иртыш, а также подходит достаточно близко к реке Омь. Другие речки, встречавшиеся на пути следования магистрали, могли использоваться для обеспечения водоснабжения только при условии строительства плотин и водохранилищ. В силу этих обстоятельств в большинстве случаев для обеспечения водоснабжения в производственных и бытовых целях использовались озера. При этом на восьми станциях, где не было в доступной близости пресных озер, были предприняты работы по поиску и исследованию возможностей использования подземных вод. В основном воду требовалось поднимать с глубины в 15–50 саж. Ситуация осложнялась тем, что на шести станциях из восьми эта вода оказалась очень жесткой, и использовать ее можно было только при условии предварительной химической очистки. В ряде случаев пришлось организовывать и дополнительное водоснабжение на перегонах (в первую очередь там, где расстояния между станциями были большими или «трудность профиля вызывала усиленный расход воды»).

Из крупных рек (Тобол, Ишим и Иртыш) водой снабжались только станции Курган, Петропавловск и Омск, т.е. в местах, где магистраль пересекала эти реки. Сооружение водопроводов здесь потребовало высоких затрат вследствие большой длины напорных линий (на станции Петропавловск она, например, составила 4,283 верст, а на станции Омск — 2,922 верст), а также значительных работ по углублению русла рек и укреплению берегов в местах размещения водоприемников. Железная дорога не пересекала реку Омь, но поскольку последняя подходила к полотну на расстояние двух-трех верст, ее использовали для обеспечения водой станций Кормиловка и Калачинская. Причем напорные линии здесь тоже были довольно длинными. Из небольших речек, названия которых зачастую совпадали с названиями станций, снабжались водой станции Каргат, Чулым, Камышенка и разъезд Чик. В первых двух случаях речки были мелководными, в силу чего зимой они промерзали почти до самого дна. Поэтому для того чтобы обеспечить поступление воды круглый год, потребовалось строительство подпорных плотин, а на станции Камышенка, где река еще и нередко пересыхала летом, воз-

вели длинную плотину, образовавшую искусственное водохранилище, где запасалась вода на летний сезон²⁴.

До завершения сооружения постоянных систем водоснабжения, строительства водоемных и водоподъемных зданий для обеспечения водой паровозов нередко строились временные системы подачи воды. В качестве источников воды, как и при постоянном водоснабжении, использовались реки, ручьи, озера, пруды, в крайнем случае, болота. Для временной подачи воды на расстоянии не более четырех-пяти верст от станции устанавливался деревянный бак, который при помощи пульсометра наполнялся в требуемом объеме. Пульсометр представлял собой достаточно простой по своей конструкции водяной насос, который действовал на поверхность воды непосредственно давлением пара. Это была для того времени достаточно удобная и прочная водоподъемная конструкция, часто применявшаяся в тех случаях, когда высота, на которую требовалось поднять воду, не превышала 20 м. Несмотря на то что пульсометр тратил заметно больше топлива по сравнению с хорошим паровым насосом, он обладал важным преимуществом, будучи не чувствительным к загрязнению воды, что являлось крайне важным с учетом условий строительства Транссибирской магистрали.

При создании системы сооружений для постоянной подачи воды на станции и разъезды строились водоподъемные и водоемные здания. Водоподъемные здания чаще всего были двух типов: первый предназначался для насосов Вортингтона, второй — для горизонтальных паровых машин с насосами. Паровые машины, котлы и насосы Вортингтона всегда ставились на каменный или кирпичный фундамент, а вертикальные насосы и водопроводные трубы располагались в колодцах²⁵.

Обычно водоподъемное здание состояло из машинного отделения, построенного из камня или кирпича, и деревянного (часто на каменном фундаменте) жилого помещения для машиниста. В случае же использования в качестве источников воды артезианских колодцев водоподъемные здания были деревянными, но с опорой на каменный или кирпичный фундамент.

Первоначально вода поступала в расположенный у самой воды водоприемник и затем посредством всасывающей трубы перегонялась в водоподъемное здание. Оттуда вода с помощью насоса или паровой машины направлялась в водоемное здание (находилось

²⁴ Отчет по постройке Западно-Сибирской железной дороги. 1892–1896 г. Прилож. № 4. Пояснительные записки. СПб., 1898. Раздел «Водоснабжение станций». С. 3–4.

²⁵ Там же. С. 24.

часто на расстоянии нескольких верст) по напорным трубам, проложенным на глубине около 1 саж.

Водоемные здания строились на всех станциях, располагались по возможности ближе к «паровозным зданиям». Объем необходимого запаса воды в баках зачастую определял и тип водоемного здания. Например, на Западно-Сибирской железной дороге на большинстве станций водоемные здания представляли собой каменную или кирпичную башню, на которой устанавливался железный бак нужного объема (максимум – 8 куб. саж., минимум – 2 куб. саж.) в зависимости от среднесуточного расхода воды. Наверху башни можно было видеть деревянный шатер, окружающий бак и заканчивающийся восьмигранной крышей, на которой устанавливался фонарь с вентиляционными отверстиями. В центре его находилась дымовая труба, отведенная от подогревателя. Внутри башни от пола к баку вела железная винтовая лестница.

Вода, направлявшаяся от водоподъемного здания к водоемному, могла частично при необходимости по разводящим трубам подводиться к пассажирским зданиям, жилым домам и гидравлическим кранам. И уже из гидравлического крана вода использовалась «для питания паровозов». Машинист получал информацию о времени заполнения бака водой или о времени расхода воды либо при помощи электрической сигнализации, либо по телефону, если в водоемном здании работал постоянный сторож. Как правило в водоемных зданиях предусматривались специальные устройства для подогрева воды в зимнее время, чтобы предотвратить ее замерзание. При прокладке труб, соединяющих водоподъемное и водоемное здания, старались выбирать максимально короткий маршрут с минимумом перепадов высоты, чтобы сократить расходы на эксплуатацию этих сооружений.

Как и на других линиях Транссиба, на Западно-Сибирской железной дороге при организации водоснабжения исходили из расчета следования семи пар воинских поездов в сутки. Всего на этом участке магистрали были созданы 38 точек водоснабжения, комплекс построек для них на станциях включал в себя водоподъемные и водоемные здания (иногда они были соединены в одно здание, как например, на станциях Чумляк, Мишкино, Токуши, Убинская, Каргат и Чулым), расположенные «на некотором удалении от пути» на высоте около 4 саж. над рельсами. Там, где источниками воды служили артезианские колодцы, вместо водоподъемных зданий обычно сооружали отдельные довольно большие здания, внутри которых закладывались артезианские скважины, устанавливались котел, насос и два железных бака объемом 8 куб. саж. каждый. Баки обычно ста-

вились над двумя каменными цистернами, «устроенными в земле», такого же объема.

Водопроводные линии состояли из чугунных труб (напорные диаметром 4 дюйма, всасывающие — 5 дюймов, разводные 6 дюймов), произведенных на казенных Златоустовском и Каменском заводах²⁶. На заводах же трубы проходили и испытания «гидравлическим давлением в 20 атмосфер, под которым выдерживались в течение 10 минут», а для защиты от ржавчины «осмаливались опусканием в горячую смесь в равной пропорции гудрона с газовой смолой с прибавлением до 10% гашеной извести». Трубы укладывались на глубине, по возможности, не менее 1,25 саж. Для предотвращения промерзания в некоторых местах над трубами сделали земляные насыпи. Все разводные линии испытывались давлением в три атмосферы, а напорные — «по правилам испытания паровых котлов, но не менее 3-х атмосфер»²⁷.

Еще одной сложнейшей задачей при организации водоснабжения Транссиба стало предотвращение промерзания трубопроводов, особенно в Восточной Сибири, где строительство приходилось вести в условиях вечной мерзлоты. Здесь малоэффективным было решение, которое использовалось, например, на Западно-Сибирской линии, а именно увеличение глубины заложения труб. Поэтому, на Забайкальской железной дороге применили другой способ: трубы укладывали в отапливаемых подземных галереях, что, конечно, приводило к увеличению расходов на строительство. Поэтому при строительстве Амурской линии апробировали другой метод, оказавшийся более эффективным и дешевым: трубы укладывали в мерзлый грунт, но использовали систему подогрева воды. Таким образом, строительство Транссиба и решение проблем подачи воды на железнодорожные станции потребовали привлечения ведущих инженеров, что позволило создать особый тип системы централизованного водоснабжения с учетом сложных природно-климатических условий.

Свойства воды и очистные сооружения

В ходе упоминавшейся выше инициативы участников Водопроводного съезда по обследованию источников водоснабжения железнодорожных станций пристальное внимание уделялось и определению качества поступающей воды. Характеристика источников водоснабжения и свойств воды Сибирской части магистрали

²⁶ Отчет по постройке ... С. 5, 18.

²⁷ Там же. Прилож. № 1. СПб., 1898. С. 959.

и Забайкальского участка приведены в материалах Одиннадцатого Всероссийского водопроводного и санитарно-технического съезда²⁸. Проанализировав эти данные, можно сделать вывод о том, что наибольшие проблемы с качеством воды наблюдались на некоторых участках Западно-Сибирской линии. Подтверждение этому находим и в другом источнике — «Путеводителе по Великой Сибирской железной дороге»²⁹. В разделе, посвященном Западно-Сибирской линии, уделяется специальное внимание качеству воды на отдельных станциях. Только применительно к четырем станциям (Токуши, Карачи, Дупленская и Коченево)³⁰ можно найти комментарий о хорошем качестве воды. На всех остальных станциях вода характеризуется как «недоброкачественная».

На участке Курган — Петропавловск особого внимания требовали две станции: Макушино и Мамлютка, поскольку озера, которые сначала рассматривались в качестве возможных вариантов, содержали сероводород³¹. На участке Петропавловск — Омск по одной буровой скважине пробурили около станций Медвежья и Иссык-Куль³². Проблема заключалась в том, что даже искусственные источники в виде колодцев и артезианских скважин нередко содержали воду, по своим характеристикам не подходящую для использования на паровозах. И хотя впоследствии для многих станций решения этой проблемы были найдены, во время обследования, проведенного в 1911 г. по инициативе участников Водопроводного съезда, выяснилось, что на 20 станциях Сибирской части Транссиба показатель жесткости воды непосредственно на этапе водозабора существенно превышает порог в 20° немецких, и еще на целом ряде станций данный показатель близок к этой планке. Так, например, на станции Зырянка, где источниками водоснабжения служили две скважины, показатели жесткости составили 36,06° и 57,96°. Но и это далеко не предел. Скважина на станции Кара-Гута давала воду с показателем жесткости 96,23°, на станции Москаленки — 70,17°, на станции Лебяжья (вода поступала из озера Горькое) — 68,16°.

В силу указанных обстоятельств проблеме предварительной очистки воды уделялось большое внимание при строительстве Западно-Сибирской железной дороги, поскольку жесткость существенно превышала принятые нормы, что могло привести в короткие сроки

²⁸ Труды Одиннадцатого Всероссийского Водопроводного и Санитарно-Технического съезда в Риге. 1913. Вып. I.

²⁹ Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге. СПб., 1900.

³⁰ Там же. С. 207, 228, 233.

³¹ Сакович В. Указ. соч. С. 402.

³² Там же. С. 411.

к образованию накипи в паровозных котлах. После анализа всех сопутствующих условий и обстоятельств было принято решение в пользу предварительной химической очистки воды как наиболее подходящего способа избавления от высокой жесткости. При выборе непосредственно аппаратов для очистки был проанализирован опыт использования различных систем на железных дорогах европейских стран и центральной части России. Однако специфика ситуации на Западно-Сибирской линии состояла в том, что до этого момента в России отсутствовал опыт очищения воды на станциях с водоснабжением из артезианского колодца, в силу чего приходилось искать новые технические решения.

В случае, когда артезианский колодец закладывался на станции, появлялась возможность совместить водоочистительное здание с водоподъемным и подавать очищенную воду в водоемное здание при помощи той же машины и котла, нужно было только поставить второй насос. И после этапа обсуждения для станций Западно-Сибирской железной дороги была спроектирована удовлетворяющая всем основным требованиям система очистки воды. Закачиваемая из артезианских колодцев вода по трубам поступала в мешалку, которая приводилась в движение от общего двигателя посредством ременной передачи. Здесь вода смешивалась со специальным реактивом, что и позволяло очистить ее от нежелательных примесей. Далее вода из мешалки по трубе поступала в один из отстойных резервуаров (обычно объемом 8 кубов, железные, клепаные). Осадок, который накапливался в резервуаре, периодически спускался вместе с остатками воды по специальным трубам. Очищенная вода после отстаивания в резервуаре спускалась через резиновый рукав с поплавком в общую цистерну, сделанную из каменной кладки в цементе. Далее с помощью пульсометра вода из цистерны подавалась в баки водоемного здания³³.

Опытным путем среднесуточный расход воды на станциях с артезианским водоснабжением был определен в 16 кубов. Всё оборудование было рассчитано на подачу одного куба в час. Таким образом, в течение 8-ми часов наполнялся один из очистительных баков, в течение следующих 8-ми часов – другой. В течение третьей 8-часовой смены работы не велись. В начале следующего дня должна была расходоваться вода из первого резервуара, которая до этого момента отстаивалась 16 часов, через восемь часов в цистерну спускалась вода из второго резервуара после отстаивания. Опыт Французской Северной железной дороги, к которому неоднократно обращались

³³ Отчет по постройке ... Прилож. № 4. Пояснительные записки. С. 13–20.

при проектировании очистных сооружений на станциях Западно-Сибирской линии, показывал, что минимально время, необходимое для качественного очищения воды, составляет 8 часов. Таким образом, 16-часовой интервал гарантированно обеспечивал нужный результат очистки.

На подготовительном этапе Управление постройки Западно-Сибирской железной дороги создало специальную лабораторию для опытов по оценке свойств воды и эффективности способов ее очищения. В этой лаборатории было произведено более 200 проб воды на жесткость, как до очищения, так и очищенной разными способами, с использованием различных реактивов. В результате этих опытов были найдены наиболее эффективные варианты очистки, подобран состав реактивов, определено их количество на разных участках этой железной дороги, поскольку свойства воды на них также различались.

Таким образом, при строительстве Транссибирской магистрали, с одной стороны, использовался уже накопленный в европейских странах и в России опыт организации водоснабжения железнодорожных станций, а с другой — были спроектированы и сооружены новые варианты систем подачи и очистки воды с учетом природно-географических особенностей данного региона, что нередко приводило к увеличению строительных расходов в сравнении с первоначальной сметой.

Расходы на создание систем водоснабжения железнодорожных станций

Отчеты по постройки отдельных линий Транссибирской магистрали, подготовленные Управлениями по постройке железных дорог при Министерстве путей сообщения, содержат в числе прочих сведений и информацию о структуре расходов на строительство. «Водоснабжение станций» в них выделено в качестве отдельной расходной статьи, куда включались и стоимость всех материалов, оборудования, и все виды работ. Итоговые суммы расходов зависели от многих обстоятельств, включая протяженность дороги (а значит, и количество станций и разъездов, к которым требовалось подвести воду), доступность естественных источников воды в виде рек и озер, потребность (или отсутствие таковой) в буровых работах, строительстве очистных сооружений и т.д. При этом доля данной статьи в общей структуре расходов на строительство довольно близка на разных участках Транссиба. Например, для Западно-Сибирской линии она составляла 2,17%, для Томской ветви Средне-Сибирской линии — 2,03%, Северного участка Уссурийской железной дороги —

2%, южного участка той же линии — 1,38%. Отличается этот показатель, например, для Кругобайкальской дороги (0,69%), что может объясняться большими расходами на земляные работы, сооружение мостов и тоннелей, а это снижает долю остальных статей в общей структуре расходов.

Из рассматриваемых линий самая низкая поверстная стоимость создания систем водоснабжения была на Томской ветви Средне-Сибирской дороги (563,81 руб.), самая высокая — на Кругобайкальской (1754,62 руб.). При этом, например, расходы на водоснабжение Томской ветки Средне-Сибирской линии и Южно-Уссурийской дороги оказались меньше по сравнению с первоначальной сметой на 5,39% и 10,39% соответственно. В то же время на Западно-Сибирской и Кругобайкальской линиях итоговые суммы, потраченные на организацию водоснабжения, оказались заметно выше предусмотренных изначально «расценочной ведомостью». Попробуем выяснить, что привело к перерасходам.

Общая сумма расходов на работы по водоснабжению Западно-Сибирской железной дороги составила 992 067,03 руб. (747,12 руб. на 1 версту дороги), что на 352 937,03 руб. (на 55,22%) больше в сравнении с первоначальной сметой³⁴. Такой существенный перерасход предусмотренных первоначальной сметой сумм объяснялся несколькими причинами. Во-первых, некоторые виды работ не были предусмотрены вообще на этапе проектирования. В частности, это относится к внутреннему водоснабжению в пассажирских зданиях II и III класса, а также к устройству артезианских колодцев с подъемными механизмами³⁵. Затраты по этим двум статьям суммарно составили 235 177,69 руб. (т.е. 66,63% от общего перерасхода средств по статье «водоснабжение»). Артезианское водоснабжение появилось на семи станциях и одном разъезде Западно-Сибирской железной дороги, поскольку вблизи от этих локаций не удалось обнаружить пригодных для использования источников воды. Предварительные гидрологические исследования и пробное бурение показали возможность использования артезианской воды на ст. Зырянка и разъезде Кара-Гуту без очистки, на других станциях требовалась химическая очистка от солей, присутствие которых делало воду очень жесткой и не позволяло использовать ее в технических целях. Вода в артезианских скважинах добывалась с глубины 15–50 саж., поднималась специальными насосами на станции, при необходимости производилась ее многоступенчатая очистка. В среднем стоимость ап-

³⁴ Отчет по постройке ... Сравнительная ведомость предложенной и действительной стоимости постройки Западно-Сибирской железной дороги. С. 2–3.

³⁵ Там же. С. 37.

паратов для очистки воды на одной станции составляла 5856,54 руб., стоимость полного комплекта механизмов для подъема воды с паровыми машинами, котлами и прочими элементами — 8345,40 руб.³⁶

Кроме того, перерасход на сумму 41 199,79 руб. произошел при сооружении водоприемников. Поскольку в большинстве случаев источниками водоснабжения стали озера (причем, часто большие по площади, но небольшой глубины), для обеспечения подачи воды зимой пришлось прокладывать «длинные галереи и чугунные трубы с шарнирными соединениями», чтобы была возможность добраться до большей глубины, где не было промерзания. На станции Мамлютка пришлось устраивать дополнительный искусственный пруд, а на станциях Шумиха и Мишкино большие суммы были переданы в счет недоделок на строительство новых водоприемников из соседних с высыхающими озера. После строительства моста через р. Иртыш выяснилось, что характер течения у берегов изменился, и возле водоприемника пришлось произвести достаточно дорогостоящие работы по углублению русла реки³⁷. По большинству других статей «сравнительная расценочная ведомость» также зафиксировала перерасход, возможно, не столь существенный на уровне отдельных статей, однако в сумме давший заметное увеличение общей стоимости работ по организации водоснабжения на Западно-Сибирской железной дороге.

Для Кругобайкальской линии общая стоимость организации водоснабжения составила 438 191,03 руб., что превышало запланированную сметой сумму на 46 706,03 руб. (11,93%). Такой перерасход произошел из-за просчетов на этапе планирования и проектирования, в силу чего ассигнованные суммы оказались недостаточными для сооружения водоприемников. Так, например, количество установленных пожарно-водоразборных кранов оказалось вдвое больше по сравнению с запланированным, количество «водоудержательных задвижек» — больше на 223%. При этом стоимость одной задвижки выросла на 41,93% в сравнении со сметой, а стоимость одного гидравлического крана на заводе — на 28,45%. Еще одной причиной стали особенности грунта в местах прокладки труб, что значительно усложнило работы и привело к их удорожанию. Кроме того, расценочная ведомость не предусматривала устройства внутреннего водоснабжения в зданиях, однако оно было подведено на целом ряде станций³⁸.

³⁶ Там же. С. 973.

³⁷ Там же. Сравнительная ведомость предложенной и действительной стоимости постройки Западно-Сибирской железной дороги. С. 33.

³⁸ Отчет по постройке Кругобайкальской железной дороги. С. 35–37.

Таким образом, как показывает финансовая отчетность, стоимость всего комплекса работ по обеспечению водой станций и разъездов Транссибирской магистрали могла существенно различаться (как итоговые суммы, так и в расчете на версту), но при этом составляла сравнительно небольшую долю в общей структуре расходов на реализацию этого масштабного инфраструктурного проекта. Отраженные в финансовой отчетности перерасходы средств по этой статье явились в основном следствием сжатых сроков, отпущенных на подготовительный этап работ и проектирование, что привело к некоторым ошибкам в оценке объемов работ и в ряде случаев их стоимости. Однако дополнительные суммы, выделенные, например, на проведение коммуникаций в пассажирских зданиях, на очистку воды не только в технических, но и бытовых целях, на поиск альтернативных источников водоснабжения при обнаружении проблем с качеством воды, говорят о том, что государственные органы, руководившие строительством, заботились не только об обеспечении нормальной работы подвижного состава, но и о пассажирах и работниках станций.

* * *

Следует признать, что, вопреки утвердившемуся в советской историографии тезису, при создании систем железнодорожного водоснабжения интересы населения не игнорировались. В частности, на целом ряде станций были установлены очистные сооружения. И хотя основным аргументом в пользу решения о затратах на такие сооружения служила пригодность (или непригодность) этой воды для заправки паровозов, доступ к приемлемой по качеству воде местного населения, работников железнодорожных станций, пассажиров также учитывался. Показательно, что в ряде случаев строились «внутренние водопроводы» в станционных постройках (пассажирских зданиях, жилых и рабочих помещениях сотрудников станций), причем, зачастую они не были предусмотрены первоначальной сметой, а значит, требовали дополнительного финансирования.

Необходимость создания систем водоснабжения в ходе реализации столь масштабного инфраструктурного проекта, каковым стал в конце XIX — начале XX вв. Транссиб, потребовала организации целого ряда экспедиций, в задачи которых входили почвенно-грунтовые, гидрогеологические и гидрологические исследования территорий Сибири и Дальнего Востока, что в целом способствовало их дальнейшему заселению и хозяйственному освоению. Во многих населенных пунктах этого региона железнодорожные водопроводы стали первыми централизованными системами водоснабжения. По-

скольку работы приходилось вести в сложных природно-климатических условиях, лишивших возможности напрямую использовать накопленный опыт водоснабжения железнодорожных станций на территории Европейской России, российским ученым и инженерам при строительстве Транссиба приходилось искать новые технические решения в этом вопросе. В результате был создан, по сути, новый тип организации водоснабжения в условиях вечной мерзлоты на значительной части магистрали.

Список литературы

Ильин Ю.Л., Колесов А.В., Лукьянин В.П. Создание Великого Сибирского пути. В 2-х т. СПб.: Евросиб, 2005. Т. 1. 293 с. Т. 2. 454 с.

Порядин А.Ф. Водоснабжение в Сибири (исторический очерк). Л.: Стройиздат, Ленинградское отделение, 1983. 134 с.

Фальковский Н.И. История водоснабжения в России. М.; Л.: Министерство коммунального хозяйства РСФСР, 1947. 308 с.

Поступила в редакцию
7 июня 2022 г.

А.Ю. Безугольный, Л.И. Бородкин, Н.И. Леонтьева

**САНИТАРНЫЕ ПОТЕРИ КРАСНОЙ АРМИИ
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
ОПЫТ СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
НАЦИОНАЛЬНОГО СОСТАВА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ**

A.Yu. Bezugol'nyi, L.I. Borodkin, N.I. Leont'yeva

**SANITARY LOSSES OF THE RED ARMY DURING
THE GREAT PATRIOTIC WAR: THE EXPERIENCE
OF STATISTICAL ANALYSIS OF THE NATIONAL
COMPOSITION OF MILITARY PERSONNEL**

Аннотация. Масштаб и структура потерь Красной армии в период Великой Отечественной войны, несомненно, представляют актуальную научную проблему. Особый аспект данной проблемы — это структура потерь Красной армии в национальном разрезе. До сих пор в работах, посвященных интересующему нас вопросу, исследователями делались попытки установить национальную структуру безвозвратных потерь Красной армии расчетным способом, исходя из ошибочного положения о пропорциональ-

Безугольный Алексей Юрьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

Bezugolnyy Alexey Yurievich, Doctor in History, Leading Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences

+7-916-411-16-11; besu111@yandex.ru

Бородкин Леонид Иосифович, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, заведующий кафедрой исторической информатики исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Borodkin Leonid Iosifovich, Doctor in History, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Professor, Head, Department of Historical Information Science, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

+7-925-007-75-59; lborodkin@mail.ru

Леонтьева Надежда Ильинична, аспирант кафедры исторической информатики исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Leont'yeva Nadezhda Il'inichna, PhD Student, Department of Historical Information Science, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

+7-916-260-57-55; nadleon0796@gmail.com

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43112 «Народы СССР на фронтах Великой Отечественной войны: статистическое и военно-антропологическое исследование»

This research has been supported by the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 21-09-43112 *The Peoples of the USSR at the Fronts of the Great Patriotic War: Statistical and Military-Anthropological Research*

ности потерь представительству каждого советского этноса в Красной армии. Ставшие доступными в последние годы уникальные статистические источники, хранящиеся в Центральном архиве Министерства обороны РФ, — альбомы списочной численности личного состава Красной армии, которые два раза в год (к 1 января и к 1 июля) еще с довоенного периода готовились в Генеральном штабе для руководства страны и вооруженных сил, — позволяют отчасти решить данную проблему в отношении установления национальной структуры санитарных потерь Красной армии в 1943–1945 гг. (учета безвозвратных потерь по национальностям не велось). Проведенный статистический анализ указанных источников показал, что уровень и структура санитарных потерь у разных этносов колебались в достаточно широком диапазоне и зависели от большого числа факторов, главным из которых можно считать принадлежность этноса среди рядового состава пехоты. Принадлежность военнослужащего к рядовому составу почти всегда, для всех национальностей означала повышенный риск быть убитым или раненым. Этот риск, как показал проведенный анализ, также усиливался принадлежностью рядового бойца к стрелковым войскам. Полученные данные хотя и не могут быть механически экстраполированы на все потери Красной армии в целом, но они тем не менее дают представление о тенденциях в численности потерь разных национальностей, по крайней мере, во второй и третий периоды войны (1943–1945 гг.), и открывают перспективы дальнейшей научной дискуссии.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, народы СССР, Красная армия, санитарные потери, статистические источники, статистический анализ.

Abstract. The scale and structure of the losses of the Red Army during the Great Patriotic War undoubtedly constitute a relevant academic problem. A separate aspect of this problem is the national structure of the losses of the Red Army. So far, in the works covering this issue, researchers have made attempts to establish the national structure of the irretrievable losses of the Red Army using calculation method, based on the erroneous assumption that losses were proportional to the representation of each Soviet ethnic group in the Red Army. This study is based on the albums of the payroll of the Red Army personnel. They were prepared by the General Staff twice a year (ahead of 1 January and 1 July) for the top leaders of the country and the armed forces, and were made even prior to the war. These unique statistical sources that have become available in recent years and are stored in the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation make it possible to partly solve the problem in relation to the establishment of the national structure of the sanitary losses suffered by the Red Army in 1943–1945 (registration of irretrievable losses by nationality was not conducted). The statistical analysis of these sources has showed that the level and structure of sanitary losses among different ethnic groups varied in a fairly wide range and depended on a large number of factors, the major one being the percentage of the ethnic group in the rank and file of the infantry. Being a member of the rank and file almost always, for all nationalities, meant an increased risk of being killed or wounded. This risk, as the study showed, was also amplified if an ordinary soldier belonged to the rifle troops. Although the obtained data cannot be mechanically

extrapolated to all the losses of the Red Army as a whole, they nevertheless give an idea of the patterns in the number of losses of different nationalities, at least in the second and third periods of the war (1943–1945), and open prospects for further scholarly debate.

Keywords: Great Patriotic War, peoples of the USSR, Red Army, sanitary losses, statistical sources, statistical analysis.

* * *

Вопрос о структуре потерь Красной армии в Великой Отечественной войне по национальностям всегда имел острое политическое звучание. Он представляется самым прямым и коротким путем для ответа на вопрос о человеческой цене, которую заплатил каждый советский этнос за общую победу. Оценки человеческих потерь советских этносов нередко можно встретить в литературе, особенно региональной. Между тем, при ближайшем рассмотрении этот вопрос упирается в почти неразрешимую источниковую проблему: учета потерь по национальностям в годы войны не велось. Действовавшие в годы войны формы учета персональных потерь¹, подававшиеся по команде, начиная от командира взвода и до штаба дивизии (отдельной бригады) и поступавшие затем в отдел учета персональных потерь и бюро писем Главного управления формирования и комплектования войск Красной армии (с 31 января 1942 г. — Центральное бюро по персональному учету потерь Действующей армии ГУФ Красной армии), не содержали графы о национальности погибшего или пропавшего без вести военнослужащего. Отметим при этом, что иные формы учета личного состава в годы войны (например, рядового и офицерского состава воинских частей, маршевых пополнений, награжденных и т. п.) предусматривали указание национальности.

¹ Положение о персональном учете потерь и погребении погибшего личного состава Красной Армии в военное время (введено приказом НКО № 138 от 15 марта 1941 г.); приказ НКО СССР № 0270 от 12 апреля 1942 г. «О персональном учете безвозвратных потерь на фронтах» // Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР: 22 июня 1941 г. — 1942 г. Т. 13 (2–2). М., 1997. С. 202; Наставление по учету личного состава Красной Армии (в военное время) (введено в действие 1 мая 1944 года приказом НКО № 023 от 4 февраля 1944 г.) // Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР: 1937–1941 гг. Т. 13 (2–1). М., 1994. С. 258–261; Армии в военное время (введено приказом НКО № 138 от 15 марта 1941 г.); приказ НКО СССР № 0270 от 12 апреля 1942 г. «О персональном учете безвозвратных потерь на фронтах» // Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР: 22 июня 1941 г. — 1942 г. Т. 13 (2–2). М., 1997. С. 202; Наставление по учету личного состава Красной Армии (в военное время) (введено в действие 1 мая 1944 года приказом НКО № 023 от 4 февраля 1944 г.) // Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР: 1937–1941 гг. Т. 13 (2–1). М., 1994. С. 258–261.

В связи с этим у исследователей всегда был велик соблазн получить искомые данные о безвозвратных потерях *расчетным* способом. Самая известная (и наиболее тиражируемая) такая попытка была сделана авторами известного фундаментального труда² о потерях отечественных вооруженных сил в войнах и военных конфликтах. Расчет безвозвратных потерь опирался на коэффициенты пропорциональности (см.: Приложение 1). В его основу было положено, казалось бы, очевидное допущение о том, что советские этносы несли потери *пропорционально* их представительству в Красной армии. Для своих расчетов авторы труда использовали данные о списочной численности Красной армии по национальности только за период с 1943 по 1945 гг., очевидно, предположив, что соотношение этносов в армейских рядах в течение войны не менялось и в конце ее было таким же, как и в начале. Однако это предположение в корне неверно. Напротив, представительство народов СССР в рядах Красной армии существенно и динамично менялось³. Кроме того, экстраполяция долевого представительства этносов на предполагаемые потери не учитывает того обстоятельства, что военнослужащие различных национальностей использовались в войсках неравномерно в разные периоды войны, на разных участках фронта и тыла, в разных родах войск, в действующих и недействующих войсках и т.п. Добавим к этому, что десятки советских этносов подверглись различным ограничениям на прием в ряды Красной армии или действующих войск, в связи с чем в определенные периоды войны вообще не имели боевых потерь. Всё это позволяет предположить, что советские народы несли потери с различной интенсивностью, измерить которые «общим аршином» невозможно. Любые попытки вывести цифры расчетным способом являются не более чем спекуляцией.

В данной статье вводятся в научный оборот и анализируются недавно рассекреченные статистические источники, хранящиеся в Центральном архиве Министерства обороны РФ.

Масштаб и структура потерь личного состава Красной армии в годы Великой Отечественной войны

Сразу по окончании войны, опираясь на непосредственный фронтовой опыт, отечественная военная медицина утверждала, что доля безвозвратных потерь в Великой Отечественной войне состави-

² Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статист. исследование. М., 1993. Расчет потерь по национальностям опубликован в обновленном издании книги: Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статист. исследование. М., 2001. Табл. 121.

³ Подробнее об этом см.: Безугольный А. Ю. Национальный состав Красной армии. 1918–1945 гг. Историко-статистическое исследование. М., 2021. С. 457–471.

ла порядка 25 %⁴. Очевидно, однако, что не учитывались табуированные в тот период категории без вести пропавших и попавших в плен, численность которых к тому же в те годы не была известна никому.

По современным данным за весь период войны потери Красной армии распределялись следующим образом. Безвозвратные: убито и умерло от ран — 5187,2 тыс. человек (17,5%), умерло от ран в госпиталях: 1100,3 тыс. человек (3,7%), небоевые безвозвратные потери (болезни, чрезвычайные происшествия, приговоры трибунала) — 541,9 тыс. человек (1,8 %), без вести пропало и попало в плен — 4455,6 тыс. человек (15,1%). Санитарные потери (с эвакуацией в госпиталь): ранено — 1520,6 тыс. человек (51,3%), заболело — 3047,7 тыс. человек (10,3%), обморожено — 90,9 тыс. человек (0,3%)⁵. Всего же по учету Главного санитарного управления Красной армии за годы войны прошло 22 369,1 тыс. человек (из которых свыше 4 млн человек поступили из внутренних округов и недействующих фронтов)⁶. Однако эта цифра отражает не количество прошедших лечение военнослужащих, а количество госпитализаций в лечебные учреждения. Поскольку до 40 % военнослужащих имели по два и более ранений, то количество уникальных пациентов представляется значительно меньшим⁷.

Соотношение безвозвратных потерь к санитарным за весь период Великой Отечественной войны составило 38,1% к 61,9%. В течение войны эти показатели существенно менялись. На 1941 г. пришелся основной массив пропавших без вести и пленных (52,2%), в то время как удельный вес всех санитарных потерь составил менее 30%. В дальнейшем удельный вес пропавших без вести и попавших в плен неизменно сокращался (до 2,2–2,4% в 1944–1945 гг.), а его доля перераспределялась в пользу категорий погибших и раненых. Общая доля санитарных потерь выросла с 29,9% в 1941 г. до 73,4% в 1945 г.⁸ Из санитарных потерь, конечно, преобладали раненые, однако категория заболевших время от времени резко набирала вес. Объяснить это только всплеском сезонной заболеваемости нельзя, поскольку пики числа заболевших часто приходились на теплые сезоны — второй квартал 1943 г. (34,8% от всех санитарных потерь) и второй квартал 1944 г. (22% от всех санитарных потерь)⁹. Сильные колебания

⁴ Георгиевский А. С. Основы организации и тактики медицинской службы действующей армии. М., 1947. С. 6.

⁵ Гриф секретности снят... С. 146–147.

⁶ Там же. С. 134.

⁷ Там же. С. 135–136.

⁸ Там же. С. 146–147.

⁹ Там же. С. 147.

количества заболевших от квартала к кварталу отмечаются в течение всей войны. Выяснение их причин требует отдельного исследования. Возможно, флуктуации были вызваны изменениями в методике учета санитарных потерь или в нерегулярности поступления этих данных в Генеральный штаб. Здесь скажем лишь то, что несовершенство статистики отразилось и на предложенном ниже анализе структуры численности раненых и больных по национальности¹⁰.

Возможности статистического исследования санитарных потерь Красной армии по национальностям

Хотя статистики безвозвратных потерь по национальностям не велось, хотя бы частично пролить свет на вопрос этнического состава потерь Красной армии возможно. С недавних пор в распоряжении исследователей имеется интересная статистика, отражающая динамику категории раненых и больных Красной армии по национальностям. Сведения почерпнуты нами из альбомов списочной численности личного состава Красной армии, которые два раза в год (к 1 января и к 1 июля) еще с довоенного периода готовились для руководства страны и вооруженных сил.

Графа «раненые и больные» была включена в статистику социально-демографического учета военнослужащих с января 1943 г. Эти две категории потерь представлены синкретично. Данные отражают не валовое количество потерь, полученное нарастающим итогом за предыдущий период времени, а «моментальный снимок» всей совокупности раненых и больных военнослужащих на определенную дату, хотя здесь присутствует определенная доля условности¹¹.

В статистику Генштаба Красной армии включены данные о военнослужащих, *исключенных из списков* части по ранению или болезни и проходивших по учету лечебных учреждений, начиная с дивизионного уровня: медико-санитарных батальонов, армейских, фронтовых

¹⁰ Например, данные по состоянию на 1 января 1944 г. зафиксировали резкий рост санитарных потерь среди азербайджанцев, узбеков, казахов и других среднеазиатских народов: до 137 тыс. человек, что почти в два раза выше предыдущего показателя полугодовой давности. Внутри каждой этнической группы военнослужащих удельный вес санитарных потерь достигал 25 %, при нормальных 5–7 % (см. Приложение 4).

¹¹ В соответствии с табелем срочных донесений сведения о числе погибших, раненых и пропавших без вести и небоевых потерях (по болезни, от несчастных случаев) должны были поступать в Генеральный штаб Красной армии от фронтов, военных округов и отдельных армий через каждые 10 дней и сводные — ежемесячно по каждому объединению (см.: *Первышин В. Г.* Людские потери в Великой Отечественной войне // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 116). С учетом темпа поступления сведений в Генеральный штаб данные, представленные в сводных альбомах, скорее отражали ситуацию на начало предыдущего месяца.

и тыловых эвакуационных госпиталей. По нормам уже в день эвакуации исключению из списка части подлежали все лица рядового и сержантского состава; офицеры в звании до капитана исключались по выбытии за пределы расположения дивизии (отдельной части); старшие офицеры и генералы — по получении извещения о выбытии за пределы фронта. Не подлежали исключению из списков части только военнослужащие, находившиеся на батальонных медицинских пунктах, которые располагались непосредственно за боевыми порядками войск и оказывали доврачебную помощь раненым¹². Батальонные медицинские пункты должны были в кратчайшие сроки организовать эвакуацию раненых в тыл¹³. Речь идет о военнослужащих, раненых недавно или получивших легкие ранения.

Фактически мы имеем дело с полной динамической картиной санитарных потерь в Красной армии с 1943 по 1945 г. (за вычетом некоторой доли легкораненых, не исключенных из списков своих частей и не проходивших по учету Главного санитарного управления Красной армии)¹⁴. Численность данной категории военнослужащих существенно менялась. Так, на 1 июля 1943 г. по Красной армии было учтено 676 тыс. раненых и больных, на 1 января 1944 г. — 1173,3 тыс., на 1 января 1945 г. — 1199,8 тыс. человек¹⁵.

Для анализа выбраны сведения об этническом составе раненых и больных за 1 января 1943 г., 1 июля 1943 г., 1 января 1944 г., 1 июля 1944 г. и 1 января 1945 г. Анализу подвергнуты данные советских этносов, представлявших все титульные народы союзных республик и наиболее крупные титульные этносы автономий РСФСР (см. таблицу 1).

В таблице 1 сопоставлены показатели удельной численности списочного состава Красной армии по национальностям с удельной численностью этих же национальностей среди раненых и больных. Полужирным шрифтом выделены те этносы, у которых отмечено устойчивое превышение удельного веса санитарных потерь над

¹² Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР: 1937–1941 гг. Т. 13 (2–1). С. 258–261

¹³ Георгиевский А. С. Указ. соч. С. 52.

¹⁴ Следует иметь в виду, что по распространенной практике легкораненых могли не исключать из списков немедленно в расчете на их скорое возвращение в часть: бывалые военнослужащие представляли для поддержания боеспособности воинского коллектива исключительную ценность. С другой стороны, оставление на всех видах довольствия человека, отсутствовавшего в части, не могло продолжаться долго без последствий для должностных лиц. Легкораненые проходили лечение в расположении дивизии — на дивизионном медицинском пункте или в армейском тылу в специальных госпиталях для легкораненых.

¹⁵ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее — ЦАМО РФ). Ф. 7. Оп. 26. Д. 220. Л. 29–48; Д. 234. Л. 27–46; Д. 366. Л. 1–17.

Состав Красной армии в целом и категории раненых и больных по национальности (в %) ¹⁶

	1.1.1943 г.		1.7.1943 г.		1.1.1944 г.		1.7.1944 г.		1.1.1945 г.	
	Всего	Ран-больных								
1. Русские	69,85	65,79	70,25	67,84	68,44	61,21	63,98	59,75	62,19	56,87
2. Украинцы	10,87	9,77	11,07	10,20	15,06	15,98	21,17	22,17	20,25	24,39
3. Белорусы	1,93	2,14	1,74	1,95	2,28	2,61	2,27	3,05	4,23	5,56
4. Татары	2,55	2,97	2,25	2,67	2,13	2,38	1,82	0,66	1,85	1,62
5. Чувашаи	0,89	1,00	0,78	0,78	0,71	0,63	0,62	0,53	0,61	0,44
6. Мордва	0,9	0,77	0,79	0,62	0,70	0,51	0,64	0,44	0,60	0,37
7. Марийцы	0,31	0,35	0,26	0,27	0,23	0,21	0,2	0,16	0,19	0,13
8. Удмурты	0,38	0,92	0,30	0,32	0,26	0,22	0,22	0,20	0,21	0,15
9. Коми	0,28	0,65	0,21	0,20	0,19	0,13	0,15	0,13	0,13	0,09
10. Башкиры	0,45	0,57	0,42	0,46	0,36	0,44	0,32	0,37	0,30	0,31
11. Буряты	0,19	0,09	0,28	0,11	0,14	0,06	0,13	0,07	0,13	0,06
12. Евреи	1,91	1,22	1,79	1,47	1,82	1,17	1,68	1,13	1,67	1,27
13. Армяне	1,08	1,36	1,11	1,47	1,00	1,25	0,86	1,10	0,85	0,93
14. Грузины	1,11	1,29	1,01	1,64	0,92	1,04	0,8	0,97	0,76	0,86
15. Азербайджанцы	0,96	1,29	0,84	1,12	0,64	1,33	0,49	0,85	0,46	0,62

¹⁶ Составлено по: ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 26. Д. 220. Л. 29-48; Д. 234. Л. 27-46; Д. 317. Л. 1-6; Д. 319. Л. 1-6; Д. 366. Л. 1-17.

	1.1.1943 г.		1.7.1943 г.		1.1.1944 г.		1.7.1944 г.		1.1.1945 г.	
	Всего	Ран-больных								
16. Казахи	2,12	3,46	1,88	2,92	1,38	2,50	1,04	1,82	0,94	1,29
17. Узбеки	1,7	2,74	2,25	2,78	1,48	3,57	1,01	2,52	0,90	1,58
18. Киргизы	0,49	0,55	0,45	0,64	0,29	0,62	0,19	0,44	0,17	0,26
19. Таджики	0,27	0,41	0,47	0,43	0,32	0,80	0,22	0,58	0,19	0,35
20. Туркмены	0,3	0,50	0,41	0,34	0,27	0,61	0,19	0,47	0,16	0,26
21. Калмыки	0,07	0,14	0,06	0,08	0,06	0,09	0,02	0,04	0,02	0,03
22. Молдаване	0,05	0,04	0,05	0,04	0,04	0,04	0,69	0,20	1,50	0,67
23. Эстонцы	0,22	0,34	0,20	0,28	0,21	1,39	0,21	0,07	0,28	0,26
24. Латыши и латгалыцы	0,1	0,16	0,09	0,09	0,09	0,05	0,06	0,04	0,21	0,34
25. Литовцы	0,06	0,02	0,04	0,06	0,03	0,04	0,03	0,02	0,27	0,27
26. Карелы	0,13	0,12	0,11	0,12	0,11	0,08	0,09	0,08	0,09	0,06
27. Поляки	0,06	0,05	0,06	0,05	0,08	0,07	0,16	0,21	0,19	0,23
28. Осетины	0,14	0,19	0,14	0,18	0,13	0,14	0,11	0,11	0,11	0,10
29. Кабардинцы и балкарцы	0,05	0,08	0,04	0,08	0,04	0,07	0,03	0,04	0,03	0,04
30. Чеченцы и ингуши	0,08	0,06	0,03	0,05	0,03	0,04	0,01	0,03	0,01	0,02
31. Народности Дагестана	0,20	0,30	0,16	0,20	0,11	0,14	0,09	0,10	0,08	0,07
32. Другие	0,3	0,64	0,46	0,45	0,45	0,41	0,50	0,32	0,42	0,33
33. Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

их удельным весом среди всего личного состава Красной армии (с некоторым допущением в эту категорию отнесены и украинцы). У остальных этносов отмечались или обратная тенденция, или разнонаправленные показатели.

Русские, украинцы, белорусы

Первостепенное внимание следует сосредоточить на анализе данных по трем восточнославянским народам — русским, украинцам и белорусам, поскольку их совокупный удельный вес в Красной армии в промежутке между январем 1943 г. и январем 1945 г. составлял от 82,68 % до 87,42 %. Эти же три этноса понесли и самое большое количество санитарных потерь, которое колебалось в данный период между 77,7 % и 86,82 %. Иначе говоря, восточнославянские народы в годы войны представляли собой стеновой хребет Красной армии. Как видно из таблицы, удельный вес русских непрерывно сокращался в связи с постепенным истощением годных к мобилизации ресурсов в первой половине войны, когда на них выпала чрезмерная мобилизационная нагрузка. Удельный вес украинцев и белорусов, напротив, непрерывно рос за счет мобилизации на освобождаемых территориях Украинской ССР и Белорусской ССР. Абсолютное количество украинцев и белорусов в рядах Красной армии выросло почти втрое: с 1172 тыс. человек в январе 1943 г. до 3031,5 тыс. человек в январе 1945 г.¹⁷

Нельзя не заметить, что темп прироста санитарных потерь среди украинцев и белорусов за эти два года не пропорционален темпу прироста их общей численности в рядах Красной армии: если первый показатель вырос почти в три раза (с 11,9 % до 30 %), то второй — чуть более, чем в два раза (с 12,8 % до 29,9 %). Среди русских, напротив, доля санитарных потерь сокращалась в течение этих двух лет также опережающими темпами: с 65,8 % до 56,9 %. Объяснение этому следует искать в следующих двух обстоятельствах: во-первых, мобилизуемые на освобождаемых территориях украинцы и белорусы в большинстве своем становились рядовыми красноармейцами, что видно из таблицы 2 на примере семи фронтов, действовавших в 1944 г. на территории УССР и БССР и пополнявшихся за счет ресурсов этих республик. Если у русских соотношение военнослужащих трех составов — офицерского, сержантского и рядового — складывалось в пропорции 1:1,8:3,4, то у белорусов — 1:1,9:4,7, украинцев — 1:2:6,7. На украинских фронтах, где численность рядовых-украинцев почти сравнялась с численностью рядовых-русских (1-й, 2-й, 4-й Украин-

¹⁷ Подсчитано по: ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп 26. Д. 220. Л. 29–48; Д. 366. Л. 1–17.

**Офицерский, сержантский и рядовой состав фронтовых объединений
по национальностям на 1.1.1945 г., чел.¹⁸**

	Русские			Украинцы			Белорусы		
	Офицеры	Сержанты	Рядовые	Офицеры	Сержанты	Рядовые	Офицеры	Сержанты	Рядовые
3-й Белорусский фронт	70 592	125 010	260 784	16 710	27 663	83 281	3578	8235	46 768
2-й Белорусский фронт	83 040	153 849	306 443	19 155	34 201	98 395	4367	11 730	58 780
1-й Белорусский фронт	98 004	180 460	344 774	25 568	51 812	145 236	4783	10 579	64 841
1-й Украинский фронт	100 231	184 903	310 823	27 542	70 573	244 395	4532	5622	11 536
2-й Украинский фронт	53 119	82 828	166 413	16 908	30 624	121 922	2273	2369	7070
3-й Украинский фронт	42 910	69 301	142 052	13 462	29 307	99962	2079	2285	4032
4-й Украинский фронт	27 231	40 299	83 382	9068	18 110	71 526	1103	1334	3637
Всего	475 127	836 650	161 4671	128 413	262 290	864 717	22 715	42 154	196 664

¹⁸ Составлено по: ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 26. Сл. 366. Л. 5–11.

ские фронты), диспропорция удельных значений украинцев-офицеров и украинцев-рядовых достигала 7–8-кратных значений. Аналогичное положение складывалось с белорусами на 1-м, 2-м и 3-м Белорусских фронтах.

Вторым обстоятельством, которое, на наш взгляд, масштабировало потери среди украинцев и белорусов, является то, что мобилизованные не только зачислялись на должности рядовых красноармейцев, но еще и распределялись в пехоту (стрелковые войска), которая несла самые большие потери в Великой Отечественной войне. По совокупной статистике стрелковые войска понесли 86,6 % всех потерь Красной армии, в том числе 87,4 % санитарных потерь. Только с 1 января 1943 г. по 9 мая 1945 г. в пехоте выбыло из строя 546 % личного состава, т.е. пехота обновила свой состав 5,5 раз!¹⁹

На 1 января 1945 г. в стрелковых войсках (стрелковые дивизии и корпусные части) действующих фронтов Красной армии насчитывалось в совокупности 1801,9 тыс. рядовых красноармейцев, в том числе: 837,8 тыс. русских (46,5 %), 537,8 тыс. украинцев (29,9 %), 140,6 тыс. белорусов (7,8 %)²⁰. Это существенно отличалось от общей пропорции этих национальностей во всей Красной армии на ту же дату: 61,88 %, 20,45 % и 4,28 % соответственно²¹.

Использование мобилизованных украинцев и белорусов на должностях рядовых красноармейцев было вызвано необходимостью срочного пополнения войск именно солдатами при крайне сжатых сроках подготовки, диктуемых условиями непрерывного наступления. Эти факторы обусловили высокий уровень боевых потерь среди украинцев и белорусов в конце войны. На примере четырех Украинских фронтов (см. таблицу 3) хорошо видно, что в конце войны санитарные потери рядовых красноармейцев-украинцев даже превысили аналогичные потери среди русских.

Из таблицы 1 видно, что тенденция опережающего роста потерь не характерна для других этносов, населявших западные окраины СССР в его новых границах, установленных в 1939 г., и именуемых в советской бюрократической традиции *западниками* — молдаван, эстонцев, литовцев и латышей. В последний период войны на них тоже легла усиленная мобилизационная нагрузка и ими пополняли ряды красноармейцев. Однако сроки их мобилизации, последующей военной подготовки и отправки на фронт пришлось на несколько месяцев позднее украинцев и белорусов. В связи с окончанием войны их потери не достигли аномально высоких значений.

¹⁹ Гриф секретности снят... С. 313–315.

²⁰ Подсчитано по: ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 26. Оп. 366. Л. 41, 60, 90.

²¹ Подсчитано по: Там же. Л. 5–11.

**Санитарные потери русских и украинцев
по 1-му, 2-му, 3-му, 4-му Украинским фронтам на 1 января 1945 г.²²**

Фронты	Русских		Украинцев	
	Всего в строю	Раненых и больных	Всего в строю	Раненых и больных
1-й Украинский	310 823	11 297	244 395	12 551
2-й Украинский	166 413	25 849	121 922	27 120
3-й Украинский	142 052	19 825	99 962	16 064
4-й Украинский	83 382	11 137	71 526	13 788
Всего	702 670	68 108	537 805	69 523

Народы Закавказья и Средней Азии

Другую группу этносов, у которых, судя по данным таблицы 1, удельный вес санитарных потерь постоянно превышал уровень их представительства в рядах Красной армии, составляют восемь титульных народов союзных республик Закавказья и Средней Азии: армяне, азербайджанцы, грузины, казахи, узбеки, киргизы, таджики и туркмены. От группы украинцев и белорусов их принципиально отличает то обстоятельство, что к концу войны их удельное представительство в армии не росло, а, напротив, быстро сокращалось: с 735,7 тыс. человек на 1 января 1943 г. до 547,1 тыс. человек на 1 января 1945 г.²³ В относительных значениях количество раненых и больных этих восьми национальностей было стабильным, а в конце войны, в связи с решением о приостановке призыва их в армию осенью 1943 г., оно имело тенденцию к постепенному сокращению.

Устойчивое превышение уровня санитарных потерь военнослужащих из Закавказья и Средней Азии над их общим удельным весом определяла та же тенденция, что и в случае с украинцами и белорусами. Представители этих этносов использовались в основном для укомплектования рядового состава стрелковых частей, правда, по другой причине: низкий уровень грамотности и владения русским языком вынуждал использовать их на самой простой для обучения воинской специальности, каковой являлся стрелок.

В приложениях 2–3 хорошо видно, что доля рядового состава у среднеазиатских народов и азербайджанцев составляла 80–90 %

²² Составлено по: Там же.

²³ Подсчитано по: ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 26. Д. 220. Л. 1; Д. 366. Л. 1–17.

**Изменение абсолютной численности и удельного веса раненых и больных представителей
закавказских и среднеазиатских национальностей в 1943–1945 гг.²⁴**

	1 января 1943 г.		1 июля 1943 г.		1 января 1944 г.		1 июля 1944 г.		1 января 1945 г.	
	Раненные	Доля от общей численности, %	Раненные	Доля от общей численности, %	Раненные	Доля от общей численности, %	Раненные	Доля от общей численности, %	Раненные	Доля от общей численности, %
Армяне	8526	1,37	9944	1,47	14 616	1,25	10 086	1,1	11 108	0,93
Грузины	8098	1,31	11 118	1,64	12 210	1,04	8875	0,97	10 262	0,86
Азербайджанцы	7716	1,24	7567	1,12	15 571	1,33	7751	0,85	7495	0,62
Казахи	21 716	3,5	19 748	2,92	29 368	2,50	16 675	1,82	15 507	1,29
Узбеки	17 126	2,76	18 824	2,78	41 861	3,57	23 019	2,52	18 947	1,58
Киргизы	3430	0,55	4357	0,64	7272	0,62	4014	0,44	3156	0,26
Таджики	2577	0,42	2887	0,43	9376	0,80	5329	0,58	4199	0,35
Туркмены	3145	0,51	22 89	0,34	7128	0,61	4296	0,47	3154	0,26
Всего по семи национальностям	72 334	11,66	76 734	11,34	137 402	11,72	80 045	8,75	73 828	6,15
Всего по Красной армии	620 175	100	676 006	100	1 158 056	100	915 204	100	1 199 796	100

²⁴ Составлено по: ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 26. Д. 220. Л. 29–48; Д. 234. Л. 27–46; Д. 317. Л. 1–5; Д. 319. Л. 1–6; Д. 366. Л. 1–17.

Удельный вес представителей народов Закавказья и Средней Азии среди раненых, больных и личного состава стрелковых дивизий в 1943–1945 гг., в %²⁵

Национальности	Ранбольные по РККА в целом			В стрелковых соединениях (по А.П. Артемьеву)			Всего по Красной армии		
	На 1.1. 1943 г.	На 1.7. 1943 г.	На 1.1. 1944 г.	На 1.1. 1943 г.	На 1.7. 1943 г.	На 1.1. 1944 г.	На 1.1. 1943 г.	На 1.7. 1943 г.	На 1.1. 1944 г.
Армяне	1,37	1,47	1,14	1,49	1,40	1,36	1,08	1,11	0,85
Грузины	1,31	1,64	0,89	1,82	1,17	1,52	1,11	1,01	0,76
Азербайджанцы	1,31	1,12	1,13	1,75	1,57	1,48	0,96	0,84	0,46
Казахи	3,5	2,92	2,13	3,05	2,77	1,57	2,12	1,88	0,94
Узбеки	2,76	2,78	3,05	2,42	4,44	2,02	1,7	2,25	0,90
Киргизы	0,55	0,64	0,53	0,52	0,57	0,36	0,49	0,45	0,17
Таджики	0,42	0,43	0,68	0,25	0,87	0,46	0,27	0,47	0,19
Туркмены	0,51	0,34	0,53	0,30	0,33	0,40	0,3	0,41	0,16
Всего	11,72	11,35	10,08	11,6	13,12	9,17	8,03	8,42	4,43

²⁵ Составлено по: ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 26. Д. 220. Л. 29–48; Д. 234. Л. 27–46; Д. 317. Л. 1–11; Артемьев А. П. Братский боевой союз народов СССР в Великой Отечественной войне. М., 1975. С. 58.

при средней доле у других этносов 71–74 %. Исключение составляли армяне и грузины за счет традиционно высокой доли среди них офицеров и сержантов.

Представительство указанных восьми этносов в стрелковых войсках (стрелковых дивизиях и стрелковых корпусах) действующей армии тоже было выше, чем в среднем по Красной армии: на 1 января 1943 г. — 59,1 % против 53,1 % по всей Красной армии²⁶, на 1 января 1944 г. — 73,1 % против 63,0 %²⁷, на 1 января 1945 г. — 59,5 % против 56,4 %²⁸.

Это наблюдение согласуется с расчетами, проведенными в свое время советский историком А.П. Артемьевым на материалах около двухсот стрелковых дивизий. В таблице 5 сведены данные о санитарных потерях народов Закавказья и Средней Азии по состоянию на 1 января 1943 г., 1 июля 1943 г. и 1 января 1944 г., а также данные об этническом представительстве в стрелковых дивизиях, рассчитанные А.П. Артемьевым в сравнении с их представительством по Красной армии в целом.

Как видно, прямым следствием преимущественного комплектования народами Закавказья и Средней Азии рядового состава пехоты, как и в случае с украинцами и белорусами, был повышенный уровень санитарных (а значит, и безвозвратных) потерь.

Тюркские и финно-угорские народы РСФСР, евреи и буряты

Возвращаясь к таблице 1, можно выделить еще одну группу этносов, в основном населявших РСФСР: тюркские и финно-угорские народы (татары, башкиры, чуваша, удмурты, мордва, марийцы, коми, карелы), а также евреи и буряты. Их объединяет то, что почти все они (кроме карел и евреев) проживали в глубоком тылу; территории их расселения за теми же исключениями не подвергались оккупации врагом и иному разрушительному воздействию войны. Они не испытали постоянного демографического стресса, подобно русским, резких временных демографических перегрузок, как украинцы, белорусы или молдаване. В их отношении государством не осуществлялись тотальные репрессивные акции. Представители этих народов в массе своей не имели проблем с общением на русском языке, а многие обрусели. В связи с этим они не нуждались в особых формах комплектования в виде национальных формирований или

²⁶ Подсчитано по: ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 26. Д. 220. Л. 30.

²⁷ Подсчитано по: Там же. Д. 317. Л. 15.

²⁸ Подсчитано по: Там же. Д. 366. Л. 17.

**Численность и удельный вес тюркских, финно-угорских народов РСФСР, евреев и бурятов
в рядах Красной армии в годы Великой Отечественной войны²⁹**

	На 1.1.1943 г.				На 1.1.1944 г.				На 1.1.1945 г.				По переписи 1939 г., %
	Всего, чел.	Удельный вес, %	В стрелковых дивизиях, %	Раненых, %	Всего, чел.	Удельный вес, %	В стрелковых дивизиях, %	Раненых, %	Всего, чел.	Удельный вес, %	Раненых, %	Раненых, %	
Татары	229 196	2,55	2,69	3,0	243 157	2,16	1,83	2,66	222 736	1,86	1,62	1,62	2,53
Чуваши	80 485	0,89	0,90	1,0	80 232	0,71	0,58	0,78	74 088	0,62	0,44	0,44	0,8
Мордва	80557	0,9	0,95	0,78	80 322	0,71	0,62	0,62	73 628	0,61	0,37	0,37	0,85
Марийцы	27 826	0,31	0,31	0,35	26 409	0,23	0,19	0,27	23 147	0,19	0,13	0,13	0,28
Удмурты	34 087	0,38	0,30	0,4	29 392	0,26	0,20	0,32	25 416	0,21	0,15	0,15	0,36
Башкиры	40 368	0,45	0,60	0,58	41 323	0,37	0,35	0,46	35 387	0,3	0,31	0,31	0,49
Буряты	16 774	0,19	0,14	0,09	16 142	0,14	0,09	0,11	15 210	0,13	0,09	0,09	0,18
Кои	25 013	0,28	0,20	0,24	21 505	0,19	0,14	0,12	17 543	0,17	0,06	0,06	0,25
Евреи	172 118	1,91	1,5	1,23	196 576	1,74	1,28	1,47	195 273	1,63	1,27	1,27	1,78
Карелы	11 585	0,13	0,12	0,12	12 146	0,11	0,06	0,12	11 595	0,1	0,08	0,08	0,15
Всего	718 009	7,99	7,71	7,79	747 204	6,62	5,34	6,93	694 023	5,8	4,52	4,52	7,67

²⁹ Составлено по: ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 26. Д. 220. Л. 29–48; Д. 317. Л. 1–11; Д. 366. Л. 1–17; Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М., 1992. С. 57.

национального квотирования и поступали на комплектование воинских частей всех родов войск. Этим следует объяснять достаточно равномерное распределение демографической нагрузки на эти народы на протяжении всей войны.

Данные таблицы 6 позволяют сделать вывод о том, что у этой группы этносов представительство в рядах Красной армии, а также в стрелковых войсках на разных этапах Великой Отечественной войны всегда было близко к усредненному демографическому показателю — удельному весу среди населения СССР по Всесоюзной переписи населения 1939 г.

* * *

Изучение статистики санитарных потерь показало, что их уровень и структура у разных этносов колебались в достаточно широком диапазоне. Они зависели от большого числа факторов, главным из которых можно считать представленность этноса среди рядового состава пехоты. Эта категория военнослужащих всегда несла наиболее интенсивные потери по сравнению с другими категориями военнослужащих (офицерами и сержантами) и другими родами войск (артиллерия, бронетанковые, связь и т.д.). Принадлежность военнослужащего к рядовому составу почти всегда, для всех национальностей означала повышенный риск быть убитым или раненым. В приложениях 2–4 этот тезис подтверждается положительным коэффициентом (больше единицы) соотношения общего числа рядовых бойцов и раненых военнослужащих внутри каждой национальности. Принадлежность рядового бойца к стрелковым войскам значительно усиливала этот риск.

Имеющаяся источниковая база санитарных потерь за 1943–1945 гг. не позволяет механически экстраполировать полученные наблюдения относительно санитарных потерь на все потери Красной армии в целом. Она совсем не коррелирует со структурой потерь в первый период войны (1941–1942 гг.), когда баланс безвозвратных и санитарных потерь имел совсем другую конфигурацию, чем в 1943–1945 гг. К тому же она не позволяет оценить потери пленными и пропавшими без вести. Тем не менее, эти данные дают представление о тенденциях в численности потерь разных национальностей, по крайней мере, во второй и третий периоды войны (1943–1945 гг.) и открывают перспективы дальнейшей научной дискуссии.

Список литературы

Артемов А.П. Братский боевой союз народов СССР в Великой Отечественной войне. М.: Мысль, 1975. 199 с.

Безугольный А.Ю. Национальный состав Красной армии. 1918–1945 гг. Историко-статистическое исследование. М.: Центрполиграф, 2021. 511 с.

Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М.: Наука, 1992. 254 с.

Георгиевский А.С. Основы организации и тактики медицинской службы действующей армии. М.: Медгиз, 1947. 223 с.

Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М.: Воениздат, 1993. 415 с.

Первышин В.Г. Людские потери в Великой Отечественной войне // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 116–122.

Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 608 с.

Поступила в редакцию
16 июля 2022 г.

Приложение 1

Таблица

Безвозвратные потери Красной армии в годы Великой Отечественной войны по национальному составу, по книге: Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2001.

Национальность погибших	Число потерь, тыс. чел.	В % к общему числу безвозвратных потерь
Русские	5756,0	66,402
Украинцы	1377,4	15,890
Белорусы	252,9	2,917
Татары	187,7	2,165
Евреи	142,5	1,644
Казахи	125,5	1,448
Узбеки	117,9	1,360
Армяне	83,7	0,966
Грузины	79,5	0,917
Мордва	63,3	0,730
Чуваши	63,3	0,730
Азербайджанцы	58,9	0,673
Молдаване	53,4	0,621
Башкиры	31,7	0,366
Киргизы	26,6	0,307
Удмурты	23,2	0,268
Таджики	22,9	0,264
Туркмены	21,3	0,246
Эстонцы	21,2	0,245
Марийцы	20,9	0,241
Буряты	13,0	0,150
Коми	11,6	0,134
Латыши	11,6	0,134
Литовцы	11,6	0,134
Народности Дагестана	11,1	0,128
Осетины	10,7	0,123
Поляки	10,1	0,117
Карелы	9,5	0,110
Калмыки	4,0	0,046
Кабардинцы и балкарцы	3,4	0,039
Чеченцы и ингуши	2,3	0,026
Остальные народы	40,0	0,459
ВСЕГО	8668,4	100,0

Приложение 2

Таблица

Доля раненых и больных в общей численности каждой из основных национальностей, представленных в Красной Армии, по трем воинским категориям (офицерский, сержантский и рядовой составы) и отношение этой доли к доле каждой категории в общей численности представителей данных национальностей по состоянию на 1 июля 1943 г.¹

	Доля раненых и больных от всех представителей данной национальности (офицер. состав), %	Доля от всех представителей данной национальности (офицер. состав), %	Соотношение долей	Доля раненых и больных от всех представителей данной национальности (сержант. состав), %	Доля от всех представителей данной национальности (сержант. состав), %	Соотношение долей	Доля раненых и больных от всех представителей данной национальности (рядовой состав), %	Доля от всех представителей данной национальности (рядовой состав), %	Соотношение долей
Русские	10,42	13,95	0,75	20,45	21,52	0,95	69,13	64,53	1,07
Украинцы	15,31	20,44	0,75	23,97	24,23	0,99	60,72	55,33	1,10
Белорусы	14,57	24,71	0,59	22,92	24,00	0,95	62,51	51,29	1,22
Татары	4,29	7,27	0,59	15,15	16,83	0,90	80,56	75,90	1,06
Чувашаи	4,59	8,12	0,57	15,41	16,51	0,93	80,00	75,37	1,06
Мордва	3,74	7,08	0,53	14,47	16,35	0,88	81,79	76,57	1,07
Марийцы	3,63	6,02	0,60	12,88	14,43	0,89	83,50	79,54	1,05
Удмурты	3,96	7,96	0,50	12,95	15,71	0,82	83,08	76,33	1,09
Кomi	6,25	10,20	0,61	16,98	16,15	1,05	76,77	73,65	1,04
Башкиры	4,19	6,69	0,63	16,22	15,58	1,04	79,59	77,73	1,02
Буряты	5,70	7,56	0,75	18,45	12,08	1,53	75,85	80,36	0,94
Евреи	24,62	40,45	0,61	21,26	16,83	1,26	54,12	42,72	1,27
Армяне	10,41	13,16	0,79	20,64	17,36	1,19	68,96	69,48	0,99

¹ Составлено по: ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 26. Д. 234. Л. 27–46.

	Доля раненых и больных от всех раненых и больных данной националь- ности (офицер. состав), %	Доля от всех пре- дставителей данной национальности (офицер. состав), %	Соотношение долей	Доля раненых и больных от всех раненых и боль- ных данной националь- ности (сержант. состав), %	Доля от всех пре- дставителей данной национальности (сержант. состав), %	Соотношение долей	Доля раненых и больных от всех раненых и боль- ных данной националь- ности (рядовой со- став), %	Доля от всех пре- дставителей данной национальности (рядовой состав), %	Соотношение
Грузины	14,64	12,41	1,18	23,51	16,98	1,38	61,85	70,62	0,88
Азербайджанцы	5,78	5,50	1,05	15,90	11,98	1,33	78,33	82,52	0,95
Казахи	2,27	3,37	0,68	11,75	12,65	0,93	85,97	83,98	1,02
Узбеки	1,78	1,72	1,04	11,53	7,62	1,51	86,69	90,66	0,96
Киргизы	1,54	1,33	1,15	8,91	7,89	1,13	89,56	90,78	0,99
Таджики	2,67	1,95	1,37	9,73	6,46	1,51	87,60	91,59	0,96
Туркмены	2,88	1,82	1,59	13,72	7,37	1,86	83,40	90,82	0,92
Калмыки	4,76	7,43	0,64	13,74	13,43	1,02	81,50	79,14	1,03
Молдаване	7,38	15,78	0,47	20,90	18,38	1,14	71,72	65,84	1,09
Эстонцы	6,56	10,57	0,62	18,57	23,05	0,81	74,87	66,38	1,13
Латыши и латгалцы	7,40	18,93	0,39	19,84	18,00	1,10	72,76	63,07	1,15
Литовцы	9,73	18,68	0,52	24,09	22,71	1,06	66,18	58,61	1,13
Карелы	6,82	10,43	0,65	13,51	17,96	0,75	79,67	71,61	1,11
Поляки	16,23	24,52	0,66	26,09	19,53	1,34	57,68	55,95	1,03
Осетины	13,75	19,71	0,70	25,61	16,56	1,55	60,64	63,73	0,95
Кабардинцы и балкарцы	7,17	11,16	0,64	24,03	15,30	1,57	68,80	73,54	0,94
Чеченцы и ингуши	10,61	9,16	1,16	21,23	15,19	1,40	68,16	75,65	0,90
Народности Дагестана	7,11	6,56	1,08	22,13	12,71	1,74	70,75	80,72	0,88
Другие	6,27	8,38	0,75	19,39	13,96	1,39	74,34	77,67	0,96

Приложение 3

Таблица

Доля раненых и больных в общей численности каждой из основных национальностей, представленных в Красной Армии, по трем воинским категориям (офицерский, сержантский и рядовой составы) и отношение этой доли к доле каждой категории в общей численности представителей данных национальностей по состоянию на 1 января 1944 г.²

	Доля раненых и больных от всех раненых и больных данной националь-ности (офицер. состав), %	Доля от всех пред-ставителей данной национальности (офицер. состав), %	Соотношение долей	Доля раненых и больных от всех раненых и больных данной националь-ности (сержант. состав), %	Доля от всех пред-ставителей данной национальности (сержант. состав), %	Соотношение долей	Доля раненых и больных от всех раненых и больных данной национальности (рядовой состав), %	Доля от всех пред-ставителей данной национальности (рядовой состав), %	Соотношение долей
Русские	10,53	14,74	0,71	23,35	22,20	1,05	66,12	63,06	1,05
Украинцы	9,31	15,71	0,59	18,99	19,25	0,99	71,70	65,04	1,10
Белорусы	10,64	19,84	0,54	20,46	19,86	1,03	68,90	60,29	1,14
Татары	4,91	7,78	0,63	18,75	17,08	1,10	76,34	75,14	1,02
Чуваши	5,52	9,05	0,61	18,15	17,32	1,05	76,32	73,63	1,04
Мордва	4,37	7,46	0,59	20,36	17,75	1,15	75,28	74,79	1,01
Марийцы	4,67	6,86	0,68	15,43	14,89	1,04	79,89	78,26	1,02
Удмурты	5,56	8,50	0,65	17,19	16,19	1,06	77,25	75,31	1,03
Коми	6,61	10,90	0,61	21,71	16,75	1,30	71,68	72,35	0,99
Башкиры	4,79	7,48	0,64	20,29	16,70	1,21	74,92	75,81	0,99
Буряты	7,89	8,64	0,91	20,22	16,19	1,25	71,88	75,16	0,96
Евреи	24,40	43,34	0,56	21,14	17,30	1,22	54,46	39,36	1,38
Армяне	9,02	15,58	0,58	19,90	19,40	1,03	71,08	65,01	1,09

² Составлено по: ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 26. Д. 317.Л. 1–30.

	Доля раненых и больных от всех раненых и больных в данной националь-ности (офицер. состав), %	Доля от всех пре-ставителей данной национальности (офицер. состав), %	Соотношение долей	Доля раненых и больных от всех раненых и больных в данной националь-ности (сержант. состав), %	Доля от всех пре-ставителей данной национальности (сержант. состав), %	Соотношение долей	Доля раненых и больных от всех раненых и больных в данной националь-ности (рядовой состав), %	Доля от всех пре-ставителей данной национальности (рядовой состав), %	Соотношение долей
Грузины	9,62	13,67	0,70	17,65	19,33	0,91	72,73	67,00	1,09
Азербайджанцы	3,66	7,78	0,47	15,39	15,02	1,02	80,95	77,20	1,05
Казахи	2,94	4,63	0,63	15,54	14,91	1,04	81,52	80,46	1,01
Узбеки	1,72	2,50	0,69	11,51	10,95	1,05	86,77	86,55	1,00
Киргизы	1,97	2,56	0,77	10,16	10,44	0,97	87,87	87,00	1,01
Таджики	2,07	3,23	0,64	10,41	11,27	0,92	87,52	85,51	1,02
Туркмены	1,47	2,65	0,56	11,15	10,48	1,06	87,37	86,87	1,01
Калмыки	4,08	8,85	0,46	15,23	13,81	1,10	80,69	77,34	1,04
Молдаване	5,58	14,97	0,37	23,30	19,15	1,22	71,12	65,88	1,08
Эстонцы	6,36	10,02	0,63	15,38	24,09	0,64	78,26	65,90	1,19
Латыши и латгалцы	7,37	18,21	0,40	32,81	22,54	1,46	59,82	59,25	1,01
Литовцы	8,68	20,67	0,42	19,83	22,48	0,88	71,49	56,85	1,26
Карелы	7,19	11,03	0,65	22,02	18,62	1,18	70,79	70,34	1,01
Поляки	9,73	16,05	0,61	18,29	15,13	1,21	71,98	68,82	1,05
Осетины	11,75	21,21	0,55	20,44	18,30	1,12	67,81	60,49	1,12
Кабардинцы и балкарцы	5,58	13,15	0,42	15,97	18,32	0,87	78,44	68,53	1,14
Чеченцы и ингуши	8,37	12,10	0,69	14,45	16,86	0,86	77,19	71,04	1,09
Народности Дагестана	9,64	10,58	0,91	16,43	15,15	1,08	73,93	74,27	1,00
Другие	6,69	9,29	0,72	20,09	14,12	1,42	73,22	76,58	0,96

Приложение 4

Таблица

Доля раненых и больших в общей численности каждой из основных национальностей, представленной в Красной Армии, по трем воинским категориям (офицерский, сержантский и рядовой составы) и отношение этой доли к доле каждой категории в общей численности представителей данной национальностей по состоянию на 1 января 1945 г.³

	Доля раненых и больших от всех раненых и больших данной националь-ности (офицер. состав), %	Доля от всех пред-ставителей данной национальности (офицер. состав), %	Соотношение долей	Доля раненых и больших от всех раненых и больших данной националь-ности (сержант. состав), %	Доля от всех пред-ставителей данной националь-ности (сержант. состав), %	Соотношение долей	Доля раненых и больших от всех раненых и больших данной националь-ности (рядовой состав), %	Доля от всех пред-ставителей данной националь-ности (рядовой состав), %	Соотношение долей
Русские	8,43	15,68	0,54	18,39	24,54	0,75	73,18	59,79	1,22
Украинцы	5,21	11,73	0,44	14,72	19,06	0,77	80,06	69,21	1,16
Белорусы	4,38	10,39	0,42	13,27	14,65	0,91	82,35	74,96	1,10
Татары	5,88	9,15	0,64	16,42	19,51	0,84	77,71	71,34	1,09
Чуваши	5,90	10,14	0,58	16,30	19,55	0,83	77,80	70,31	1,11
Мордва	4,64	8,53	0,54	15,84	20,30	0,78	79,52	71,17	1,12
Марийцы	5,44	7,79	0,70	16,65	17,77	0,94	77,91	74,44	1,05
Удмурты	5,01	10,39	0,48	17,10	19,46	0,88	77,89	70,15	1,11
Кomi	6,41	14,28	0,45	16,25	20,77	0,78	77,34	64,96	1,19
Башкиры	5,55	9,00	0,62	18,73	19,52	0,96	75,72	71,48	1,06
Буряты	10,94	10,17	1,08	15,91	17,51	0,91	73,15	72,33	1,01
Евреи	18,74	44,44	0,42	14,05	17,94	0,78	67,21	37,61	1,79
Армяне	8,59	17,36	0,49	17,60	21,16	0,83	73,81	61,48	1,20

³ Составлено по: ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 26. Д. 366. Л. 1-17.

	Доля раненых и больных от всех раненых и больных данной националь-ности (офицер. состав), %	Доля от всех пре-дставителей данной национальности (офицер. состав), %	Соотношение долей	Доля раненых и больных от всех раненых и больных данной националь-ности (сержант. состав), %	Доля от всех пре-дставителей данной националь-ности (сержант. состав), %	Соотношение долей	Доля раненых и больных от всех раненых и больных данной националь-ности (рядовой состав), %	Доля от всех пре-дставителей данной националь-ности (рядовой состав), %	Соотношение долей
Грузины	8,84	15,98	0,55	16,89	21,91	0,77	74,27	62,11	1,20
Азербайджанцы	5,79	10,30	0,56	16,26	18,83	0,86	77,95	70,87	1,10
Казахи	4,55	6,96	0,65	16,76	18,40	0,91	78,69	74,63	1,05
Узбеки	2,76	4,24	0,65	12,98	14,12	0,92	84,26	81,63	1,03
Киргизы	2,47	3,94	0,63	12,58	13,53	0,93	84,95	82,53	1,03
Таджики	2,81	4,67	0,60	12,38	13,69	0,90	84,81	81,64	1,04
Туркмены	2,54	4,76	0,53	12,78	13,60	0,94	84,69	81,64	1,04
Калмыки	8,36	20,25	0,41	10,18	15,29	0,67	81,46	64,46	1,26
Молдаване	0,50	0,51	0,97	5,55	1,75	3,17	93,95	97,73	0,96
Эстонцы	3,95	7,25	0,54	16,14	17,56	0,92	79,92	75,19	1,06
Лагши и лагталыцы	2,46	6,97	0,35	7,58	9,53	0,80	89,97	83,51	1,08
Литовцы	1,15	2,23	0,52	6,69	6,73	0,99	92,16	91,03	1,01
Карелы	5,12	10,60	0,48	16,93	18,73	0,90	77,95	70,67	1,10
Поляки	2,64	4,61	0,57	9,68	9,35	1,04	87,67	86,04	1,02
Осетины	15,40	24,98	0,62	16,04	19,75	0,81	68,56	55,27	1,24
Кабардинцы и балкарцы	8,28	18,19	0,46	18,79	22,02	0,85	72,93	59,80	1,22
Чеченцы и ингуши	4,49	20,52	0,22	18,37	18,20	1,01	77,14	61,27	1,26
Народности Дагестана	6,21	12,69	0,49	12,93	19,10	0,68	80,86	68,21	1,19
Другие	4,90	9,63	0,51	15,62	14,08	1,11	79,49	76,29	1,04

О.В. Большакова

**ОТ СЛАВИСТИКИ К RUSSIAN STUDIES:
О НЕКОТОРЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ
КОНСТИТУИРОВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ В 1940-е гг.**

O.V. Bolshakova

**FROM SLAVISTICS TO RUSSIAN STUDIES:
ON SOME CIRCUMSTANCES OF THE DISCIPLINE'S
CONSTITUTION IN THE 1940s**

Аннотация. В статье рассматривается период, предшествовавший созданию в послевоенные годы в США дисциплины Russian studies на базе уже существовавшей к этому времени славистики. Переход от описательности славянских исследований, уделявших большое внимание филологии, к строгой научности региональных исследований совершался в тяжелейших условиях мировой войны, поисков новой конфигурации мироустройства, а затем перехода от союзнических отношений между Советским Союзом и США к острой конфронтации. На этом фоне первоначальные планы по развитию сотрудничества с СССР в рамках создававшейся дисциплины Russian studies были пересмотрены, что, однако, не сказалось на содержании россиеведческих исследований в той степени, в какой можно было ожидать. Этому способствовало то, что славянские исследования к началу Второй мировой войны подошли с весьма значительным профессиональным багажом и ясными принципами, включавшими в себя наряду с объективностью и беспристрастностью любовь к изучаемой стране и требование не смешивать науку и политику. Важным фактором явилась и деятельность русских эмигрантов в США. Организованный ими в 1941 г. журнал «Русское обозрение» (The Russian review) активно работал на развитие взаимопонимания и на создание позитивного («настоящего») образа России, уделяя большое внимание объективному и научному пониманию ее истории в противовес пропагандистским клише. Анализ публикаций по русской истории в 1941–1947 гг. демонстрирует, что в американском дискурсе о России имелось достаточное количество формул и образов, нацеленных на сближение двух стран. В Советском Союзе также имелся определенный потенциал в этом отношении, однако переход к резкой конфронтации с Западом там произо-

Большакова Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН
Bolshakova Olga Vladimirovna, PhD Candidate in History, Leading Research Fellow,
Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences
+7-903-732-15-79: jkmuf16@gmail.com

шел очень быстро, в контексте усиления внутренних репрессий. В США, несмотря на условия холодной войны, в рамках дисциплины Russian studies шло неуклонное развитие исторических исследований в направлении их профессионализации.

Ключевые слова: славистика, Russian studies, советско-американские отношения, американский дискурс о России, «Русское обозрение», «Вопросы истории», М.М. Карпович, В.К. Яцунский

Abstract. The article examines the period preceding the creation of the discipline of Russian studies on the basis of Slavic studies in the post-war USA. The transition from descriptive Slavic studies, which focused on philology, to rigorous scholarship of regional studies evolved in the difficult circumstances of the World War, the search for a new configuration of the world order, and the transition from the allied relationship between the Soviet Union and the United States to their acute confrontation. Against this background, the initial plans for cooperation with the USSR in the emerging discipline of Russian studies were revised, which, however, did not affect its content as much as might have been expected. This was facilitated by the fact that at the outbreak of the World War II Slavic studies were a very advanced academic discipline with clear principles, which included, alongside objectivity and impartiality, a love of the country under study and not involving politics. An important factor was the activity of Russian émigrés in the United States. *The Russian Review*, which they established in 1941, actively promoted mutual understanding and created a positive (“real”) image of Russia, while paying attention to an objective and scientific (as opposed to propagandistic) representation of its history. The analysis of publications on Russian history between 1941 and 1947 demonstrates that American discourse on Russia had a sufficient number of formulas and images aimed at bringing the two countries closer together. The Soviet Union also had some potential in this regard, but the transition to sharp confrontation with the West occurred very quickly in a context of increased internal repression. In the US, despite the Cold War, Russian studies steadily developed towards professionalization.

Key words: Slavic studies, Russian studies, Soviet-Russian relations, American discourse on Russia, “The Russian review”, “Voprosy istorii” journal, M.M. Karpovich, V.K. Yatsunskii

* * *

Возникновение дисциплины Russian studies, поставившей во главу угла изучение России/СССР методами социальных наук, связывают обычно с созданием Русского института в Колумбийском университете в 1945 г., Русского исследовательского центра в Гарварде в 1948 г. и ряда других центров региональных исследований в университетах США и затем по всему западному миру. Однако организации этих учреждений предшествовал подготовительный период, который пришелся на годы войны. Сложные обстоятельства военных и первых послевоенных лет представляют собой контекст, в котором формировались контуры новой дисциплины. Он заслужи-

вает не меньшего внимания, чем планы и действия непосредственных участников этого процесса, подробно рассмотренные в книге Д. Энгермана об истории американской советологии¹.

Анализируя факторы, оказывавшие влияние на конституирование Russian studies, следует учитывать и состояние тогдашней славистики, и особенности американского и советского дискурсов, в том числе касавшиеся русской истории, и деятельность отдельных институций и людей, работавших в области изучения России/СССР в эти годы. В статье особое внимание уделяется детищу эмигрантской диаспоры — журналу «Русское обозрение», который одновременно обозначал и создавал тенденции в науке.

* * *

К началу самого масштабного мирового конфликта XX в. специалисты по России в США и Великобритании подошли с достаточно хорошим багажом. Появилось новое поколение ученых, в том числе и русского происхождения, была создана довольно серьезная инфраструктура «славянских исследований», как называли тогда эту дисциплину. В 1930-е гг. изучение России и славянских стран в США значительно активизировалось, а с началом войны в Европе Америка становится фактически единственным действующим центром русистических исследований. Туда переезжает из Лондона, спасаясь от бомбардировок, журнал “Slavonic and East European Review” и некоторое время выходит как «американская серия»². А когда в войну вступил СССР и интерес к новому союзнику стал неуклонно возрастать, по инициативе Димитрия фон Мореншильдта и при поддержке немногочисленных заинтересованных людей и организаций с ноября 1941 г. начинает выходить независимый журнал “The Russian review” («Русское обозрение» с подзаголовком «Американский журнал, посвященный прошлому и настоящему России»).

¹ Engerman D.C. Know your enemy: The rise and fall of America's Soviet experts. Oxford, 2009.

² В 1941 г. в Висконсине был выпущен том, подготовленный в Школе славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета в виде ежегодника, — “The Slavonic Year-Book”, объемом 413 с. Затем начал выходить ежеквартальный журнал “The Slavonic and East European Review. American series”, причем состав редакционной коллегии был по преимуществу американским, и патронировали его американские организации, в частности Комитет славянских исследований при Американском совете ученых обществ (ACLS). С лета 1945 г. по договоренности с британцами издание окончательно обрело американскую «прописку». Наряду с Комитетом славянских исследований журнал “The American Slavic and East European review” стоял у истоков создания в 1948 г. Американской ассоциации содействия славянским исследованиям (AAASS), органом которой он и стал, обретя свое окончательное название “Slavic review” в 1961 г.

Анализ его содержания за первые несколько лет существования³, и прежде всего рецензионной активности, дает возможность оценить достижения англоязычного руссееведения предшествующего периода и подвести некоторые промежуточные итоги. По мнению главного редактора У. Чемберлина — известного журналиста, автора двухтомной «Русской революции, 1917–1921»⁴, много лет прожившего в СССР, — они неутешительны. Знания о России и Советском Союзе как в американском обществе, так и в научном мире, по его словам, исключительно скудны. Ситуация осложнена тем, писал Чемберлин во введении к первому номеру, что поступавшие сведения о современном положении СССР были крайне поверхностны (зачастую это сообщения, условно говоря, «из окна поезда») и в основном носили пропагандистский характер. А в военное время и такая информация становится недоступной, причем в момент, когда «значение Советского Союза в разрешении военного конфликта как в Европе, так и в Азии, поистине громадно»⁵. Безусловно, высказывания Чемберлина нацелены на обоснование необходимости нового печатного органа, который мог бы собрать воедино экспертные знания о России, но при всех его прагматических целях — привлечь как можно больше сотрудников и читателей — оценка состояния знания о России на Западе вполне адекватна, если говорить о публичной сфере. Достаточно серьезный задел, имевшийся в сфере профессиональной, не мог соперничать за умы с обширной и влиятельной публицистикой. В этих условиях журнал поставил своей задачей показать читателям Россию, «какой она была, есть и будет», не впадая в «стерильный» академизм, но и не поддаваясь искушению «пропаганды». Оно, безусловно, после большевистской революции 1917 г. было велико. Однако, несмотря на то что страна пережила «одно из самых колоссальных потрясений в истории», в современной России, по наблюдению Чемберлина, сохраняются элементы преемственности с исторической традицией⁶. Истории, таким образом, придается в журнале первостепенное значение, поскольку, как известно, общеисторические представления лежат в основе интерпретаций и политики, и экономики, и культуры.

На основе опубликованных в «Русском обозрении» рецензий можно судить, что наибольшее количество вышедших в

³ Анализ ограничивается 1949 г., когда главным редактором официально стал Д. фон Мореншильдт и журнал начал выходить четыре, а не два раза в год.

⁴ Chamberlin W.H. The Russian revolution, 1917–1921. 2 vols. New York, 1935.

⁵ Chamberlin W.H. Foreword // The Russian review. 1941. Vol. 1. N 1. P. 1.

⁶ Ibid. P. 1–2.

1938–1948 гг. книг было посвящено современной ситуации в СССР, международным отношениям и русской классической литературе и русскому языку как самой изученной предметной области. Немногочисленные профессиональные работы по русской истории включают в себя, в частности, «Россию» сэра Бернарда Пейрса (1940), «Церковь и государство в России. Последние годы империи, 1900–1917» Джона Кёртиса (1940), «Стремление к морю: Курс русской истории» Роберта Кернера (1942), «Древнюю Русь» Г.В. Вернадского (1943), «Россию и Европу, 1789–1825» А.А. Лобанова-Ростовского (1947)⁷ и ряд других, а также переводы общих курсов П.Н. Милюкова, А.А. Корнилова, М.С. Грушевского.

Относительно небольшая по объему (256 с.) «Россия» сэра Бернарда Пейрса имела своей основой предыдущие его книги, в том числе «Россия и реформы» (1907) и «Падение российской монархии» (1939). Первые сто ее страниц посвящены дореволюционной истории, вторая половина — Советской России. Книга, по словам ее рецензента М.М. Карповича, написана живым и ярким языком, представляя собой «исключительно квалифицированно и эффективно составленную смесь истории и политики, научного анализа и личных воспоминаний»⁸. Отмечая некоторые фактологические ошибки автора, Карпович не соглашается и с отдельными интерпретациями Пейрса, в частности, с утверждением, что отмена крепостного права сделала революцию неизбежной, а также с весьма поверхностной оценкой сталинской конституции 1936 г. как «довольно либеральной». Написанная незадолго до гитлеровского вторжения в СССР книга имела безусловно политические мотивы, которых автор и не скрывал, анализируя внешнюю и внутреннюю политику большевиков. Тем не менее, она полна веры в «старую добрую Россию», веры, которую не поколебало подписание пакта 1939 г.

Пейрс (1867–1949) принадлежал к старшему поколению российских историков. Выпускник Кембриджа и ученик В.О. Ключевского, этот историк и журналист прекрасно знал русский язык и не только многократно бывал в России, но и работал здесь корреспондентом английского правительства в годы Первой мировой войны. Он преподавал в Ливерпульском университете, стал первым профессором

⁷ Pares B. *Russia*. New York, 1940; Curtiss J.Sh. *Church and state in Russia: The last years of the empire, 1900–1917*. New York, 1940; Kerner R.J. *The urge to the sea. The course of Russian history. The role of rivers, portages, ostrogs, monasteries and furs*. University of California Press, 1942; Vernadsky G. *Ancient Russia*. New Haven, 1943; Lobanov-Rostovsky A. *Russia and Europe. 1789–1825*. Dahrem, 1947.

⁸ Karpovich M.M. *Rec.: Pares B. Russia: Between reform and revolution // The Russian review*. 1941. Vol. 1. N 1. P. 106.

русской истории в англоязычном мире, участвовал в основании Лондонской школы славяноведения и ведущего британского журнала по русской истории — “*Slavonic and East European review*”⁹.

В его деятельности просматриваются черты, которые довольно долгое время были присущи руссиеведческим или, как тогда говорили, славянским, исследованиям в англоязычном мире, вплоть до их окончательной профессионализации в 1960-е гг. Прежде всего это «страноведческий» (или даже «краеведческий») ¹⁰ подход довольно общего характера — с интересом к народу, его языку, истории и культуре, а также тесная связь со жгучими вопросами современности, что обуславливало внимание к политике. Большинство руссиеведов первой половины XX в., будучи историками или филологами, считались в первую очередь «экспертами по России», довольно активно выступая как в профессиональной прессе, так и в СМИ по внешнеполитическим вопросам. Принимали участие они и в работе правительственных организаций, что особенно ярко проявилось в ходе подготовки Версальской конференции. А в годы Второй мировой войны многие из них стали работать в военных ведомствах. Так, Дж. Робинсон (1893–1971), автор ставшей к настоящему времени классикой книги «Деревенская Россия при старом режиме» (1932), известный как один из основателей Русского института при Колумбийском университете, возглавлял тогда советскую секцию в Аналитическом отделе Управления стратегических служб (предшественнике ЦРУ), что не мешало ему, тем не менее, сторониться политики ¹¹. Сохранение беспристрастности и объективности декларировалось руссиеведением изначально, хотя, безусловно, далеко не всегда соблюдалось ¹². Обманчиво простое требование «не смешивать науку и политику» соседствовало с еще одним важным принципом раннего руссиеведения: любовь к изучаемой стране. Он присутствовал в дис-

⁹ *Randall F. Introduction // Pares V. Russia: Between reform and revolution. New York, 1962. P. XI–XII.*

¹⁰ О терминологии см.: *Плате А. Трудности российского понимания современной немецкой русистики // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 4. С. 1329–1330.*

¹¹ О творческой атмосфере, царившей в этом учреждении в годы войны, и об энтузиазме работавшей там команды см.: *Engerman D.C. Op. cit.*

¹² Это условие было настолько важным для Робинсона, что он отклонил кандидатуру работавшего на факультете русского историка-эмигранта М.Т. Флоринского, поскольку у того на глазах большевики убили родителей. Подобный опыт, считал Робинсон, исключал необходимую для потенциального преподавателя объективность. См.: *Byrnes R.F. Geroid T. Robinson: Founder of Columbia University's Russian Institute // Byrnes R.F. A history of Russian and East European studies in the United States. New York; London, 1994. P. 207, 214–215.*

курсе и передавался ученикам, однако и самые глубокие симпатии все же приносились в жертву объективности¹³.

Еще одной характерной чертой этой дисциплины являлся широкий географический охват: речь шла об изучении славянского мира, частью которого для западных наблюдателей являлась Россия. Именно поэтому исследования назывались «славянскими», и первоначально большое место в них занимало изучение языка и литературы. Филологическая по своей направленности «славистика», таким образом, как наука старше так называемого россиеведения, которое в послевоенные годы конституировалось в междисциплинарные региональные исследования — Russian/Soviet studies, или, как говорят сейчас, «русистику». Славистика стала их интегральной частью, хотя сохранила свое место в современном названии журнала “Slavic studies”. Как и его предшественник военных лет, наследник британской традиции, он до сей поры отводит России не более половины печатной площади и уделяет большое внимание языкознанию и литературоведению большого региона Восточной Европы.

Созданный в 1941 г. при активном участии преподававшего в Гарвардском университете М.М. Карповича журнал «Русское обозрение», напротив, концентрировался на России/СССР, поскольку его главной целью являлось улучшение взаимопонимания между русскими и американцами. Редакция ставила своей задачей представить читателям — как специалистам, так и более широкой американской аудитории, — непредвзятые интерпретации истории России, ее цивилизации и культуры, во что бы то ни стало избегая «пропаганды как справа, так и слева»¹⁴. Содержание «Русского обозрения» первых лет его существования, с одной стороны, отражало потребности текущего момента (исключительно острого), с другой — определялось редакционной политикой и имевшимися в то время ресурсами, весьма скромными, учитывая узкий круг профессиональных специалистов по России. В то же время помещенные в нем за 1941–1948 гг. публикации дают представление о тех тенденциях, которые будут наблюдаться в последующие 10–15 лет, когда изучение России в США начнет развиваться по восходящей линии.

¹³ *Seton-Watson H. Benedict Humphrey Sumner, 1893–1951 // The Slavonic and East European Review. 1951. Vol. 30. N 74. P. 260–262.*

¹⁴ *Von Mohrenschildt D. Foreword. The Russian review, 1941–1949 // The Russian review. 1949. Vol. 8. N 1. P. 3.* Журналу удавалось проходить между Сциллой нацизма и Харибдой коммунизма, однако в 1946 г. Чемберлин, персона нон грата для интеллектуалов левого толка, покинул пост главного редактора, поскольку некоторые подписчики (в том числе сэр Бернард Пейрс) выражали возмущение его «антисоветскими» взглядами. См.: *Von Mohrenschildt D. The founding of the Russian Review: A memoir // The Russian review. Vol. 60. N 1. P. 5–6.*

Помимо упомянутой отзывчивости на текущую повестку дня, это активная переводческая и библиографическая деятельность, рецензирование трудов иноязычных специалистов, с определенным вниманием к тому, что выходило в Советском Союзе. Характерной чертой, которая будет определять лицо русистики вплоть до 1960-х гг., является участие представителей русской диаспоры, причем не только профессиональных ученых в лице Г.В. Вернадского, М.М. Карповича, А.А. Лобанова-Ростовского, А.Г. Мазура, Л.Н. Страховского, Н.С. Тимашева, М.Т. Флоринского, но и политиков (в частности, А.Ф. Керенского), и литераторов, бывших и действующих деятелей культуры и многих других, заметных (таких, как Марк Алданов, Владимир Набоков, Михаил Добужинский) и менее известных эмигрантов — тех, кого Димитрий фон Мореншильдт характеризовал как «цвет дореволюционной интеллигенции». Будучи европейски образованными, они представляли собой «последнее связующее духовное звено между национальной русской и западной культурами»¹⁵.

Публикации «Русского обозрения» со всей отчетливостью демонстрируют, что сверхзадачей редакции являлось создание не просто благоприятного, а еще и «объективного», как считали редакторы, «настоящего», в их понимании, образа России на Западе. Это стало особенно актуальным в годы войны, когда интерес к тому, что же такое Советская Россия и как иметь дело с этой «загадочной», по общему мнению, страной, вырос многократно, что отразилось, в частности, в огромном количестве книг и книжек, написанных теми, кто когда-то бывал или жил там, кто там родился или просто что-то прочитал о ней. Именно поэтому журнал обращал особое внимание на критическое рецензирование таких работ, часть из которых можно было бы по современным меркам отнести к публичной истории, часть — к публицистике.

Сверхзадаче отвечали и статьи, помещенные в журнале, — как правило, высокого уровня, интересные и содержательные. В тематическом плане предпочтение отдавалось сюжетам, имеющим отношение к сегодняшнему дню, что включало в себя прежде всего сферу международных отношений, а также ситуацию в СССР¹⁶. Историче-

¹⁵ Von Mohrenschildt D. Foreword. *The Russian Review*, 1941–1949. P. 3.

¹⁶ Timasheff N.S. The Church in the Soviet Union // *Russian review*. 1941. Vol. 1. N 1. P. 20–30; Nazaroff A. The Soviet oil industry // *Ibid.* P. 81–88; Chamberlin W.H. The Soviet-German war: Results and prospects // *Ibid.* 1942. Vol. 1. N 2. P. 3–9; Harvey M.L., Ruggles M.J. The eastward course of the Soviet industry and the war // *Ibid.* 1942. Vol. 1. N 2. P. 10–26; Hazard J.H. Soviet wartime legislation // *Ibid.* 1942. Vol. 2. N 1. P. 22–30; Chamberlin W.H. Russia's role in the postwar world // *Ibid.* 1943. Vol. 2. N 2. P. 3–9; Ipatieff V. N. Modern science in Russia // *Ibid.* 1943. Vol. 2. N 2. P. 68–80; Dallin D.I. Inside the Red army // *Ibid.* 1943. Vol. 3. N 1. P. 23–30; Vakar N.P. Russia and the Baltic states // *Ibid.* 1943. Vol. 3. N 1. P. 45–54; Volin L. German invasion and Russian agriculture // *Ibid.* 1943.

ские материалы также содержали элемент актуальности. Биографии видных дореволюционных деятелей (С.Ю. Витте, И.А. Столыпина, П.Н. Дурново), история общественной мысли и революционного движения, уроки войн, начиная с 1812 г., — всё это давало возможность провести некие параллели и сделать какие-то выводы в отношении текущего момента¹⁷. Большое внимание уделялось культуре и религии, но прежде всего — русской литературе, которая уже традиционно являлась «брендом» на Западе и работала на укрепление позитивного образа России¹⁸. Отдельным направлением в тематике журнала (и впоследствии Russian studies в целом) стали, в соответствии с целями его основателей, точки соприкосновения России и США. Появляется всё больше статей (а затем и рецензий на книги), посвященных русско-американским связям и проблемам взаимовосприимчивости¹⁹.

Особый интерес в этом отношении представляет публикация, которой открывается первый номер нового журнала, — статья Роберта Доу «Простор: геополитическое исследование России и Соединенных Штатов», представляющая собой отрывок из планировавшейся к изданию в соавторстве с Александром Тарсаидзе книги о царях и президентах. Автор сосредоточивает внимание на сходствах

Vol. 3. N 1. P. 75–88; *Ropes E.C.* American-Soviet trade relations // *Ibid.* 1943. Vol. 3. N 1. P. 89–94; *Hazard J.N.* The federal organization of the USSR // *Ibid.* 1944. Vol. 3. N 2. P. 21–29; *Chamberline W.H.* Russia and Europe, 1918–1944 // *Ibid.* 1944. Vol. 4. N 1. P. 3–9; et al.

¹⁷ *Aldanov M.* Count Witte // *The Russian Review.* 1941. Vol. 1. N 1. P. 56–64; *Eudin X.I.* The German occupation of the Ukraine in 1918 // *Ibid.* 1941. Vol. 1. N 1. P. 89–104; *Fedotov G.P.* Religious sources of Russian Populism // *Ibid.* 1942. Vol. 1. N 2. P. 27–38; *Wiron A.R.* The lesson of Port Arthur // *Ibid.* 1942. Vol. 1. N 2. P. 40–43; *Mazour A.* The Russian ambassador in France, 1789–192 // *Ibid.* 1942. Vol. 1. N 2. P. 86–93; *Aldanov M.* P.N. Durnovo — prophet of war and revolution // *Ibid.* 1942. Vol. 2. N 1. P. 31–45; *Ti-masheff N.C.* Overcoming illiteracy: Public education in Russia, 1880–1940 // *Ibid.* 1942. Vol. 2. N 1. P. 80–88; *Tarsaidze A.* The air-blitz of 1812 // *Ibid.* 1942. Vol. 2. N 1. P. 89–101; *Karpovich M.* Church and state in Russian history // *Ibid.* 1944. Vol. 3. N 2. P. 10–20; et al.

¹⁸ *Nabokov V.* The Lermontov Mirage // *The Russian Review.* 1941. Vol. 1. N 1. P. 31–39; *Cowell H.* Music in Soviet Russia // *Ibid.* 1942. Vol. 1. N 2. P. 74–79; *Dobuzhinsky M.V.* The St.Petersburg Renaissance // *Ibid.* 1942. Vol. 2. N 1. P. 46–59; *Simmons E. J.* Tolstoy's childhood // *Ibid.* 1944. Vol. 3. N 2. P. 44–64; *Vernadsky N.* Russian folk song // *Ibid.* 1944. Vol. 3. N 2. P. 94–99; *Sandomirsky V.* Soviet war poetry // *Ibid.* 1944. Vol. 4. N 1. P. 47–66; *Zetlin M.O.* Balakirev // *Ibid.* 1944. Vol. 4. N 1. P. 67–82; et al. Кроме того, в журнале постоянно публиковались переводы стихов Пушкина, Лермонтова, Фета и других поэтов «золотого» и «серебряного» века.

¹⁹ *Parry A.* John B. Turchin: Russian general in the American Civil war // *The Russian Review.* 1942. Vol. 1. N 2. P. 44–60; *Alexandrova V.* America and Americans in Soviet literature // *Ibid.* 1943. Vol. 2. N 2. P. 19–26; *Parry A.* Cassius Clay's glimpse into the future: Lincoln's envoy to St.Petersburg bade the two nations meet in East Asia // *Ibid.* 1943. Vol. 2. N 2. P. 52–67; *von Mohrenschildt D.* The early American observers of the Russian revolution, 1917–1921 // *Ibid.* 1943. Vol. 3. N 1. P. 64–74; *Parry A.* Russian names for American towns // *Ibid.* 1944. Vol. 3. N 2. P. 30–43; *Aldanov M.* A Russian commune in Kansas // *Ibid.* 1944. Vol. 4. N 1. P. 30–44; et al.

двух стран, находящихся на периферии европейского мира. Он подчеркивает роль фактора пространства в их историческом развитии, сущность которого составлял процесс колонизации и освоения безбрежных территорий, неустанное «стремление к морю». Доу обнаруживает параллели не только в формах и способах «экспансии и аннексии» континентальных «просторов», но и в присущих обеим империям центробежных процессах, и более того — в положении двух «молодых» стран по отношению к высокомерной рафинированной Европе. И русские, и американцы, пишет Доу, всегда страдали комплексом социальной и культурной неполноценности перед старой европейской цивилизацией, были склонны к «самооплевыванию», что нашло отражение в художественной литературе обеих стран²⁰.

С поразительной легкостью из накопленного за 100 лет в американском дискурсе о России багажа (подробно описанного В.И. Журавлевой)²¹ были извлечены и использованы метафорические формулы и образы, нацеленные на сближение. В годы войны сближение постоянно подпитывалось сводками с фронтов, и воодушевление, вызванное совместной борьбой с фашизмом, подталкивало к излишне оптимистическому восприятию Советского Союза — и даже его политической системы. Осенью 1941 г. У. Чемберлин выразил надежду, что союз с западными демократиями приведет к тому, что из горнила военных испытаний выйдет свободная Россия и станет частью свободной Европы²².

Ощущение культурной общности русских и американцев побудило многих военнослужащих, готовившихся стать офицерами связи и проходивших курс интенсивной подготовки, выбрать русский язык в качестве своей специализации. Среди них, как указывает Д. Энгерман, были известные впоследствии социолог Алекс Инкелес и политолог Роберт Такер, историки Мартин Малиа и Ричард Пайпс, литературовед Хью Маклейн и многие другие²³. Начиная с весны 1943 г., после Сталинградской битвы, интерес к стране, которая борется с нацизмом, становится настолько велик, что в области изучения СССР обнаруживается острая нехватка специалистов и преподавательских кадров. И в каком-то смысле военные программы, включавшие изучение не только языка, но и обычаев страны,

²⁰ Dow R. Prostor: A geopolitical study of Russia and the United States // The Russian review. 1941. Vol. 1. N 1. P. 6, 10.

²¹ Журавлева В.И. Понимание России в США: Образы и мифы: 1881–1914. М., 2012.

²² Chamberlin W.H. Foreword. P. 5.

²³ Engerman D.C. Op. cit. P. 16–17.

основ ее культуры и политики, предвосхитили создание центров региональных исследований, над организацией которых в фонде Рокфеллера начали задумываться уже в 1942 г. Планы, ориентированные на послевоенное время, предполагали развитие сотрудничества с советскими учеными, которых собирались приглашать в американские университеты. В списке, направленном с этой целью Дж. Робинсоном в советское посольство, упоминались историки А.М. Панкратова, И.И. Минц и Е.В. Тарле, экономисты П.И. Лященко и Е.С. Варга²⁴.

Планам не было суждено сбыться. На протяжении весьма короткого (фактически двухлетнего) периода, в течение которого шли мучительные поиски новой концепции мироустройства, сотрудничество в области науки, начавшееся в последний год войны, продолжалось. Однако отрицательный заряд в виде не только действий государств на международной арене, но и высказываний в прессе, накапливался с угрожающей быстротой, чтобы вылиться в противостояние, длившееся более 40 лет.

Сегодня, когда история возникновения холодной войны изучена во всех подробностях, совершенно очевидно, что знаменитая фултонская речь Черчилля, в которой было возведено, что на Европу опустился «железный занавес», явилась лишь одним из первых, пробных «выстрелов». Она имела несколько взаимосвязанных целей разного уровня и разной значимости, и отношения с СССР — лишь один из ее аспектов (однако крайне важный для вовлечения США в противостояние и для принятия ими на себя роли мировой сверхдержавы). Речь вызвала крайне резкую реакцию в советской прессе, включая интервью И.В. Сталина газете «Правда», и в огромной степени способствовала дальнейшей эскалации напряженности²⁵. В то же время возможности для сотрудничества двух стран пока сохранялись.

Исследователи уже давно отмечали, что международная обстановка первых послевоенных лет была запутанной и неопределенной: после распада антигитлеровской коалиции между бывшими союзниками нарастали серьезные противоречия, а в самих США отношение к СССР было весьма двойственным. «Симпатии общественности были на стороне “русских союзников”, а “дядя Джо” вызывал уважение у простых американцев»²⁶. Позиция советской дипломатии,

²⁴ Ibid. P. 31.

²⁵ На русском языке речь Черчилля была опубликована через пятьдесят с лишним лет: Источник. 1998. № 1. С. 93–99.

²⁶ Злобин Н.В. Неизвестные американские архивные материалы о выступлении У. Черчилля 5.ИИ.1946 // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 159.

постоянно подчеркивавшей, что, как главный победитель над фашизмом и главный пострадавший от него, СССР имеет больше прав в решении вопросов послевоенного устройства, особенно в Европе и Азии, также встречала немало сочувствия в политических кругах и общественном мнении Запада. Активизировалась американская коммунистическая пресса, а антикоммунистическая пропаганда только набирала силу. Показательно, что в США, международной репутации которых был нанесен значительный урон атомными бомбардировками Японии, в этот период разворачивалась публичная дискуссия о том, «не будет ли правильным поделиться секретом ядерной бомбы с СССР». И хотя администрация придерживалась противоположной позиции (по словам А. Даллеса, Советский Союз в этом случае считал бы американцев «отчасти слабоумными»), «наверняка нельзя было сказать, кто одержит верх»²⁷.

В условиях неопределенности поиски общих точек соприкосновения продолжались, о чем свидетельствует, в частности, публикация летом 1946 г. в известном американском журнале “Foreign Affairs” двух статей советских специалистов. Е.В. Тарле провел сравнение между Наполеоном и Гитлером, а географ Н.И. Михайлов рассмотрел животрепещущий вопрос о перспективах послевоенного восстановления советской экономики²⁸.

Но уже через год градус противостояния существенно повысился. В июльском номере “Foreign Affairs” была опубликована статья, подписанная буквой “X”, автором которой являлся советник посольства США в Москве Джордж Ф. Кеннан²⁹. Это было переложение знаменитой «длинной телеграммы», направленной им в Вашингтон в феврале 1946 г., где обосновывались и формулировались основные постулаты будущей доктрины «сдерживания коммунизма». Однако симптоматично, что в том же номере была помещена статья

²⁷ Там же. С. 160–162.

²⁸ *Tarlé E. Two invasions // Foreign Affairs. 1946. Vol. 24. N 4. P. 711–714; Mikhailov N. The Soviet peacetime economy // Ibid. P. 633–637.* Редакции был, несомненно, известен разгромный материал Е.В. Тарле по поводу фултонской речи Черчилля, напечатанный в газете «Известия», тем не менее, это не помешало публикации текста историка. Точно так же она наверняка была осведомлена о книге Н.И. Михайлова, вышедшей в самом начале 1945 г., в которой фундаментальной силой русской истории называлась борьба русского народа с теми, кто пытался захватить и поработить страну (*Mikhailov N. The Russian story. The coming of age of a great people. New York, 1945*). Книга, по мнению американского рецензента, балансировала на грани национального шовинизма (*The American Slavic and East European Review. 1945. Vol. 4. N 3–4. P. 218–220*). Публиковались в 1946 г. в “Foreign Affairs” и мнения экспертов по «русскому вопросу», в частности, эмигранта Марка Вишняка и американца Роберта Кернера (о его работах см. ниже).

²⁹ *X. The sources of Soviet conduct // Foreign Affairs. 1947. Vol. 25. N 4. P. 566–582.*

советского экономиста-международника академика Е.С. Варги об «англо-американском соперничестве и партнерстве», где подробно рассматривалось экономическое положение двух стран и фиксировалась попытка Соединенных Штатов втянуть в свою орбиту Великобританию («распадающуюся империю»). Почва, на которой две эти страны могут объединиться, по мнению Варги, — это борьба с коммунизмом и «новыми демократиями»³⁰.

Следует заметить, что публикации в прессе были лишь верхушкой айсберга — той огромной аналитической работы, которая велась в США в 1944–1947 гг. разнообразными специалистами, в том числе экспертами по России. В их оценках перспектив взаимодействия с СССР экономика, продолжением которой считалась политика, занимала центральное место. Американские аналитики, и не только экономисты, пришли к единодушному мнению, что мечты о мировом коммунизме будут пока отодвинуты в СССР на задний план из-за необходимости послевоенного восстановления, с которым страна в состоянии справиться самостоятельно, не обращаясь за внешней помощью. Однако при любой представившейся возможности Советский Союз будет стремиться расширять свое влияние³¹.

В том же экономическом ключе анализировались перспективы международных отношений в статье Варги. Надо отметить, что в своих работах, включая книгу «Изменения в экономике капитализма в итоге второй мировой войны» (1946), Варга подходил к ситуации с большой долей объективности и, в частности, еще в начале 1945 г. спрогнозировал неизбежный подъем производства в США. А в закрытом докладе, подготовленном возглавляемым им Институтом мирового хозяйства и мировой экономики и представленным «наверх», предлагалось сосредоточить усилия на внутреннем укреплении страны и воздержаться от расширения советской сферы влияния в Европе — дабы избежать конфронтации с Западом, которую Советский Союз может не выдержать. Рекомендации такого рода уже были неприемлемы, и осенью 1947 г. Варга был снят с должности директора института, издания его прекращены, а сам институт влит в Институт экономики АН СССР³².

³⁰ Varga E. Anglo-American rivalry and partnership: A Marxist view // Foreign Affairs. 1947. Vol. 25. N 4. P. 583–595.

³¹ Этот сюжет подробно рассмотрен в книге Д. Энгермана: *Engerman D.C.* Op. cit. P. 97–101.

³² См.: *Нежинский Л.Н., Чельшев И.А.* О доктринальных основах советской внешней политики в годы «холодной войны» // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985 гг.). Новое прочтение / Отв. ред. Л.Н. Нежинский. М., 1995. С. 17–18.

В советской экономической науке переход в конфронтационный формат, с неизбежными внутренними репрессиями, произошел очень быстро, о чем свидетельствует пример журнала «Большевик» — главного идеологического органа страны. Если в 1945 г. тон публикаций о США и американской экономике сдержанный, заметно «стремление объективно и даже позитивно оценить союзника», то буквально через год резко возрастает уровень догматизма и идеологизации. Вместо статей в 1946 г. начинают публиковаться рецензии на труды американских авторов, отличающиеся острой критической направленностью по отношению к социально-экономической системе США. Подчеркивается милитаризация американской экономики, рост безработицы, увеличение нищеты трудящихся масс, угнетение негров. Появляются тезисы о роли монополий в разжигании империалистических войн и обесценивающие клише (например, «воротилы с Уолл-стрита») ³³.

Советская историческая наука чуть дольше сохраняла широту взгляда и стремление к сотрудничеству с мировой наукой, хотя такие возможности сужались на глазах. В годы войны в сфере науки шла весьма активная организационная работа, что вылилось, в частности, в создание таких значимых институций, как специальные журналы. В 1941 г. «Историк-марксист» влился в «Исторический журнал» — популярное издание, начавшее выходить в 1937 г. как продолжение небезызвестной «Борьбы классов». С осени 1945 г. по постановлению ЦК ВКП(б) на его базе был организован специализированный журнал «Вопросы истории», орган Института истории АН СССР. В предваряющей его первый номер редакционной статье указывалось, что это «орган исследовательский, а не популяризаторский» ³⁴. Действительно, в первых же номерах мы встречаем имена таких историков, как Н.Н. Воронин, Б.Д. Греков, Н.М. Дружинин, Д.С. Лихачев, А.З. Манфред, А.И. Молок, А.Л. Нарочницкий, Е.В. Тарле, М.Н. Тихомиров и многих других.

В журнале как руководящем органе советской исторической науки предполагалось, наряду с освещением дискуссионных проблем по всем разделам всемирной истории и с «борьбой с пережитками исторического идеализма и разного рода извращениями диалектического материализма», уделять большое внимание между-

³³ Сенявский А.С., Иголкин А.А. Социально-экономическое развитие США в отражении советского официоза (По материалам журнала «Большевик/Коммунист» в 1945–1980 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10. № 1. С. 109–110.

³⁴ Задачи журнала «Вопросы истории» // Вопросы истории. 1945. № 1. С. 3.

народным связям. Журнал «должен стать одним из средств общения с зарубежными странами, тем самым одним из средств влияния на международную историческую мысль», что признавалось задачей большого научного значения, поскольку расширение научных связей обогатит тематику и даст возможность более широко и всесторонне обсуждать волнующие мировую науку проблемы³⁵.

На страницах журнала планировалось также помещать статьи зарубежных историков, разделяющих позиции советской исторической науки. С публикацией зарубежных работ у редакции не слишком хорошо получалось, и международные связи реализовались главным образом косвенно, в разделах «Критика и библиография» и «Хроника научной жизни». Причем крайне трудоемкие для подготовки обзоры иностранной (в основном англоязычной) литературы, «Хроника» и тем более обширные библиографические списки публиковались без указания авторства, в редких случаях подписывались инициалами.

Раздел «Хроника. Историческая наука за рубежом», подписанный инициалами Ф.К., появляется уже во втором номере «Исторического журнала» за 1945 г., а в последующие два года публикуется в «Вопросах истории» систематически. Поражает охват материала: это и мини-обзоры свежих книг по определенной тематике (например, к юбилею английской буржуазной революции), и обзоры содержания отдельных зарубежных журналов, и краткие отчеты о деятельности исторических ассоциаций, библиотек и архивов, об археологических раскопках в разных уголках мира. Этот раздел давал читателю возможность соприкоснуться с мировой наукой, которую пока еще не отделял «железный занавес». Трудности контактов относили за счет проблем военного времени и его последствий.

В годы войны советские историки с интересом следили за деятельностью американских коллег, в том числе русистов — достаточно указать на большую, почти на два печатных листа, рецензию В.К. Яцунского, опубликованную в 1945 г.³⁶ В ней подробно (по главам) и с большими цитатами раскрывается содержание книги Р. Кернера «Стремление к морю» и книг двух его учеников, Р. Фишера и Г. Ланцева³⁷.

³⁵ Там же.

³⁶ Яцунский В. Изучение истории СССР в Калифорнийском университете США // Вопросы истории. 1945. № 5–6. С. 186–200.

³⁷ Kerner R. J. The urge to the sea. ...; Lantzeff G. V. Siberia in the seventeenth century. A study in colonial administration. University California Publ. History. 1943. Vol. 30; Fischer R. H. The Russian fur trade, 1550–1700. University California Publ. History. 1943. Vol. 31.

Рецензии предшествовало серьезное знакомство с американской исторической наукой³⁸, поэтому неудивителен основательный подход, отраженный в ее заглавии: автор прямо указывает на явление, получившее в современной отечественной историографии название «калифорнийской школы»³⁹.

В.К. Яцунский (1893–1966) — выдающийся специалист по исторической географии, исследователь проблем генезиса капитализма в России. Как исторический географ он подошел и к концепции Кернера, навеянной трудами С.М. Соловьева (которому посвящена книга). В формулировке этой концепции, данной Яцунским, присутствует характерная для всей рецензии доброжелательная критика: «Географический фактор — направление естественных водных путей Восточной Европы и Северной Азии — оказался у него не только основной могущественной силой, сформировавшей территорию нашего государства, но и силой, неизменно и одинаковым образом действовавшей на всем протяжении более чем тысячелетней истории страны, несмотря на смену на территории России различных типов общества». Так получилось, продолжает рецензент, потому, что вместо того, чтобы положить в основу исследования смену социально-экономических формаций, Кернер рассматривает формирование территории России в отрыве от социальных сил, от народа как творца истории⁴⁰.

Заслуживает внимания глубина рассмотрения концепции Кернера, ведущей свое происхождение от французской географической школы и опирающейся на труды Люсьена Февра, которой рецензент дает развернутую характеристику. Затем он предлагает свой вариант территориального развития России, предваряя изложение замечанием о сходстве (которое «не должно закрывать от нас и весьма существенных различий») с процессом создания территории США, и подчеркивает, что «явление, аналогичное тому, которое в истории США обозначается термином *frontier*, существовало и в нашей истории»⁴¹.

Подводя итоги рецензии, Яцунский пишет, что концепция Кернера «решительно не согласуется» с приведенными здесь фактами, однако его труд представляет большой интерес для советского чи-

³⁸ См.: Яцунский В. Развитие исторической науки в Соединенных Штатах Америки // Исторический журнал. 1944. № 12. С. 52–63; Он же. Альбом американской истории. Колониальный период // Вопросы истории. 1945. № 3–4. С. 145.

³⁹ См. также: Kotkin S. Robert Kerner and the North Asia seminar // Acta Slavica iaponica. 1995. Vol. 15. P. 93–113.

⁴⁰ Яцунский В. Изучение истории СССР в Калифорнийском университете США... С. 194.

⁴¹ Там же. С. 195.

тателя. Продвижение к морю — крупное явление в русской истории, а констатированное американским автором географическое и экономическое единство России «является несомненным фактом». Значительную ценность представляют, подчеркивает он, и двадцать карт, приложенных к книге⁴².

Доброжелательность рецензента весьма необычна. Отмечая недостатки или упущения в рецензируемых монографиях, он извиняет многие из них отсутствием доступа американцев к архивам, тем, что в силу условий военного времени не все новые книги успели дойти до США, наконец, недостаточной опытностью молодых ученых, учеников Кернера, в исследовании сложных проблем отдаленной страны. Но в то же время Яцунский указывает на глубокое знание ими российской и советской историографии, внимание к терминологии и адекватности ее перевода на английский язык. В последующие годы он также рецензировал американские книги, но уже по истории и экономике США.

Среди немногих работ зарубежных русистов, получивших освещение на страницах журнала «Вопросы истории», — «Древняя Русь» Г.В. Вернадского. Ее рассмотрели двое рецензентов в рубрике «Критические статьи», только что появившейся в журнале⁴³. Первый из авторов, С.П. Толстов, к тому времени известный археолог и директор только что созданного Института этнографии АН СССР, с особым вниманием отнесся к обоснованию актуальности труда Вернадского. Он отметил огромный интерес к Советскому Союзу и его культуре, «к героическому настоящему и великому прошлому его народов» в зарубежных странах, в том числе союзников в войне с Германией. В русле этого интереса лежит и проект Йельского университета по изданию десятитомной истории России, первые шесть томов которой, до XVIII в., должен был написать Вернадский, остальные четыре, начиная с XIX в. — Карпович. Для рецензента особенно важным представляется выяснить, «насколько правильное представление о последнем слове науки в области древней истории России вынесет американский читатель из первого тома этого широко задуманного труда»⁴⁴.

Второй рецензент, историк М.Н. Тихомиров, фактически дополняет Толстова, будучи солидарен с ним в основных моментах. Оба

⁴² Там же. С. 199.

⁴³ Толстов С. Древнейшая история СССР в освещении Г. Вернадского // Вопросы истории. 1946. № 4. С. 113–124; Тихомиров М. Славяне в «Истории России» проф. Вернадского // Там же. С. 124–129. Обращает на себя внимание уровень рецензентов — авторитетных ученых, уже тогда занимавших высокие позиции в науке.

⁴⁴ Толстов С. Указ. соч. С. 113.

они критически относятся к общей концепции Вернадского, в соответствии с которой древняя история России, с неолита и до начала Киевской Руси, представляет собой бесконечную смену народов (с выделением «народов-господ», «организаторов»), последовательно вытесняющих друг друга на обширной территории «степи». Вызывает у них нарекания географический ареал исследования, называемый Вернадским «Евразией», который, как пишет М.Н. Тихомиров, по сути совпадает с границами Российской империи — образования сравнительно нового. Толстов критикует и общую концепцию евразийцев за узость взгляда, сосредоточенного на кочевниках южных степей вне их связей с древними культурными очагами Кавказа и Средней Азии. Ее вредность, по мнению Толстова, заключается прежде всего в том, что она подразумевает противопоставление России (и СССР) и Европе, и Азии⁴⁵.

Серьезное несовпадение взглядов обнаруживается в вопросе о происхождении Русского государства, подробно рассмотренном Толстовым. Отмечается отсутствие внимания к этногенезу славян и к их истории в целом, изложенной фрагментарно и с серьезными ошибками, чему уделил внимание Тихомиров. Оба рецензента отметили, с одной стороны, знакомство Вернадского с советской литературой, с другой — очень слабое ее использование.

Толстов совершенно справедливо заметил и подчеркнул главную слабость книги Вернадского: эклектизм, некритическое использование противоречивых и непроверенных гипотез и датировок, игнорирование всего, что противоречит его гипотезам, нагромождение одной недоказанной конструкции на другую. Этот метод «глубоко чужд духу советской исторической науки» с ее строгой критикой источников и одновременным стремлением раскрыть внутреннюю закономерную связь явлений⁴⁶. Тихомиров, характеризуя метод Вернадского, постоянно употребляет слово «произвол», в частности, в области объяснения имен и географических названий. По его мнению, Вернадский периодически переходит ту грань, за которой история перестает быть наукой, и признает книгу «большой неудачей»⁴⁷.

В то же время отмечается то благоприятное впечатление, которое при первом взгляде производит книга Вернадского: широкий исторический фон, увязка фактов русской истории с историей других народов, привлечение самого разного рода источников, включая

⁴⁵ Тихомиров М. Указ. соч. С. 124–125; Толстов С. Указ. соч. 17–118.

⁴⁶ Толстов С. Указ. соч. С. 124.

⁴⁷ Тихомиров М. Указ. соч. С. 129.

археологические, наконец, обращение к глубокому прошлому страны, выстроенное в единый нарратив⁴⁸.

Однако уже в следующем, 1947 г., тон рецензентов меняется. В журнале появляются по-настоящему разгромные статьи, начиная с установочного для будущих критиков буржуазной советологии исторического обзора зарубежного общественного мнения. В октябрьском номере впервые в заголовке возникает словосочетание «фальсификаторы истории», которое в 1948 г. прочно поселяется на страницах журнала⁴⁹. Исчезает раздел «Хроника научной жизни за рубежом», на смену ему приходят сообщения о научной жизни в советских республиках. Изменяется сам характер и уровень содержания журнала, включая состав авторов, но этот сюжет представляет собой отдельную исследовательскую задачу.

Что касается рецензий работ зарубежных русистов, интересен отклик А. Гальперина на книгу американского профессора Э. Забриски о внешней политике держав в 1895–1914 гг., который носит в какой-то степени переходный характер⁵⁰. При определенной объективности изложения автор завершает ее пассажем, стилистика которого станет востребована в последующие годы: «Так цинично реакционные круги американских ученых издеваются над своими величайшими государственными деятелями, над американскими гражданами, павшими в ожесточенной войне с японскими империалистами, и над большим, героическим периодом своей истории»⁵¹.

Показательной для последующего времени является рецензия М.Н. Тихомирова на книгу Н.К. Чадвик о начальном периоде истории России⁵². По признанию самой Чадвик, краткость ее книги обусловлена трудностями военного времени, и потому изложение никак нельзя назвать исчерпывающим, — что не помешало советскому

⁴⁸ Толстов С. Указ. соч. С. 123–124. Те же претензии к небрежности метода Г. Вернадского были высказаны в подробной рецензии Р. Фрая (*Frye R.N. Rec.: George Vernadsky. Ancient Russia // The American Slavic and East European review. 1946. Vol. 5. N 1–2. P. 212–221*). Куда мягче был рецензент «Русского обозрения» А. Васильев, но в целом книга Вернадского не получила широкого признания в американской русистике.

⁴⁹ Рубинштейн Н. Советский Союз и зарубежное общественное мнение // Вопросы истории. 1947. № 2. С. 8–29; *Он же*. Реакционные американские профессора — фальсификаторы истории советской внешней политики // Там же. № 10. С. 138–141. Вскоре автор этих статей опубликовал монографию «Советская Россия и капиталистические государства в годы перехода от войны к миру» (М., 1948).

⁵⁰ Гальперин А. Забриски Эдуард. Американско-русское соперничество на Дальнем Востоке // Вопросы истории. 1947. № 4. С. 137–140.

⁵¹ Там же. С. 140.

⁵² Тихомиров М. Откровения Чадвик о начале русской истории // Вопросы истории. 1948. № 4. С. 112–115.

рецензенту обрушиться именно на это обстоятельство. Но больше всего обращает на себя внимание стилистика рецензии, называющей книгу Чадвик «беседами за чайным столом» дилетантов, с использованием таких выражений, как «самое пикантное», «автор глубоко-мысленно замечает», «лингвистические упражнения». Всё это напоминает отчитывание мэтром нерадивой школьницы. В итоге книгу Чадвик он называет «плодом самонадеянной и невежественной стряпни». Но примечательно, что автор рецензии объединяет Чадвик и Вернадского (фигуры безусловно несопоставимые по своему масштабу) в риторическом вопросе: «чем отличаются труды Чадвик и Вернадского от сочинений провинциальных русских батюшек?»⁵³.

Главная претензия Тихомирова к автору книги состоит в том, что в ее изложении «русская история — это, собственно, история скандинавских завоевателей, а не великого славянского племени»⁵⁴. Действительно, Чадвик, будучи по своей основной специализации медиевистом, указала на важность исландских саг для реконструкции истории докиевского периода и подробно разобрала одну из них. В настоящее время значение этого источника является общепризнанным⁵⁵.

И все же «сражения» с западной буржуазной историографией находились на периферии того поля борьбы и идеологических репрессий, которое представляла собой советская историческая наука в послевоенные годы. Основные удары были направлены вовнутрь. На страницах журнала «Вопросы истории» публикуются по-настоящему разгромные материалы, в частности, об обсуждении книги Н.Л. Рубинштейна «Русская историография» (1941). Главной ошибкой автора называлось то обстоятельство, что «он почти о каждом из дворянских и буржуазных историков находит случай сказать доброе слово»⁵⁶. Или не менее разгромная по своей сути рецензия на фундаментальную монографию С.Б. Веселовского⁵⁷. Разоблачения зарубежных «фальсификаторов» происходили точно, и наиболее острым (и востребованным) был вопрос о начале Второй мировой войны. Опубликованная Совинформбюро в 1948 г. брошюра «Фальсификаторы истории» предоставила и теоретическую, и

⁵³ Там же. С. 114.

⁵⁴ Там же. С. 112–113.

⁵⁵ См., в частности: Древняя Русь в свете зарубежных источников: Учеб. пособие для студентов вузов / М.В. Бибииков, Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон и др. М., 1999; Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. М., 2011.

⁵⁶ Мордвишин И. Обсуждение книги проф. Н.Л. Рубинштейна // Вопросы истории. 1948. № 1. С. 154.

⁵⁷ Смирнов И. С позиций буржуазной историографии // Вопросы истории. 1948. № 10. С. 113–124.

фактологическую, и стилистическую основу для последующих боев с «тлетворным влиянием Запада» и выстраивания соответствующего исторического образа СССР⁵⁸.

Отголоски сражений советских историков можно встретить на страницах «Русского обозрения», например, статью совсем тогда юного Н. Рязановского о норманской теории⁵⁹. В то же время обращает на себя внимание обилие рецензий на книги, посвященные России и СССР. Тематика этих книг была разнообразна и простиралась от проблем внешней политики до повседневности, по своему жанру они были как специально-научные, так и публицистические. Но в большинстве из них присутствовал исторический образ России, к которому апеллировали их авторы в своем изложении, — так называемый консервативно-пессимистический образ «вековечной Руси» (eternal Russia), в которой ничего не менялось со времен Ивана Грозного⁶⁰. Борьба с таким видением русской истории и велась во многих опубликованных в «Русском обозрении» рецензиях, что с большой полнотой было реализовано в текстах М.М. Карповича.

В подробнейшей рецензии на книгу Веры Дин он одно за другим опровергает ее утверждения, касающиеся русской истории⁶¹. Автор постаралась дать общий портрет современной России с целью оценить возможности советско-американского сотрудничества. Она стремится к объективности, которая в ее представлении состоит в рассмотрении всех сторон вопроса и в учете всех точек зрения, что приводит, по мнению Карповича, к неразрешимым противоречиям. Невозможно прийти к компромиссу, если, по ее же словам, в СССР объявляются фашистами «все группы, находящиеся в оппозиции к России или к своим собственным коммунистам»⁶².

Однако главные претензии Карпович предъявляет к методу автора, пытавшейся представить современную Россию в исторической перспективе. В. Дин проявляет законный интерес к преемственности, которую, к сожалению, представляет себе в сильно упрощенной форме и совершенно не учитывает мощные изменения, происходившие в течение XIX в. Отсюда неверные заключения, которые рецензент книги последовательно развенчивает. Вопреки убеждению

⁵⁸ См., в частности: *Николаев И.* Новое разоблачение фальсификаторов истории // Вопросы истории. 1948. № 4. С. 106–112.

⁵⁹ *Riazanovsky N.* The Norman theory of the origin of the Russian state // The Russian review. 1947. Vol. 7. N 1. P. 96–110.

⁶⁰ См.: *Журавлева В.И.* Указ. соч.

⁶¹ *Karpovich M.* Rec.: Dean V.M. The United States and Russia. Cambridge: Harvard university press, 1947. 321 p. // The Russian review. 1948. Vol. 7. N 2. P. 88–91.

⁶² Ibid. P. 91.

В. Дин, капитализм в России активно развивался в последние 50 лет существования царского режима, а крестьяне обладали хорошо развитым «инстинктом частной собственности», о чем свидетельствует политика и Ленина, и Сталина, очень его опасавшихся. Сильные сомнения вызывают у Карповича суждения автора о национальной психологии русских, в частности, о присущем им исконном недоверии к иностранцам и о «чувстве мессианского предназначения», которое скорее представляет собой «плод идеологической догмы панславизма», а затем — коммунизма межвоенного периода, но вовсе не составную часть массового сознания. Точно так же неверным он признает расхожее мнение, что русские восприняли лишь внешний фасад вестернизации, остающейся чуждой «русскому духу». Вся интеллектуальная история России Нового времени свидетельствует об обратном, да и народные массы не отвергали плоды западной цивилизации, когда имели к ним доступ⁶³.

Наибольшие возражения вызывает у Карповича утверждение, что весь ход русской истории представляет собой «последовательную смену самодержавных правлений», что делает приход к власти Ленина и затем Сталина фактически неизбежным. Карпович обращается к истории революционного движения и краткого, но продуктивного периода конституционализма, а затем и февральской революции с ее лозунгом «Долой самодержавие!», чтобы опровергнуть такие широко распространенные постулаты, как «русские были воспитаны в традиции абсолютизма» и «государство в России превыше всего». Но прежде всего, пишет он, нужно видеть фундаментальные различия между абсолютизмом «старого режима» и современной тоталитарной диктатурой, которая является «идеократией» и обладает доведенным до совершенства «аппаратом убеждения и принуждения»⁶⁴.

Тема преемственности и изменений, и в первую очередь в ее связи с дебатами о тоталитарной природе России/СССР, занимала большое место в научной рефлексии Карповича. Считая, что царская Россия шла по тому же пути, что и Европа, лишь немного «запаздывая», а революция 1917 г. представляла собой кардинальный разрыв с прошлым, он старался привить такие взгляды своим ученикам в Гарварде. В 1946–1948 г. в его семинарах занимались около 20 человек, в том числе М. Малиа, М. Раев, Х. Роггер, Н. Рязановский, Д. Тредголд, Л. Хеймсон и многие другие⁶⁵. Они составили костяк

⁶³ Ibid. P. 89–90.

⁶⁴ Ibid. P. 88.

⁶⁵ См.: *Болховитинов Н.Н.* Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005.

так называемого первого поколения историков-русистов в США, и большинство из них (наиболее яркое исключение — Р. Пайпс) придерживались подобных же воззрений. Проблеме преемственности и изменений была посвящена конференция, прошедшая в 1954 г. В сборнике, выпущенном по ее итогам в честь Карповича, приняли участие 27 его учеников, которые к тому времени уже стали ведущими специалистами⁶⁶. В их работах было показано, что «изменения» в значительной мере перевешивают элементы «преемственности», и если концепция тоталитаризма и приложима к СССР, то к царской России она не имеет отношения.

«Тоталитарная парадигма» опиралась на консервативно-пессимистический образ «неизменно» рабской и деспотической России, который принадлежал к публичному дискурсу и в послевоенные годы имел колоссальный вес⁶⁷. Историки-русисты вели с ним неустанную борьбу, противопоставив ему в своих исследованиях образ страны, идущей европейским путем, который и стал преобладающим в исторической русистике в 1960–1980-е гг. И хотя в периоды обострения отношений двух стран публичный дискурс немедленно извлекает на поверхность образ «вековечной Руси» с самыми негативными коннотациями, выплескивая на страницы прессы старые идеи об извечном российском деспотизме и мессианстве, профессиональное изучение истории России в США продолжает развиваться, как оно развивалось в тяжелейший период идеологической конфронтации конца 1940-х — начала 1950-х гг.

Список литературы

Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М.: РОССПЭН, 2005. 142 с.

Большакова О.В. Проблема «Россия и Запад» в англоязычной историографии 1940–1960-х гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2020. № 5. С. 65–77.

Древняя Русь в свете зарубежных источников: Учебное пособие для студентов вузов / М.В. Бибииков, Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон и др. М.: Логос, 1999. 605 с.

Журавлева В.И. Понимание России в США: Образы и мифы: 1881–1914. М.: Издательский центр РГУ, 2012. 1140 с.

⁶⁶ Continuity and change in Russian and Soviet thought / Ed. by E.J. Simmons. Cambridge (Mass.), 1955.

⁶⁷ Подробнее об этом см.: *Большакова О.В.* Проблема «Россия и Запад» в англоязычной историографии 1940–1960-х гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2020. № 5. С. 65–77.

Злобин Н.В. Неизвестные американские архивные материалы о выступлении У. Черчилля 5.III.1946 // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 156–169.

Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2011. 474 с.

Нежинский Л.Н., Челышев И.А. О доктринальных основах советской внешней политики в годы «холодной войны» // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985 гг.). Новое прочтение / Отв. ред. Л.Н. Нежинский. М.: Международные отношения, 1995. С. 9–46.

Плате А. Трудности российского понимания современной немецкой русистики // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 4. С. 1326–1334.

Сенявский А.С., Иголкин А.А. Социально-экономическое развитие США в отражении советского официоза (По материалам журнала «Большевик/Коммунист» в 1945–1980 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 10. № 1, 2008. С. 105–118.

Byrnes R.F., Geroid T. Robinson: Founder of Columbia University's Russian Institute // Byrnes R.F. A history of Russian and East European studies in the United States. New York; London: University Press of America, 1994. P. 206–217.

Continuity and change in Russian and Soviet thought / Ed. by E.J. Simmons. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1955. XII, 563 p.

Engerman D.C. Know your enemy: The rise and fall of America's Soviet experts. Oxford: Oxford university press, 2009. X, 459 p.

Kotkin S. Robert Kerner and the North Asia seminar // Acta Slavica iaponica. 1995. Vol. 15. P. 93–113.

Randall F. Introduction // Pares B. Russia: Between reform and revolution. New York, 1962. P. XI–XII.

Seton-Watson H. Benedict Humphrey Sumner, 1893–1951 // The Slavonic and East European Review. 1951. Vol. 30. N 74. P. 260–262.

Von Mohrenschildt D. The founding of the Russian Review: A memoir // The Russian review. Vol. 60. N 1. P. 4–6.

Поступила в редакцию
6 августа 2022 г.

З.С. Ненашева

«ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО УЧЕБНИК»: ИЗ ИСТОРИИ КАФЕДРЫ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

Z.S. Nenasheva

“HIS MAJESTY, THE TEXTBOOK”: FROM THE HISTORY OF THE DEPARTMENT OF SOUTHERN AND WESTERN SLAVS IN THE FACULTY OF HISTORY AT THE MOSCOW STATE UNIVERSITY

Аннотация. В статье рассматривается 75-летний путь создания учебников по истории южных и западных славян на историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. Первый из них был задуман в 1947 г., а издан в 1957 г. Он стал итогом плодотворной научной, преподавательской деятельности членов кафедры и привлеченных сотрудников Института славяноведения АН СССР. В теоретическом плане он являлся свидетельством победы марксистско-ленинской концепции в университетском славяноведении. Подготовка второго учебника шла на фоне острейшей дискуссии о замене прежней дисциплины историей стран, строящих социализм. В этой связи в статье впервые введены в научный оборот архивные материалы, освещающие подготовку, ход и решения Научной межвузовской конференции историков-славистов (февраль 1962 г.). Это позволило раскрыть отношение к концепции второго издания, по сути, всего славистического сообщества СССР. Учебник вышел в 1969 г., весь его текст был написан заново. Однако исключительно по политическим мотивам значительная часть тиража, о чем мало известно даже научной общественности, была уничтожена. Следующее учебное пособие в виде курса лекций по истории южных и западных славян было опубликовано лишь через 10 лет — в 1979 г. Силами кафедры 13 тыс. экземпляров этого издания было разослано в 58 университетов страны. Потребовалось еще 20 лет для того, чтобы подготовить новый полноценный учебник. Он увидел свет в двух томах в 1998 г., выдержал два переиздания (2001, 2008 гг.). В нем представлена история славянских народов до середины 1990-х гг. Современная точка

Ненашева Зоя Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Nenasheva Zoya Sergeevna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of History of Southern and Western Slavs, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

+7-495-939-56-50; bonner2@yandex.ru

зрения на прошлое славян с древнейших времен до 2019 г. изложена в только что (сентябрь 2022 г.) вышедшем классическом учебнике в трех томах. Появление именно такого варианта предопределили сама логика развития славянских народов, учебно-методический подход, а также более глубокий взгляд авторов на дисциплину.

Ключевые слова: история южных и западных славян, университетский учебник, Институт славяноведения АН СССР, периодизация истории, конференция историков-славистов 1962 г., политизация исторической науки.

Abstract. This article deals with the 75-year period of writing textbooks on the history of Southern and Western Slavs in the Department of History at Lomonosov Moscow State University. The first textbook was conceived in 1947 and published in 1957. It resulted from the fruitful researching and teaching of the members of the Department and the Institute of Slavonic Studies of the USSR Academy of Sciences. Theoretically, it testified to the victory of the Marxist-Leninist concept in the University Slavic Studies. The preparation of the second textbook took place against the backdrop of a heated debate on the replacement of the former discipline with the history of the countries building socialism. For the first time the article introduces the archival materials relating to the preparation, course and decisions of the interuniversity conference of historians in the area of Slavic Studies (February 1962). This allowed us to reveal the attitude of the entire Slavistic community of the USSR to the concept of the second edition. The completely new textbook came out in 1969. However, a significant part of its print run was destroyed for purely political reasons. This fact is little known even to the scholarly community. Another textbook in the form of a course of lectures on the history of Southern and Western Slavs appeared only ten years later, in 1979. Its 13 000 copies were distributed by the Department to 58 universities of the USSR. 20 more years were necessary to prepare a new textbook. In 1998 it appeared in two volumes and was reprinted in 2001 and 2008. A current view of the Slavic history from antiquity to 2019 is presented in the just published standard textbook in three volumes (September 2022). The emergence of this particular version was predetermined by the very logic of the history of the Slavic peoples, as well as the necessity for application of its authors' educational and methodological approaches and a fresh look at the discipline.

Keywords: history of Southern and Western Slavs, university textbook, Institute of Slavonic Studies of the USSR Academy of Sciences, periodization of history, 1962 conference of historians of Slavic studies, politicization of history.

* * *

Кафедра истории южных и западных славян на историческом факультете Московского университета была структурирована 1 сентября 1939 г., положив начало университетской славистике в нашей стране¹. Уже в 1940 г., несмотря на весьма ограниченный состав кол-

¹ Самый подробный очерк истории кафедры опубликован в сборнике, посвященном ее 80-летию: *Ненашева З.С., Матвеев Г.Ф.* Кафедра истории южных и западных славян // *Историки-слависты МГУ. Кн. 13. Славянских древностей обитель. Кафедре истории южных и западных славян — 80 лет. М., 2020. С. 10–85.*

лектива, была начата разработка марксистской концепции истории зарубежных славянских народов. Крупнейшие ученые, стоявшие у истоков кафедры², считали, что новая учебная литература должна быть пронизана идеями марксизма. Для обеспечения только что открытой специализации учебной литературой требовалось несколько качественных изданий, но главным в этом ряду был учебник.

В разработанном академиком В.И. Пичетой пятилетнем плане научно-исследовательской работы кафедры на 1946–1950 гг. создание учебников было выделено как одно из приоритетных направлений научных исследований. Первоначально предполагалось сосредоточиться на издании пособий по истории отдельных стран. Однако вскоре эта концепция изменилась. В мае 1947 г. В.И. Пичета уведомил коллектив кафедры, что от Комитета по делам высшей школы при Совете Министров СССР поступила рекомендация приступить к работе над «всеобъемлющим» учебником. Стимулирующим фактором для реализации этого проекта стало постановление правительства о строительстве нового здания МГУ на Ленинских горах. В марте 1948 г. было принято практически не реализуемое обязательство — «подготовить в течение двух лет к печати учебник по истории южных и западных славян»³.

Выполнению этой задачи важнейшее значение придавал профессор С.А. Никитин, после смерти В.И. Пичеты взявший на себя руководство кафедрой (1947–1961 гг.). Он считал, что необходимо также участие сотрудников Института славяноведения АН СССР⁴.

Учебник мог стать базой для создания лекционных курсов по истории отдельных стран, подготовки к публикации сборников документов, написания монографических трудов и т.д.⁵ Такое видение этого проекта открывало перед большой группой ученых возможности как для качественного обеспечения учебного процесса, так и для индивидуальных исследований. Однако на практике быстро оформилась и стала превалирующей тенденция полного подчинения научной работы членов кафедры задачам образовательного процесса.

² Отцами-основателями стали: член-корреспондент с 1939 г., академик с 1946 г. В.И. Пичета (1878–1947); иммигрировавший в СССР по политическим причинам профессор Пражского университета Зд. Неядлы (1877–1962), с осени 1939 г. преподававший на кафедре; а также профессор С.А. Никитин (1901–1979), зачисленный в штат в 1942 г.

³ На тот момент в штате кафедры состояли профессор, доцент, старший преподаватель, два преподавателя имели по ½ ставки, семь человек работали на условиях почасовой оплаты (См.: Историки-слависты МГУ. Кн. 13. Славянских древностей обитель ... С. 17).

⁴ С 1947 г. С.А. Никитин заведовал в Институте славяноведения сектором истории зарубежных славянских народов периода феодализма и капитализма.

⁵ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Ед. хр. 159. Л. 25–27.

В 15-летнем плане работы кафедры, обсуждавшемся в январе 1952 г., приоритетной задачей оказалось написание учебника. В противовес этому замыслу И.М. Белявская, оказывавшая особое влияние на кафедральную атмосферу⁶, настаивала на публикации очерков по отдельным странам, чтобы затем интегрировать их в единый учебник⁷.

Несмотря на возражения, все силы коллектива кафедры и части сотрудников Института славяноведения АН СССР были брошены на подготовку учебника. Авторы осознавали сложность стоящих перед ними задач, о чем говорили И.М. Белявская и И.А. Воронков⁸: ведь «буржуазное славяноведение не создало обобщающих работ, рассматривающих процесс исторического развития этих народов с древнейших времен вплоть до современности в их сопоставлении и синхронности»⁹.

Особую интенсивность работа над учебником приобрела в 1953 г., несмотря на то что условия для творчества и педагогической деятельности были далеко не безоблачными. С одной стороны, к этому времени сформировалось ядро кафедры, защитили кандидатские диссертации ее ведущие преподаватели — И.М. Белявская (1950), В.Г. Карасев (1951)¹⁰, И.А. Воронков (1951), которые мечтали завершить свои монографические исследования. С другой — перманентно, с разной степенью интенсивности, на факультете дискутировался вопрос о создании новой структуры — специального отделения по истории стран народной демократии. Его появление означало бы перепрофилирование работы кафедры, чреватое ее закрытием. В этой связи появление учебника по истории южных и западных славян могло бы стать весомым фактором для ее сохранения. И он вышел в свет в 1957 г.¹¹

⁶ См. подробнее о ней: Профессор МГУ И.М. Белявская. Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора МГУ И.М. Белявской. М., 2005.

⁷ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Ед. хр. 271. Л. 18.

⁸ См. подробнее о нем: Иван Александрович Воронков — профессор-славист Московского университета. Материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения И.А. Воронкова (1921–1983). М., 2001.

⁹ *Белявская И.М., Воронков И.А.* Советское славяноведение в Московском университете // Вестник Московского университета. Сер. 9. История. 1968. № 1. С. 3–11.

¹⁰ О вкладе В.Г. Карасева в жизнь кафедры см. подробнее: Югославянская история в новое и новейшее время. Материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения профессора В.Г. Карасева (1922–1991). М., 2002.

¹¹ История южных и западных славян / Под ред. И.М. Белявской, С.А. Никитина, И.Н. Частухина. М., 1957. В состав авторского коллектива вошли от кафедры: И.М. Белявская, В.Г. Карасев, С.А. Никитин, Б.М. Руколь, И.Н. Частухин, профессор кафедры славянских языков и славянской литературы филологического факультета В.Т. Дитякин, а также Ю.В. Бромлей, В.Д. Корольюк, М.В. Миско, А.И. Недорезов, С.И. Прасолов, В.И. Фрейдзон из Института славяноведения АН СССР.

Бесспорно, авторским коллективом была проделана колоссальная работа. И официальные рецензенты, и административные структуры, и преподаватели этого предмета в университетах страны оценили ее по достоинству. Учебник рассматривался как важный итог научной, преподавательской деятельности членов кафедры на протяжении 10 лет. В теоретическом плане он являлся свидетельством победы марксистско-ленинской концепции в университетском славяноведении. Это означало, что приверженность принципу партийности науки, классовый подход, т.е. рассмотрение исторического процесса через призму классовой борьбы, формационная теория стали основополагающими в освещении наиболее сложных периодов истории южных и западных славян.

Однако этого «краеугольного камня» в фундаменте безоговорочного сохранения кафедры оказалось недостаточно. Идея замены славяноведения историей стран социалистического содружества («народной демократии») была жива и в начале 1960-х гг. В противостоянии этому замыслу новый заведующий кафедрой И.А. Воронков (1961–1973) использовал свои организаторские способности и административный ресурс. В результате, при поддержке С.А. Никитина (который стал заместителем директора Института славяноведения АН СССР), ему удалось привлечь к этой политизированной проблеме внимание славистических сил всей страны.

Исключительно оперативно была создана Научная межвузовская конференция историков-славистов. Она прошла 6–10 февраля 1962 г. Фактически в ней участвовало всё славистическое сообщество страны: только иногородних преподавателей истории южных и западных славян приехало 36 человек¹².

Основной доклад был сделан С.А. Никитиным¹³. Прежде всего, он озвучил свою оценку издания 1957 г. Она была весьма позитивной. Остановившись на времени его появления, Сергей Алексан-

¹² Архив кафедры истории южных и западных славян. Ф. Х. Научная конференция историков-славистов. 6–10 февраля 1962 г., Москва. В этом фонде всего 6 папок. Особый интерес для нас представляет Папка № 4 — со стенограммой второго дня совещания, посвященного исключительно обсуждению проекта нового учебника. Стенограмма занимает около 100 страниц, последняя обозначена номером 96а. Это второй выправленный, отредактированный и авторизованный всеми выступавшими экземпляр стенограммы. Следует отметить, что порой уточнений так много, что бывает трудно восстановить первоначальный вариант. Оригинальный первый экземпляр машинописи, подготовленный стенографическим бюро, находится в Папке № 5. Кроме того, полезными были Папка № 1 — переписка к совещанию историков-славистов, папка № 2 — со списками регистрации участников на каждый день заседания, № 6 — с их анкетами и другие дела.

¹³ Архив кафедры. Ф. Х. Папка № 4. Стенограмма доклада С.А. Никитина. С. 1–19.

дрович подчеркнул, что учебник восполнил отсутствие на тот момент в советской историографии страноведческих работ по истории «основных славянских стран»¹⁴, в которых создание обобщающих трудов также находилось еще «в начальной стадии». Что касается методологии, определившей содержание учебника, то, по мнению докладчика, «учебник был первым марксистским обзором истории славянских стран, отличающимся принципиальными основами». Из очевидных трудностей, с которыми столкнулись авторы, был назван поиск материалов, поскольку им предстояло впервые освещать многие события современности. В свою очередь, редколлегии пришлось «вести упорную борьбу, чтобы придать курсу более или менее пропорциональные размеры».

С.А. Никитин объяснял выбор верхней хронологической границы — 1945 г. — исключительно объективными обстоятельствами. «Отсечь весь период народной демократии» пришлось в силу его сложности и не изученности. Кроме того, авторский коллектив вынужден был отказаться от освещения истории культуры славянских народов, так как оказался не готов к рассмотрению историко-культурной проблематики «как задачи в высшей степени сложной».

Для кафедры было важно, что, несмотря «на ряд пробелов и несомненные недостатки»¹⁵ учебник «был воспринят положительно» как в славянских странах, так и в совсем «неожиданных для нее» центрах, например в Австрии и Австралии. Из славянских государств Сергей Александрович выделил Югославию, в которой учебник привлек внимание тем, что в нем Македония «упоминалась как особая область со своим историческим прошлым», хотя история ее «в книге была освещена недостаточно».

С.А. Никитин определил и алгоритм дальнейшей дискуссии. Для того чтобы обсуждение носило деловой характер, он выделил две группы проблем. Первая, по его оценке, бесспорная, содержала несколько позиций: учебник должен охватывать историю всех славян, в том числе сербов-лужичан и «македонцев». Не ставил под сомнение он и включение глав по истории культуры, несмотря на недостаток серьезных разработок по этой проблематике и отсутствие такой традиции в отечественных учебниках. Определился он и в отношении хронологических границ. Примечательно, что в стенограмме рукой С.А. Никитина поверх машинописного текста было вписано,

¹⁴ Действительно, на тот момент из академических обобщающих трудов была опубликована только «История Болгарии» (М., 1954).

¹⁵ Речь шла об отсутствии параллелей славянской истории с историей Европы, о неудачной структуре, обусловившей дробление материала, и особенно о недостаточном объеме актуализирующих изложение событий.

что «после XXII съезда партии учебник, не отражающий строительство социализма в странах народной демократии, не имеет права на существование»¹⁶.

Эти новые подходы должны были определять структуру учебника. Кроме того, она должна была соответствовать лекционному курсу, а в нем лишь одна треть лекций отводилась эпохе феодализма. Модернизировать следовало список литературы, дополнив его изданиями на славянских и европейских языках и привязав к конкретным разделам.

Хорошо обдуманной была позиция и по второй группе проблем, требовавших широкого обсуждения. Речь шла о месте историографии в новом издании учебника. Сергей Александрович занял вполне здравую позицию. Подробно остановившись на значении курса славянской историографии как самостоятельной дисциплины, он настаивал на том, чтобы «не вводить в учебник историографических экскурсов». При этом он сослался на то, что в планах исторического факультета МГУ предусматривалось издание специального учебного пособия. Столь же определенно Никитин высказался против включения в учебник источниковедческих сюжетов.

Довольно любопытно читать рассуждения Сергея Александровича по поводу объема нового учебника. Издание 1957 г. было внушительным — 51, 5 печатных листа. В этом контексте он указал и на бытующие во все времена, вплоть до сегодняшнего дня, сетования, что студенты мало читают научную литературу и только по острой необходимости — учебный материал. В значительной степени причину этого он видел в том, что «создалась традиция писать не учебники», а «кирпичи». Он был убежден, что учебник не должен отражать всю сумму знаний по предмету, а содержать тщательно отобранный материал. При таком подходе второе издание должно было стать не расширенным и дополненным вариантом первого, а книгой, «написанной заново»¹⁷.

Вторым докладчиком был доктор филологических наук, профессор Н.И. Кравцов, старший научный сотрудник Института славяноведения АН СССР. Он сделал акцент на важности освещения истории культуры, духовной жизни¹⁸. По его словам, отсутствие такой проблематики в первом издании учебника свидетельствовало о «неверном понимании самого исторического процесса». Ведь именно куль-

¹⁶ Необходимо уточнить, что этот вопрос был спорным. Некоторые сотрудники кафедры предлагали довести изложение до 1950 г., другие считали возможным завершить изложение 1960 г.

¹⁷ Архив кафедры. Ф. Х. Папка № 4. С. 15–16.

¹⁸ Там же. Стенограмма выступления Н.И. Кравцова. С. 20.

тура славян заключала в себе гуманистическое начало, в этом состоял их выдающийся вклад в мировой культурный процесс. Разделы по культуре должны были нести основную идеологическую нагрузку, тем самым соответствовать «ориентирам, высказанным в новой Программе КПСС». Признав, что многие сюжеты еще не разработаны, нет единства мнений ученых даже в вопросе периодизации таких масштабных явлений, как Возрождение, Н.И. Кравцов призвал «дать действительно марксистско-ленинское освещение истории славян»¹⁹.

Одним из самых ярких, можно сказать, провокационных, было выступление доцента, декана исторического факультета Воронежского государственного университета А.Е. Москаленко²⁰. Он последовательно, буквально пункт за пунктом откомментировал положения основного доклада, настаивая на включении в новый учебник расширенного раздела по историографии. По его мнению, это помогло бы познакомиться с ней студентам, слушающим общий курс, так как специальное пособие по историографии рассчитывалось на специалистов. А вот обзора источников давать не следовало, поскольку «весь учебник должен быть проникнут источниковедческим материалом» путем включения отрывков из наиболее ярких источников. Только таким образом можно было заставить студента задуматься, что «история изучается, прежде всего, по источникам». При этом необходимо было уменьшить объем учебника до 30–40 печатных листов.

Взгляд А.Е. Москаленко на структуру учебника 1957 г. спровоцировал неформальную дискуссию с многочисленными возгласами с мест, в которую вынужден был включиться и С.А. Никитин, находившийся в президиуме. Первый учебник, по мнению воронежского историка, с методической точки зрения «не выдерживал никакой критики», о чем свидетельствовала и практика. Материал «очень трудно, туго» усваивался студентами²¹. Причина лежала не столько в перегруженности фактами, сколько в отсутствии «заключительных обобщений».

Между тем «голоса из зала» свидетельствуют, что многие преподаватели были против облегчения содержания учебника, против

¹⁹ Там же. С. 24.

²⁰ А.Е. Москаленко выступал от имени своих коллег из Воронежа, поскольку там были заранее обсуждены тезисы доклада С.А. Никитина. Москаленко был также одним из авторов рецензии на учебник 1957 г., опубликованной в журнале «Вопросы истории». Стенограмма его выступления занимает С. 41–46. Она настолько обильно отредактирована автором, что мало соответствует оригинальному варианту.

²¹ В этой связи еще более резко высказался С. М. Стецкевич, считавший что учебник «написан скучно», «навевает у студентов глубокий сон, а он должен быть написан эмоционально и доходчиво» (Архив кафедры. Ф. Х. Папка № 4. С. 88).

того, чтобы авторы «шли по линии наименьшего сопротивления»²². Не были они согласны и с предложением в качестве альтернативы московской кафедре поручить написание нового учебника Львовскому университету. Негодование у участников совещания вызвало утверждение, что «когда закладывается сено в такую кормушку, как издание учебника, конечно, каждый хочет получить свой клочок»²³.

Каждый из 10 последующих ораторов говорил прежде всего о наиболее важных для себя вопросах.

Так, В.А. Якубский (Ленинградский государственный университет) считал, что периодизация может быть только на основе социально-экономических формаций, и тогда межвоенный период выпадал из общей схемы. Датировка эпохи феодализма, по его мнению, могла быть условной. Он предлагал закончить ее для Польши XVIII веком, несмотря на отступление от формационного принципа. Опасения у него вызвало настойчивое стремление С.Н. Никитина учесть историю лужицких сербов (допускал объединение материала о них в один «фонарик» с полабскими славянами) и Македонии.

Владимир Александрович был убежден, что в учебник должна войти только та информация, которую «можно и должно выучить». Особенно интересна в этой связи его ремарка, что включение в список рекомендованной литературы изданий на славянских и западноевропейских языках «хорошее дело по идее, но заведомо не реальное». Он был уверен, что «никто не читал, не читает и читать эти работы не будет, кроме специалистов»²⁴. Максимум, на что следовало согласиться, это дать в аннотированной форме в предисловии информацию об обобщающих изданиях, вышедших в СССР, странах «народной демократии». Не поддержал он и предложение Москаленко включить тематические историографические обзоры. Для того чтобы не увеличивать до бесконечности объем учебника, он предложил отказаться от стремления осветить историю «всех больших и малых славянских народов», а ориентироваться на освещение важнейших проблем в обобщающих главах, предвещающих рассмотрение Новейшей истории, Нового времени и Средневековья.

Нельзя не сказать о позиции представителей других университетов страны. Так А.М. Матвеев²⁵, говоря о ситуации в Ташкентском университете, предъявил в качестве «бесспорной претензии»

²² Там же. С. 45–47

²³ Там же. С. 45.

²⁴ Там же. Стенограмма выступления В.А. Якубского. С. 47–50.

²⁵ Весьма тщательно отредактированная стенограмма речи А.М. Матвеева занимает С. 51–56.

к учебнику 1957 г. «слишком большой объем», что затрудняло его использование. Что касается общей направленности содержания нового учебника, то он «должен быть проникнут духом интернационализма», с одной стороны, и четким осознанием того, что история славян — это часть всеобщей истории, тесно связанная с историей Востока. Оратор настаивал на обязательном рассмотрении взаимного влияния народов, населяющих этот регион, и славян. В этом контексте предлагалось внести уточнения и в концепцию будущего труда. Его было необходимо дополнить новыми сюжетами, поскольку в учебнике 1957 г. «слабое отражение» получили деятельность славян-интернационалистов в революционной жизни Туркестана, славянская эмиграция в Америку, ее причины, превращение России в центр мирового революционного движения. Включение такого рода проблематики в новый учебник могло стать импульсом для ее разработки учеными «на местах».

Весьма показательна оценка учебника 1957 г. представителем Саратовского университета А.И. Озолиным, который считал, что в нем отразились все черты «славянистической молодости». В свою очередь, выход в свет второго издания должен будет свидетельствовать о зрелости отечественной славистики²⁶. По своему содержанию новый учебник должен стать «полюемически заостренным по отношению к ревизионизму, национализму, космополитизму», «ко всем врагам марксизма». «Политически верной» верхней хронологической гранью мог быть только 1961 г., а идеологическим ориентиром — материалы XXII съезда КПСС. Апофеозом этого выступления было утверждение, не вызвавшее, что вполне естественно для тех лет, никаких сомнений у аудитории, что современное поколение славянских народов «будет жить в коммунистическом обществе»²⁷.

Как предвидение критической ситуации, которая возникнет в 1969 г., можно рассматривать выступление А.В. Сергеева, старшего преподавателя исторического факультета Казанского университета. Он призвал авторов будущего учебника «крайне критически» отнестись ко всем сделанным замечаниям. Тем не менее, себе он позволил остановиться на целом ряде вопросов. В своем выступлении он затронул и проблему с освещением истории Македонии, поскольку в Казани работал известный специалист по этому региону А.С. Шофман.

²⁶ Архив кафедры. Ф. Х. Папка № 4. Стенограмма выступления А.И. Озолина. С. 60.

²⁷ Если уточнить позицию Озолина о структуре учебника, то он считал, что нет необходимости включать в него ни главы по историографии, ни «элементы источниковедения». Присутствие таких материалов только нарушило бы «стиль самого учебника».

А.В. Сергеев сделал акцент и на сложностях периодизации исторического процесса, особенно «феодализации средневекового общества», «феодального строя», а также на определении этапов в «развитии общины», городов и др. Любопытно, что он свято верил в появление, причем в ближайшее время, подготовленных сотрудниками кафедры специальных пособий по источниковедению и историографии. Протестовал он против «исключительно большого цифрового материала» в главах по Новой истории, так как они «угнетающе действуют на студентов». Критически выступающий отнесся и к рекомендациям своих коллег, когда речь шла о трактовке роли культуры в историческом прошлом славян, о деятельности славянской эмиграции и др.²⁸

Надо признать, что представители разных университетов в чем-то были едины, а в чем-то их взгляды существенно различались. Анализ материалов показывает, что в ходе обсуждения сформировалась группа преподавателей, считавших, что главная задача университетского образования состоит в том, чтобы ориентировать студентов на самостоятельную работу. С точки зрения сегодняшнего дня, это возможно только тогда, когда студент изучает оригинальную литературу. Однако участники совещания полагали, что в тех условиях особенно ценным и важным являлся содержательный, но при этом компактный учебник.

Доцент исторического факультета Киевского государственного университета А.Ф. Кизченко существенный недостаток учебника 1957 г. видел в том, что он перегружен информацией, в некоторых случаях в нем приводились «цифры с десятками долями процента». Уменьшить объем учебника предлагалось за счет сокращения фактического материала²⁹.

О.Е. Иванова, доцент исторического факультета Ленинградского университета также придерживалась этой точки зрения. Нельзя не упомянуть о ее аргументации. Она настаивала на том, что учебник должен давать минимум знаний студентам, чтобы преподаватели могли «развернуть свое творчество»³⁰. Эту мысль подхватил и ее коллега С.М. Стецкевич. Он полагал, что в противном случае лектор не имеет возможности сказать больше того, что содержится в учебнике. Таким образом, для того чтобы облегчить жизнь преподавателей, объем нового издания следовало «резко сократить»³¹.

²⁸ Архив кафедры. Ф. Х. Папка № 4. Стенограмма выступления А.В. Сергеева. С. 63.

²⁹ Там же. Стенограмма выступления А.Ф. Кизченко. С. 70.

³⁰ Там же. Стенограмма выступления О.Е. Ивановой. С. 71–76.

³¹ Там же. Стенограмма выступления С.М. Стецкевича. С. 806–82.

После эмоциональной речи А.Е. Москаленко участники совещания с особым интересом ждали выступлений представителей Львовского университета³². Однако ни доцент А.С. Бейлис, ни профессор Д.Л. Похилевич, который вел заседание, прямо на нее не отреагировали. Первый озвучил основную претензию рецензентов, которая не была учтена авторами при доработке учебника: им «не удалось преодолеть некоторого отрыва истории славянских народов от всемирной истории». Указал он и на очевидный недостаток в учебнике 1957 г. — отсутствие «синхронной хронологической таблицы». А.С. Бейлис был решительно против сокращения объема нового издания и уподобления студента актеру, которому нужно заучивать свою роль. Проблема же состояла в выборе ярких и убедительных цифр, тщательном «отборе исторических лиц». Более того, он допускал издание учебника в двух томах объемом в 60 печатных листов, чтобы избежать схематизма при освещении новейшей истории и особенно эпохи строительства социализма в славянских странах, «обесценивания» истории южных и западных славян за счет краткости изложения³³.

Эти доводы не поддержал Д.Б. Мельцер, доцент Белорусского государственного университета, напомнив, что в учебном плане было сокращено число часов на изучение истории славян³⁴. Учебник не мог быть больше 40 печатных листов. И при этом верхней хронологической гранью должны были стать 60-е гг. XX в., чтобы «сказать о переходе к строительству коммунизма» в социалистических странах.

В других выступлениях желательный объем учебника варьировался, высказывались иные аргументы. Но большинство присутствующих объединяло убеждение, что учебник служит не для того, чтобы описать в нем все исторические события. Кроме того, следовало учитывать, что в системе университетского образования история славян была лишь частью всеобщей истории. Так, С.М. Стецкевич, исходя «из тактических соображений», полагал, что учебник по славянам не может быть больше учебника по новейшей истории, поскольку роль славянских народов, их значение в истории меньше, чем тех народов, история которых «входит в понятие новейшей истории»³⁵.

³² По поручению Министерства высшего и среднего образования СССР там была подготовлена рецензия на текст учебника перед его сдачей в печать. Кроме того, кафедра написала по просьбе журнала «Вопросы истории» рецензию на вышедшее издание, но она не была опубликована. (Архив кафедры. Ф. X. Папка № 4. Стенограмма выступления А.С. Бейлиса. С. 77–80а).

³³ Там же. С. 80а.

³⁴ Там же. С. 84. Так, на очном отделении на «курс славян» было отведено 72 часа, а на заочном — 20 часов (Архив кафедры. Ф. X. Папка № 4. Стенограмма выступления. С. 83–85).

³⁵ Там же. С. 80б.

Из ряда других обсуждавшихся вопросов хотелось бы выделить дискуссию о структуре учебника. Камнем преткновения в частности оказался межвоенный период. Представитель Харьковского университета С.И. Сидельников, не подвергая сомнению принятый всеми участниками совещания формационный принцип, предложил объединить весь материал «о капитализме», не выделять период 1918–1939 гг., чем вызвал «шум в зале». Несогласные с таким «оппортунизмом» участники заседания начали с мест выкрикивать, что тем самым «стираются грани Великой Октябрьской революции»³⁶.

В целом, дискуссия показала, что претензий к учебнику 1957 г. было значительно больше, чем об этом можно судить по опубликованным на него официальным рецензиям.

Конечно, университетская профессура не ограничивалась обсуждением проекта второго учебника по истории южных и западных славян. В ряде выступлений высказывались самые разные соображения о системе высшего образования в стране в целом. Так, по мнению А.Ф. Кизченко, одной из очевидных проблем была перегрузка студентов. Такая ситуация приучала их «не карабкаться к вершинам науки», а «прыгать по ее верхам», толкала «на путь формализма и верхоглядства»³⁷. Он же выступил против «вывихов в трудовом воспитании», когда «хозяйственники» рассматривали «студенческую массу как строительную колонию». Явно негативные последствия имела «все большая педагогизация учебного процесса» в университетах, наступившая после ликвидации исторических факультетов в педагогических институтах. Не поддержал он и предложение объявить открытый конкурс, чтобы подготовить новый учебник «на местах». Он был уверен, что «пока мы будем воевать за гриф Министерства, пройдет еще одна историческая эпоха. А учебник нужен сегодня». Наоборот, следовало «помочь кафедре МГУ поскорее подготовить новое издание учебника»³⁸.

В таком контексте завершающее конференцию выступление С.А. Никитина приобрело особое значение. Отступив от формальностей, Сергей Александрович начал как большой меломан. В любом «большом собрании», заметил он, должны звучать «разные голоса». Однако и в услышанной им разноголосице «обнаружилась и ведущая группа». Никитин вынужден был признать, что со старым учебником «жить дальше нельзя», хронологически новое издание должно доходить до современности, «ни по политическим, ни по научным

³⁶ Там же. С. 87. Стенограмма выступления С.И. Сидельникова. С. 86–88

³⁷ Там же. С. 67.

³⁸ Там же. С. 70.

соображениям нельзя дальше замалчивать наличие македонского народа или не говорить о существовании лужичан»³⁹.

О его явном разочаровании свидетельствует утверждение, что в ходе обсуждения «менее всего оказался затронутым вопрос», который вызывает «самые большие трудности, — о культуре». Позиция С.А. Никитина была хорошо продуманной, развернутой (в стенограмме его рассуждения по этому поводу занимают две страницы). Перед авторами не следует ставить задачу охарактеризовать историю культуры каждого народа во всей полноте, «отразить в учебнике все виды и формы культуры всех славянских народов во все времена их существования». Он предложил «выдвинуть на первое место то, что представляет широкий общий интерес», и представить только те сферы художественной жизни, которые помогают ответить на вопрос, «каков был вклад славянских народов в культурную историю человечества». Рекомендация некоторых участников дискуссии увеличить число портретов отдельных выдающихся славянских деятелей не нашла у него поддержки, ибо нельзя «превращать учебник в портретную галерею», «в книгу для чтения»⁴⁰.

С.А. Никитин не согласился и с другими аргументами в пользу «расширения учебника», и как «лазейку» в этом направлении расценил прозвучавшее предложение подготовить двухтомник. Также он полагал, что учебник — это не справочное издание. Оба эти варианта не могли «зажечь» студента, а «подрывали бы» успех в его работе, поскольку тот «вовсе не подготовлен к задаче — отобрать основное от второстепенного».

Что касается структуры, то Сергей Александрович признал, что в учебнике 1957 г. «изложение истории отдельных стран дано непропорционально», XIX век «раздут чрезвычайно за счет Польши и Чехословакии». В этом он видел резерв для сокращения, однако сомневался в том, что учебник можно написать «ярче и эмоциональнее».

Весьма подробно С.А. Никитин остановился на вопросе о возможности подготовки учебника в каком-либо другом университете страны. Видимо, он не ожидал такого поворота в дискуссии. Несколько назидательно прозвучали его слова о том, что написание учебника «это тяжелое и ответственное дело» и никому «оно не доставляет удовольствия». Кафедра на четыре года остановила «всю свою исследовательскую работу для того, чтобы дать стране этот учебник». В то

³⁹ Там же. Стенограмма заключительного выступления С.А. Никитина. С. 89–95.

⁴⁰ Выступление С.А. Никитина было насыщено массой конкретных примеров по большинству поднимаемых проблем. В этом случае он уточнил, что «надо говорить о Мицкевиче, о Вазове, но стоит ли говорить о Домановиче и аналогичных авторах? Думаю, что не следует, их удельный вес неизмеримо меньший».

же время Никитин не настаивал на исключительном праве кафедры продолжить этот проект. Весьма дипломатично он заявил, что и сам готов поделиться опытом, чтобы учебник «стал лучше», если в одном из университетов появился бы коллектив для его подготовки⁴¹.

В целом следует признать, что многие участники дискуссии исходили из своего опыта преподавания, примеряли планируемое издание на себя. Ведь в абсолютном большинстве университетов не было специализации по славянам, читался лишь общий курс. Лейт-мотивом большинства выступлений было убеждение, что кафедра истории южных и западных славян исторического факультета МГУ занимает исключительное положение в стране, а ее деятельность должна стать, с одной стороны, эталоном в учебном процессе, с другой — «примером партийной выдержки». Действительно, в то время такие оценки как «политически неверно», «идеологический ориентир» и т.п. не были пустым звуком.

И хотя главная задача принятого заключительного обширного документа конференции — Постановления совещания историков-славистов — заключалась в том, чтобы убедить вышестоящие инстанции, что «советское славяноведение является особой наукой, имеющей свой определенный круг проблем и свою специфику», тема учебника нашла в нем свое достойное место. Уже в 1962 г. говорилось о синхронизации общего курса по славянам с курсами по истории Средних веков, Новой и Новейшей истории. Именно наличие учебника делало возможным проблемное построение курса, читавшегося в то время даже в МГУ в течение всего одного семестра на четвертом курсе.

Участники совещания отмечали, что превращение первого учебника, сыгравшего «положительную роль в преподавании и изучении студентами истории славянских народов», в библиографическую редкость, а «также наличие в нем ряда крупных недостатков» (в первую очередь отсутствие послевоенного периода истории славян) обуславливало необходимость срочного выпуска II-го издания⁴².

⁴¹ После этих слов А.Е. Москаленко оставалось только покаяться, заявив, что он «хотел сосрить, а получилось неудачно» (С. 96а).

⁴² Участники совещания также решительно возражали и против предложений о расширении курса истории славян и превращении его в курс истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы или в курс европейских стран народной демократии. Вместе с тем в постановлении отмечалось, что «преподавание курса, в особенности проблем социалистического периода в истории славянских стран, должно вестись в тесной взаимосвязи с историей неславянских стран Европы». См.: Постановление совещания историков-славистов университетов страны (6–10 февраля 1962 г.), созданное Министерством высшего и среднего специального образования СССР и Московским университетом // Архив кафедры истории южных и западных славян. Папка: Материалы координационной комиссии по истории зарубежных славян.

В Постановлении были подведены итоги обсуждения наиболее существенных вопросов. Так, приветствовался выпуск нового, коренным образом переработанного учебника, объем которого не мог превышать 50 печатных листов. Было рекомендовано включить в него главы по истории культуры славянских народов и по истории послевоенного периода, а также материалы по истории Македонии, лужицких сербов, полабских и поморских славян, славянской эмиграции.

Одобрив инициативу кафедры подготовить новый учебник, совещание «рекомендовало и создание других коллективов по его написанию». В этой связи были названы Ленинградский, Львовский, Киевский, Харьковский, Саратовский, Воронежский университеты. Таким образом, президиум конференции, на наш взгляд, хотел предотвратить углубление спора о праве на подготовку учебника.

Создается впечатление, что идея его подготовки оказалась весьма близка коллективу кафедры. Согласно документам, в ноябре 1962 г. речь шла о завершении работы над ним к 1964 г., причем «нового учебника с прибавлением глав по истории народной демократии». Его объем ограничивался 50 печатными листами, что потребовало формирования новой редколлегии и привлечения новых авторов⁴³.

В последнем случае обращает на себя внимание участие представителей Воронежского и Харьковского университетов. Действительно, многие решения прошедшего совещания были учтены. Весь текст учебника был написан заново, история южных и западных славян освещалась с древнейших времен до середины 1960-х гг. Заметный акцент был сделан и на историю культуры славянских народов.

Учебник вышел в 1969 г. Он прошел все стадии цензуры: был отрецензирован специалистами, получил гриф Министерства высшего и среднего образования СССР и, что особенно важно, благословение всемогущего в ту пору Главлита. Всё, что случилось вскоре после его выхода в свет, было воистину «громом среди ясного неба». По решению властей, несмотря на достойное качество учебника, значительная часть его тиража была уничтожена. Эта драма весьма подробно описана в очерке об истории кафедры⁴⁴. В качестве ее причин в нем названы внешние факторы — обострение так называемого македонского вопроса⁴⁵. Но ведь жесткой критике подвергся весь

⁴³ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Ед. хр. 817. Л. 14 об., 115; Ед. хр. 965. Л. 37 об. Главным редактором издания был утвержден С.А. Никитин, редакторами И.М. Белявская и В.Г. Карасев. В связи с уходом С.А. Никитина с кафедры, редколлегия отказалась от поста главного редактора, а в ее состав были введены И.А. Воронков, И.В. Созин.

⁴⁴ См. более подробно: Славянских древностей обитель ... С. 37–42.

⁴⁵ См.: Докладная записка в Отдел науки ЦК КПСС «Об изложении истории Македонии в учебнике “История южных и западных славян”» // Архив кафедры.

текст, по некоторым темам каждое предложение буквально рассматривалось под лупой. Думается, что столь жесткая, неоправданная, по большому счету, мера была определена и общей атмосферой «на идеологическом фронте», порожденной чехословацким кризисом 1968 г. («Пражская весна»), нарастающей напряженностью в Польше, сложной ситуацией во всем социалистическом лагере.

Авторы были наказаны за свое стремление осветить некоторые «белые пятна» в многовековой истории зарубежного славянства. В результате они прошли через несколько кругов научного, вернее псевдонаучного, ада. Позиция специалистов из Института славяноведения и балканистики АН СССР была зафиксирована в записке, поданной ими в директивные органы, и в обширной рецензии⁴⁶. Их критика была особенно категорична, а по сути, настолько неадекватна, насколько губительна. Ведь большинство замечаний носило идеологический, политизированный характер⁴⁷.

В «Стенограмме объединенного заседания Исторического факультета МГУ и Института славяноведения АН СССР» от 30 ноября 1970 г. поражает призыв взять за образец решения национального вопроса в славянских государствах «нашу страну в первые годы установления советской власти», «воспользоваться нашим опытом в последовательной ленинской национальной политике»⁴⁸.

Особенно непримиримую позицию рецензенты, анализировавшие материал учебника, заняли в отношении разделов по новейшей истории. Нет никакой возможности перечислить все «пожелания», высказанные ими. С большим сожалением можно констатировать, что лишь идеологическая составляющая предопределяла ультимативный характер многих претензий. Самого серьезного внимания потребовали замечания Отдела науки и учебных заведений ЦК

Папка «Материалы по научной работе кафедры истории южных и западных славян от 1966 г.». Октябрь 1973 г. С. 1–2. Концепция, представленная в учебнике, оказалась неприемлемой для некоторых болгарских историков, отечественных славистов и контролирующих науку организаций не только у нас в стране, но и за рубежом. В частности, подобную позицию занял ЦК Болгарской коммунистической партии, отстаивавший свои взгляды на становление самостоятельной македонской нации.

⁴⁶ Ее написали Л.Б. Валева, А.Я. Манусевич, С.А. Никитин, П.И. Резонов, Г.Э. Санчук, Г.М. Славин для журнала «Вопросы истории» в рубрику «Историческая наука в СССР». Рецензия была снята из номера буквально в последний момент. Оттиск на 8 страницах хранится на кафедре (Архив кафедры. Папка «Материалы по подготовке учебника «История южных и западных славян»»).

⁴⁷ Например, чего стоит утверждение, что в учебнике «не прослежено с необходимой четкостью и систематичностью влияние В.И. Ленина и партии большевиков на рабочее движение зарубежных славянских наций», а формирование коммунистических партий излагалось «лишь в плане констатации фактов», а также рекомендация шире использовать положения К. Маркса и Ф. Энгельса.

⁴⁸ Архив кафедры. Папка «Материалы по подготовке учебника «История южных и западных славян».

КПСС, в которых была обобщена критика, содержащаяся в соответствующих докладных записках. До сих пор нет ответа на вопрос, какую цель преследовали их авторы, поставив под удар своих коллег из университета.

Следует подчеркнуть, что кафедра с достоинством прошла через испытания. Как высокую правительственную награду можно расценивать разрешение инстанций, контролирующих науку и образование, написать новый учебник. Разумеется, в этом издании сюжеты, связанные с историей македонского народа, многие разделы по новейшей истории, особенно эпохи социализма, можно было излагать исключительно в соответствии с официальной точкой зрения того времени⁴⁹.

Безусловно, такая позиция несла на себе отпечаток эпохи с присущими ей установками, стереотипами. Однако, на наш взгляд, трактовка наиболее сложных периодов прошлого славянских народов излишне старательно определялась эфемерными идеалами, декларированными директивными органами. Вот эта «конъюнктурная близость с сильными мира сего», так называемая политическая актуализация и продуцировала сиюминутность оценок, замалчивание и сокрытие фактов, которые не вписывались в искусственно созданные схемы.

В этом контексте особенно четко видна ложность, поверхность утверждений о консервативности университетского исторического образования. Конечно, у каждого поколения преподавателей в сознании присутствует в той или иной степени внутренняя цензура. Однако в основе их деятельности лежит все-таки высочайшее чувство ответственности перед студентами, профессионализм, да и просто здравый смысл, который не позволяет быть флюгером, менять свои убеждения, «колебаться вместе с линией партии».

Под внешним давлением, идущим с разных сторон, в результате многочисленных согласований формулировок и соответствующих правок новый учебник со скромным уточнением — курс лекций — вышел лишь в 1979 г. Очевидно, что по политическим соображениям с этого издания был снят гриф. Более того, он не распространялся через книжный коллектор, а рассылался по предварительным заказам сотрудниками кафедры⁵⁰. Таким необычным способом были

⁴⁹ См.: *Созин И.В.* Справка об изменениях, внесенных в текст книги «История южных и западных славян», по замечаниям Отдела ЦК КПСС // Архив кафедры. Папка «Материалы по подготовке учебника “История южных и западных славян”». Следует подчеркнуть, что текст по истории Македонии был подготовлен редколлегией.

⁵⁰ К сентябрю 1980 г. кафедра своими силами разослала около 13 тыс. экземпляров курса лекций в 58 университетов страны.

обеспечены учебный процесс в 58 университетах и потребности ряда библиотек огромной страны.

В этой связи заметим, что в очерке, подготовленном к 40-летию кафедры истории южных и западных славян, В.Г. Карасев лишь указал, что в 1969 г. был опубликован новый учебник, а «ровно через 10 лет» вышел курс лекций⁵¹. В свою очередь, в статье, посвященной полувековому юбилею деятельности кафедры, о конце 70-х – первой половине 80-х гг. говорится как о периоде, отмеченном «трудностями и неудачами» в жизни коллектива⁵².

Несмотря на все сложности, несколько «этажей» цензуры, курс лекций был высоко оценен рецензентами. По их признанию, вновь, так же как и в конце 50-х гг., ему была предназначена роль «нового труда обобщающего характера» по истории южных и западных славян, поскольку академические издания по истории Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии, опубликованные в 1950–1960-е гг., устарели. И опять авторы курса, по сути дела, шли по непроторенному пути, «проделали большую и ответственную исследовательскую работу»⁵³.

Подготовка учебников, этого обязательного элемента развития фундаментального исторического образования в стране, оставалась первоочередной задачей всех поколений членов кафедры. В принципе эта мысль не просто витает в воздухе, а является аксиомой для большинства сотрудников. Однако после завершения драмы 1970-х гг., лишь в конце 1987 г. начала обсуждаться перспектива создания нового классического учебника по истории южных и западных славян.

Следует подчеркнуть, что руководство кафедры в этом случае считало необходимым, прежде всего, учитывать запросы других университетов. Так, В.Г. Карасев, который оставался заведующим кафедрой до ноября 1991 г., склонялся к подготовке небольшого по объему издания, которое было бы максимально приближено к проблемному чтению общего курса по истории южных и западных славян на историческом факультете Московского университета. В таком случае можно было ограничиться собственными силами при формировании авторского коллектива, апробировав концепцию на учебных пособиях по отдельным странам. Как видим, идея

⁵¹ Карасев В.Г. Кафедра истории южных и западных славян. Историческая наука в Московском университете. 1934–1984. М., 1984. С. 183–205.

⁵² Карасев В.Г. Полувековой юбилей кафедры истории южных и западных славян МГУ // 50 лет славистики в Московском университете. М., 1989. С. 5–6.

⁵³ См. рецензию на рукопись «курса» доктора исторических наук И.С.Галкина: Архив кафедры. Папка «Материалы по подготовке учебника “История южных и западных славян”».

первоначально публиковать страноведческие курсы и только затем обобщить эти наработки в учебнике оказалась очень живуча. Между тем вопрос, насколько она плодотворна, остается открытым. Конечно, она на первый взгляд больше соответствует потребностям членов кафедры, специфике учебного процесса на историческом факультете МГУ. Однако на практике ее реализация затруднена целым рядом внешних (объективных) и субъективных факторов, прежде всего, подвижностью самого процесса преподавания. Практически ни одно, даже самое великолепное авторское пособие не может заменить живого общения преподавателя и студента. Немаловажно и восприятие профессиональной средой жанра «учебное пособие» как чего-то второстепенного по сравнению с монографией.

С новыми силами и новыми идеями сотрудники кафедры, которая пополнилась к тому времени талантливой молодежью, в середине 1990-х гг. активизировали свои усилия по написанию нового учебника.

Тектонические сдвиги, произошедшие в конце XX в. в судьбах зарубежных славянских народов, потребовали от авторов максимального погружения как в их историческое прошлое, так и в современность. Большинство участников этого проекта⁵⁴ не было среди авторов курса лекций, выпущенного в 1979 г. Перед кафедрой опять встала сложнейшая задача показать уровень своего профессионализма. Она решалась с учетом накопленного опыта старших коллег. В учебнике, вышедшем в 1998 г.⁵⁵, сохранен традиционный страноведческий принцип построения материала. В то же время новые подходы затронули не только новейший период, что естественно, но они просматриваются в изложении истории южных и западных славян с древнейших времен и до конца XIX в. В этом контексте можно твердо заявить, что, пожалуй, никогда авторский коллектив не был так свободен в выражении своего мнения.

Первый том охватывает историю славянских государств до 1914 г. При этом она рассматривается в контексте создания и развития многонациональных государств, в состав которых они входили. Основное внимание уделено становлению современных наций, гражданского общества, общественно-культурным отношениям. Во втором томе на основе национального и регионального принципов освещаются важнейшие проблемы истории южных и западных

⁵⁴ На этот раз со стороны были привлечены только воспитанники кафедры, признанные специалисты Е.Ю. Гуськова и Д.И. Польвянный.

⁵⁵ История южных и западных славян. Т. 1. Средние века и Новое время; Т. 2. Новейшее время / Под ред. Г.Ф. Матвеева, З.С. Ненашевой. М.: Издательство Московского университета, 1998.

славян в Новейшее время, от начала Первой мировой войны до середины 1990-х гг. О том, что учебник получил одобрение университетских коллег, свидетельствуют не только положительные рецензии, но и тот факт, что он вышел вторым изданием в 2001 г., а затем и третьим, в 2008 г.

По прошествии лет появилась, естественно, перспектива создания нового учебника, причем она вновь оживила старые, казалось бы, уже снятые с повестки дня темы. Практически с конца 2010-х гг. то с большей, то с меньшей интенсивностью велась дискуссия о целесообразности учебников в рамках специализации в принципе. Тенденция к ее углублению диктовала иные методы обучения — прежде всего, увеличение самостоятельной работы студентов, а значит овладение ими огромными пластами оригинальной национальной литературы и источников, доступных в глобальной сети. В то же время и сегодня бесспорной остается потребность в обеспечении классической (основной) учебной литературой, а именно таковой и является учебник, общего курса по истории южных и западных славян в рамках такого направления, как регионоведение.

Порой и безудержное реформирование дает побочные положительные результаты. Изменение образовательного стандарта для исторического факультета МГУ позволило реализовать предложение, высказанное еще в 1962 г. Речь идет о синхронизации общего курса истории южных и западных славян с преподаванием других фундаментальных исторических дисциплин, т.е. его чтения на II, III и IV годах обучения очного бакалавриата (на год позднее — у вечерников).

Новый, существенно переработанный учебник, вышел в сентябре 2022 г. Он состоит из трех томов⁵⁶. Однако в основе деления учебника на три части лежит не только сугубо утилитарный подход, но и более глубокий взгляд на дисциплину. Появление именно такого варианта предопределила сама логика исторического развития славянских народов. Политические процессы, проходившие в течение последних тридцати лет в Центральной и Юго-Восточной Европе, лишь подтвердили настоятельную необходимость более подробного, чем в предыдущих изданиях учебника, освещения событий Средневековья и Раннего Нового времени. Необычайно большое значение история тех времен приобрела в становлении и утверждении новых славянских государств, появившихся на карте Европы в конце XX — начале XXI в. Проблема поиска исторических корней имеет для не-

⁵⁶ История южных и западных славян: Учебник. В 3 т. / Под ред. Г.Ф. Матвеева, З.С. Ненашевой, В.Б. Прозорова. 4-е издание, исправленное и дополненное. М.: КДУ, Университетская книга, 2022.

которых их исключительное значение, вызвав ожесточенные дискуссии среди специалистов и политически активной части общества о событиях столь давнего прошлого.

При этом во всех трех томах сохранен страноведческий подход, поскольку авторский коллектив отдавал себе отчет в том, что этот вариант учебника остается классическим, рассчитан не только на студентов исторического факультета МГУ, но и тех университетов, где эта дисциплина включена в образовательный процесс. Что касается определения верхней границы первого тома, то вопрос остается дискуссионным (как и в 1962 г.). На наш взгляд, наиболее приемлемой и понятной датой является конец XVII в., в частности заключение Карловацкого мира (1699). Безусловно, он является важнейшим рубежом в противостоянии османской угрозе не только для балканских народов, но и для всей Центральной Европы. Принимая во внимание геополитическую ситуацию в Европе в Средневековье и Раннее Новое время, учитывая специфику развития южных и западных славян, изложение материала в первом томе структурно строится начиная с Болгарии и заканчивая Польшей. Тем самым освещаются проблемы романского и византийского влияния, а также рассматриваются особенности включения славян в османский, австрийский комплексы земель и история независимого Польского государства.

Второй том посвящен Новому времени в истории южных и западных славян. Его, что вполне естественно, открывает начало XVIII в. Заканчивается он 1914-м годом, когда судьбы славянских народов оказались в зависимости от глобальных перемен в Европе, и в целом мировой политики. Второй том включает две части: первая охватывает всё XVIII столетие; вторая — «долгий XIX век».

Первая мировая война способствовала появлению новых факторов, требовавших решения внутри- и внешнеполитических проблем, которые оставались у славянских народов актуальными на протяжении десятилетий. Они рассматриваются в третьем томе. Он освещает историю Новейшего времени — от начала Первой мировой войны, итоги которой определили вектор развития славян в XX в., вплоть до конца 2018 г. Это время второго и третьего этапов возникновения суверенных славянских государств и упрочения основ их независимого существования. Он включает три части: первая — от 1914 г. до середины 40-х гг. XX в.; вторая — от окончания Второй мировой войны до рубежа 80–90-х гг. XX в.; третья — 1990–2018 гг.

В качестве основы для рассмотрения исторического процесса у славянских народов в Центральной и Юго-Восточной Европе выбрана политическая история. При этом история экономическая, соци-

альная (история общественных групп) и культурная составляют три других доминирующих аспекта в тексте учебника. При его создании были использованы достижения современной отечественной и зарубежной историографии. Авторский коллектив стремился избежать идеологизации и политизации в освещении событий, в том числе тех, что происходили в последние десятилетия.

Каждый том нового учебника оригинален по своей структуре. Такой подход обусловлен не только спецификой исторического развития славянских народов на протяжении более чем двух тысячелетий, но в известной степени и профессиональным уровнем, «метафизикой» каждого из авторов большого коллектива, занимавшегося его подготовкой. В работе над учебником участвовало поколение молодых кафедральных славистов. Кроме того, именно на их долю выпало исправление ошибок, устранение каких-то неточностей, корректировка содержания текстов 2-го и 3-го томов. При этом обязывающим для всех участников процесса было твердое убеждение в необходимости крайне бережного отношения к авторским текстам предыдущих изданий.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что изначально подготовка учебника рассматривалась кафедрой как миссия, первостепенная научно-исследовательская работа всего коллектива сотрудников. Решая эту задачу, авторы только что вышедшего издания — специалисты по истории южных и западных славян — предлагают свое видение изучаемых процессов. По сути, новый учебник — авторский по содержанию, университетский по замыслу — является результатом глубоких наблюдений, размышлений и обобщений каждого из его создателей.

Список литературы

Белявская И.М., Воронков И.А. Советское славяноведение в Московском университете // Вестник Московского университета. 1968. № 1. С. 3–11.

Иван Александрович Воронков — профессор-славист Московского университета. Материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения И.А. Воронкова (1921–1983). М.: Издательство Московского городского объединения архивов, 2001. 271 с.

История южных и западных славян: Учебник. В 3 т. / Под ред. Г.Ф. Матвеева, З.С. Ненашевой, В.Б. Прозорова. 4-е издание, исправленное и дополненное. М.: КДУ, Университетская книга, 2022. Т. 1. 408 с.; Т. 2. 410 с.; Т. 3. 328 с.

Карасев В.Г. Кафедра истории южных и западных славян // Историческая наука в Московском университете. 1934–1984. М.: Издательство Московского университета, 1984. С. 183–204.

Карасев В.Г. Полувековой юбилей кафедры истории южных и западных славян МГУ // 50 лет славистики в Московском университете. М.: Издательство Московского университета, 1989. С. 5–6.

Лаптева Л.П., Ненашева З.С. Славяноведение // Историческая наука в Московском университете. 1755–2004. М.: Издательство Московского университета, 2004. С. 393–459.

Ненашева З.С., Матвеев Г.Ф., Кафедра истории южных и западных славян // Историки-слависты МГУ. Книга 13. Славянских древностей обитель. Кафедре истории южных и западных славян — 80 лет. М.: Издатель Степаненко, 2020. С. 10–85. (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 178, серия II: Исторические исследования, 115).

Ненашева З.С., Хайретдинов Х.Х. К пятидесятилетию кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ (формирование концепции научной и учебной работы) // Советское славяноведение. 1990. № 3. С. 68–77

Профессор МГУ И.М. Белявская. Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора МГУ И.М. Белявской. М.: Издательство Московского университета, 2005. 401 с.

Югославянская история в новое и новейшее время. Материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения профессора В.Г. Карасева (1922–1991) . М.: Издательство Московского городского объединения архивов, 2002.

Поступила в редакцию
19 сентября 2022 г.

Г.В. Александров

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ CRITICAL RACE THEORY И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В США

G.V. Aleksandrov

CRITICAL RACE THEORY LEGISLATION AND MEMORY POLITICS IN THE USA

Аннотация: В последние годы в американской политической и общественной жизни активно обсуждались проблемы, связанные с образованием, в первую очередь школьным. Особое внимание привлекала и привлекает по сей день так называемая критическая теория расы (КТР) (Critical Race Theory), преподавание которой в школах вызвало бурное возмущение консервативных американцев. На практике те элементы образовательных программ, которые обсуждались наиболее активно, мало связаны с критической теорией расы как таковой, но в популярном дискурсе термин успел приобрести значение, не имеющее практически ничего общего с академическим контекстом. Результатом этого обсуждения стала волна законопроектов, предложенных на рассмотрение legislatures практически всех штатов консервативными политиками-республиканцами. Хотя далеко не все из этих проектов были в итоге приняты, во многих штатах новые «запреты КТР» уже действуют. Помимо практических аспектов организации образования, при обсуждении КТР именно восприятие истории стало ключевым идеологическим водоразделом между сторонниками и противниками нового законодательства. Сама дискуссия началась в русле обсуждения истории США в целом. Отправной точкой стала реакция администрации президента Д. Трампа на публикацию “New York Times” «Проекта 1619» — сборника эссе об истории «черной» Америки. С точки зрения Трампа и его администрации, речь шла о фальсификации истории, ревизионизме, для борьбы с которыми был предпринят ряд мероприятий на федеральном

Александров Глеб Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заместитель директора Международного центра антропологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Aleksandrov Gleb Vladimirovich, Ph.D Candidate in History, Senior Research Fellow, Deputy Director, International Center of Anthropology, National Research University Higher School of Economics

+7-916-275-72-81; glaleksandrov@gmail.com

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00075 «“Черное наследие”: историческая роль африканцев и их потомков в культурной памяти США»

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research under research project No. 20-09-00075 “Black Heritage”: *The Historical Role of Africans and Their Descendants in US Cultural Memory*.

уровне. Хотя после вступления в должность президента Дж. Байдена все эти меры были отменены, противоречия в восприятии истории между консервативными республиканцами и демократами проявились вновь, на сей раз на уровне штатов в форме попыток законодательного запрета КТР. В данной статье рассматриваются процесс формирования этих новых законов, их характерные общие черты, а также связь борьбы с КТР с проблемами исторической памяти и политики памяти в США в целом и развития «низового» консервативного активизма в частности.

Ключевые слова: межрасовые отношения, история «черной» Америки, школьное образование в США, Дональд Трамп, идеологическая поляризация, законодательная кампания,

Abstract. In recent years there has been a vigorous debate in American political and public life on issues related to education, primarily K-12 schools' programs. The teaching of the Critical Race Theory (CRT) in schools, which has caused a great deal of outrage among conservative Americans, has attracted particular attention and continues to do so to this day. In practice, the elements of educational programmes that have been most actively debated have little to do with the CRT per se, but in popular discourse the term has taken on a meaning that has little or nothing to do with the academic context. The result of this debate was a wave of bills proposed to the legislatures of virtually every state by conservative Republican politicians. Although not all of these bills were eventually passed, in many states the new "CTR bans" are already in place. Apart from the practical aspects of educational organization, it was the perception of history in the discussion of the CTR that became the key ideological watershed between supporters and opponents of the new legislation. The debate began in the context of a discussion of US history in general. The starting point was the reaction of President Trump's administration to *The New York Times*' publication of *Project 1619*, a collection of essays on the history of "black" America. From the point of view of Trump and his administration, it was an attempt of falsification of history and revisionism, and a number of measures were taken at the federal level against it. Although these measures were reversed after President Biden took office, the contradictions in the perception of history between conservative Republicans and Democrats have reappeared, this time at the state level in the form of attempts to legislate the prohibition of the CTR. This article examines the formation of these new laws, their common features, and the relationship of the fight against the CTR to the historical memory and memory politics in the US in general and, in particular, the development of "grassroots" conservative activism.

Keywords: race relations, black American history, schooling in the US, Donald Trump, ideological polarization, legislative campaign.

* * *

Межрасовые отношения были и остаются большим вопросом для американского общества. Их периодическое обострение приводит зачастую к протестам, беспорядкам и т.п. Последним таким эпизодом стали протесты под лозунгом "Black Lives Matter" в начале 2020-х. Напряжение, связанное с отношениями между расовыми и этническими группами, сохраняется постоянно. Одновременно и

источником, и сферой проявления этого напряжения становится историческая память — обсуждение расовых проблем современной Америки неизбежно затрагивает историю рабства и сегрегации, а осмысление американской истории неизбежно сталкивается с вопросом дискриминации в той или иной форме.

Относительно недавно, на фоне всё тех же протестов, развернулась так называемая «война памятников» — масштабная кампания за демонтаж памятников деятелям Конфедерации и солдатам-конфедератам в Южных штатах, ответом на которую стала столь же активная кампания за их сохранение¹. На смену ей пришли дискуссии о критической теории расы (Critical Race Theory, далее CRT), привлекающие в последние полтора-два года широчайшее внимание. В отличие от «войны памятников», в которой участие властей ограничивалось отдельными административными решениями, обсуждение CRT особенно активизировалось после публикации ряда законопроектов, призванных, согласно заявлениям их авторов, ограничить влияние этой теории на образовательный процесс.

В настоящей статье рассматривается публичная дискуссия вокруг CRT, новые законопроекты, ставшие ее результатом, и их связь с исторической памятью в США. Мы постараемся показать, что эта дискуссия, уже оказавшая вполне ощутимое влияние на политическую жизнь США, тесно связана с проблемой восприятия и представления истории. В случае CRT конфликт памяти, конфликт разных моделей восприятия истории США проявился открыто.

Critical Race Theory

Как теоретический подход CRT оформилась в 1970-х, одновременно с рядом других «критических» подходов в социальных и гуманитарных науках. Основная идея CRT — рассмотрение того, как категория расы и ее восприятие влияют на политическую и юридическую практику. В академической среде подход этот распространен достаточно широко, впрочем, есть у него и критики — как у любого научного подхода².

¹ Подробнее см., например: *Бондаренко Д.М.* Репрезентации рабства и Гражданской войны 1861–1865 гг. на Севере и Юге США: Расхождение исторических дискурсов // Диалог со временем. 2021. № 75. С. 143–157; *Травкина Н.М.* Ожившая история США: гражданская война памятников. — URL: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-2-12-29> (дата обращения: 15.07.2022).

² Ознакомиться с «академической» Critical Race Theory позволят следующие работы: *Crenshaw K., Gotanda N., Peller G., Thomas K. (eds).* Critical Race Theory: The Key Writings That Formed the Movement. New York, 1995; *Delgado R., Stefancic J.* Critical Race Theory: An Introduction. New York, 2017; *Gillborn D., Dixon A.D., Ladson-Billings G., Parker L., Rollock N., Warmington P. (eds.).* Critical Race Theory in Education. Vol. 1–4. London, 2018.

Вышесказанное не имеет, однако, практически никакого отношения к дебатам, идущим в публичном пространстве. В этом контексте значение термина совершенно изменилось. Разработке законопроектов о запрете CRT предшествовал продлившийся несколько месяцев подготовительный этап, во время которого консервативные журналисты, исследователи и другие общественные деятели активно добивались поддержки грядущих реформ образовательного законодательства. В качестве иллюстрации можно привести, например, ведущий консервативный телеканал Fox News, в эфире которого понятие CRT за четыре месяца, с марта по июнь 2021 г., упоминалось более 1300 раз, при том что общее количество упоминаний за весь предыдущий год ограничивалось несколькими десятками (большая часть при этом пришлась на январь–февраль, когда кампания против CRT набирала обороты)³.

В отличие от «академической» CRT, точно определить, что именно подразумевает это понятие в «медийном» его варианте, довольно сложно. Один из «архитекторов» кампании против CRT, консервативный журналист и общественный деятель Кристофер Руфо открыто признал в марте 2021 г., что сознательно делал всё возможное, чтобы добиться именно такого эффекта: «Мы успешно втянули их [либералов] бренд в публичную сферу и усиливаем его негативные коннотации. Со временем мы сделаем его токсичным, привяжем к этому бренду всё культурное безумие. Наша цель в том, чтобы человек, прочитав в газете что-нибудь безумное, немедленно думал: CRT. Мы декодифицировали CRT и перекодифицируем ее, включив [в это понятие] весь спектр культурных конструкторов, которые не пользуются популярностью у американцев»⁴. Как, справедливо на наш взгляд, заметила журналистка “New York Magazine” Сара Джонс, К. Руфо «берет концепцию CRT, лишает его всякого значения и превращает в универсальный термин для всего, что может вызывать недовольство белых американцев»⁵.

Прекрасный пример представляет заметка⁶ того же К. Руфо, в которой утверждается, что Департамент образования штата Ари-

³ Power L., Savillo R. Fox News' obsession with critical race theory, by the numbers. — URL: <https://www.mediamatters.org/fox-news/fox-news-obsession-critical-race-theory-numbers> (дата обращения: 13.07.2022).

⁴ Sykes C. Scenes from the Culture War. — URL: <https://morningshots.thebulwark.com/p/scenes-from-the-culture-war> (дата обращения: 13.07.2022).

⁵ Jones S. How to Manufacture a Moral Panic. — URL: <https://nymag.com/intelligencer/2021/07/christopher-rufo-and-the-critical-race-theory-moral-panic.html> (дата обращения: 13.07.2022).

⁶ Rufo C. Racism in the Cradle. — URL: <https://christopherrufo.com/racism-in-the-cradle/> (дата обращения: 13.07.2022).

зона подготовил некий набор материалов, из которого ученики должны усвоить, что расизм проявляется у белых американцев уже в младенческом возрасте. Однако текст заметки мало соответствует реальности. Да, так называемый “equity toolkit” действительно был разработан⁷. Но, во-первых, это сборник методических материалов для учителей, призванный помочь им в работе с классами, включающими учеников разного расового и этнического происхождения, и для преподавания как такового материалы не предназначались. Во-вторых, вышеупомянутого утверждения они не содержат. В материалах приводится ссылка на исследования, проведенные в США, Великобритании и Китае на материале разных этнических сообществ, показывающие, что младенцы во многих случаях позитивно реагируют на лица представителей той этнической группы, к которой принадлежат они сами и их родители⁸.

Сформированное таким образом отношение к CRT играет свою роль и в политике. Так, кандидат от республиканской партии на пост губернатора Вирджинии Глен Янгкин активно использовал в своей избирательной кампании критику CRT, а обещание «в первый же день» запретить ее преподавание в школах стало краеугольным камнем его программы⁹. На выборах 2021 г. Г. Янгкин одержал победу, пусть и с небольшим перевесом. Конечно, утверждать, что обращение к критике CRT — единственное, что принесло ему эту победу, было бы по меньшей мере неосторожно, но роль этого вопроса в активизации электората нельзя недооценивать¹⁰. Предвыборное обещание Янгкин сдержал: исполнительный указ о запрете преподавания CRT стал его первым актом на посту губернатора¹¹.

За последние полтора-два года CRT превратилась в некий общий ярлык для условной «либеральной повестки»¹². Такой подход позво-

⁷ Equity Toolkit. — URL: <https://www.azed.gov/file/36762> (дата обращения: 13.07.2022).

⁸ Kelly D.J. et al. Three-month-olds, but not newborns, prefer own-race faces // *Developmental science*. 2005. Vol. 8 (6). P. F31–F36.

⁹ Schneider G., Vozella L. Va. Gov. Youngkin stirred the GOP base on critical race theory — but not the General Assembly. — URL: <https://www.washingtonpost.com/dc-md-va/2022/02/26/virginia-youngkin-critical-race-theory-general-assembly/> (дата обращения: 13.07.2022).

¹⁰ Beauchamp Z. Did critical race theory really swing the Virginia election? — URL: <https://www.vox.com/policy-and-politics/2021/11/4/22761168/virginia-governor-glenn-youngkin-critical-race-theory> (дата обращения: 13.07.2022).

¹¹ Ending the use of inherently divisive concepts, including critical race theory, and restoring excellence in k-12 public education in the Commonwealth. — URL: <https://www.governor.virginia.gov/media/governorvirginiagov/governor-of-virginia/pdf/eo/EO-1-Ending-the-Use-of-Inherently-Divisive-Concepts.pdf> (дата обращения: 13.07.2022).

¹² Нужно отметить, что одна из ключевых фигур в истории CRT, Кимберли Креншо, за последние два года неоднократно выступала в прессе, обращая внима-

ляет критикам использовать в качестве примеров потенциальной вредности «подавляющей идеологии, насаждаемой против нашего желания»¹³, практически что угодно.

Законодательная борьба с CRT

Результатом кампании по «переопределению» CRT стал ряд законопроектов на уровне штатов. Всего с января 2021 г. в легислатуры штатов было внесено для обсуждения 182 таких законопроекта. Часть из них «погибла» (57 законопроектов), не дойдя до голосования, часть находится на разных стадиях обсуждения, а несколько (16 законов) уже приняты и вступили в силу. На данный момент законы о «запрете CRT» действуют в штатах Аризона, Арканзас, Флорида, Айдахо, Айова, Миссисипи, Нью-Гемпшир, Северная Дакота, Оклахома, Южная Каролина, Южная Дакота, Теннесси и Техас. Кроме законодательных мер, консервативные политики, занимающие государственные должности, имеют и ряд других возможностей влиять на образовательный процесс — исполнительные указы губернаторов, решения различных исполнительных комитетов и т.п. На данный момент меры такого рода действуют в штатах Алабама, Флорида, Монтана, Южная Дакота, Юта и Виргиния. Проекты законов о запрете CRT были представлены даже законодательным собраниям таких традиционно либеральных штатов, как Род-Айленд и Нью-Йорк¹⁴.

Сходства между этими документами очевидны как в смысле предлагаемых ими ограничительных мер, так и в общих формулировках и ясно читающейся единой идеологической основе. Ниже мы постараемся рассмотреть наиболее значимые из таких «общих мест». Для начала же обратимся к источнику, из которого пришла и сама идея использования CRT в качестве «козла отпущения», и формулировки, и конкретная аргументация.

Источником этим стала администрация президента Д. Трампа. Именно ее усилиями понятие CRT оказалось впервые на слуху, началось и постепенное изменение его значения в глазах широкой

ния именно на разрыв между «академической» CRT и набором идей, который предстает под этим наименованием в популярной риторике. См., например: *Omokha R.* “I See My Work as Talking Back”: How Critical Race Theory Mastermind Kimberlé Crenshaw Is Weathering the Culture Wars. — URL: <https://www.vanityfair.com/news/2021/07/how-critical-race-theory-mastermind-kimberle-crenshaw-is-weathering-the-culture-wars> (дата обращения: 13.07.2022).

¹³ Florida’s governor signs controversial bill banning critical race theory in schools. — URL: <https://www.wptv.com/news/education/floridas-governor-to-sign-critical-race-theory-education-bill-into-law> (дата обращения: 13.07.2022).

¹⁴ Общий список всех законопроектов о запретах в образовании, составленный PEN America, см.: URL: https://docs.google.com/spreadsheets/d/1Tj5WQVbM6S0qzP_M8uZsQQGH09TxmBY73v23zpyr0/edit#gid=1505554870

публики, хотя настоящий размах обсуждение и осуждение приняли уже после ухода Трампа с поста президента.

Ключевыми для будущей дискуссии вокруг CRT стали выступление Трампа в сентябре 2020 г., в разгар избирательной кампании¹⁵, и исполнительный указ от 4 сентября 2020 г., запрещающий использование «антиамериканской пропаганды» при обучении сотрудников федеральных учреждений¹⁶. К теме школьного образования, одной из ключевых в вышеупомянутом выступлении, Трамп обращался неоднократно, в самих заявлениях в духе «школы и колледжи учат наших детей ненавидеть Америку» ничего нового не было (в частности, именно так он выразился в речи, произнесенной 4 июля 2020 г. у монумента на горе Рашмор)¹⁷. К моменту сентябрьского выступления особую значимость приобрели два обстоятельства. Первое — продолжающиеся протесты под лозунгом “Black Lives Matter”, адекватного ответа на которые администрация так и не нашла. Второе — публикация созданной журналистами “New York Times” подборки эссе под общим названием “The 1619 Project”¹⁸. Задачей проекта является знакомство широкой публики с малоизвестными страницами истории «черной» Америки, с влиянием института рабства на американское общество и с ролью чернокожих американцев в истории страны. Отсюда и название проекта — авторы предлагают читателям исходить из того, что история Америки, ключевых для нее институтов и форм общественных отношений, началась в 1619 г., с привозом первых рабов из Африки в английские колонии на континенте.

Публикация вызвала острое неприятие со стороны консерваторов, для которых сама идея критики прошлого США, особенно фигур отцов-основателей и отцов-пилигримов, сродни святотатству¹⁹. Основа исторического мышления консерваторов сводится к

¹⁵ Remarks by President Trump at the White House Conference on American History. — URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-white-house-conference-american-history/> (дата обращения: 13.07.2022).

¹⁶ Training in the Federal Government. — URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2020/09/M-20-34.pdf> (дата обращения: 13.07.2022); Schwartz S. Who’s Really Driving Critical Race Theory Legislation? An Investigation. — URL: <https://www.edweek.org/policy-politics/whos-really-driving-critical-race-theory-legislation-an-investigation/2021/07> (дата обращения: 13.07.2022).

¹⁷ Remarks by President Trump at South Dakota’s 2020 Mount Rushmore Fireworks Celebration. Keystone, South Dakota. — URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-south-dakotas-2020-mount-rushmore-fireworks-celebration-keystone-south-dakota/> (дата обращения: 13.07.2022).

¹⁸ The 1619 Project. — URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2019/08/14/magazine/1619-america-slavery.html> (дата обращения: 13.07.2022).

¹⁹ Foran C. GOP Sen. Tom Cotton pitches bill to prohibit use of federal funds to teach 1619 Project. — URL: <https://edition.cnn.com/2020/07/24/politics/tom-cotton-1619-project-bill/index.html> (дата обращения: 13.07.2022).

тому, что негативные моменты в американской истории возможно и были, но исключительно как отступление от основ американской государственности, от идей свободы и равноправия, как единичные «поломки» государственного и общественного механизма, а не фундаментальные проблемы²⁰.

В выступлении 17 сентября Д. Трамп назвал протесты «прямым результатом десятилетий левой пропаганды в школах», а также заявил о создании правительственной комиссии, призванной разработать «про-Американскую учебную программу, которая правдиво осветит великую историю нашей страны»²¹. Созданная президентом комиссия была названа «Комиссией 1776»²² — очевидно, в пику “New York Times”. Конкретные функции и полномочия ее остались не вполне понятны. Кроме предполагаемой «реформы» образования, какую бы форму она ни приняла, администрация Д. Трампа также разработала ряд рекомендаций для федеральных учреждений, призвав их исключить из материалов, предназначенных для обучения сотрудников, любую критику американских государственных институтов²³.

После поражения Д. Трампа на выборах «Комиссия 1776» была расформирована. Зато на уровне штатов именно с этого момента активизируется критика школьного образования и разработка соответствующих законодательных мер, и одновременно с этим в СМИ и социальных сетях начинается кампания по «переопределению» CRT. Результатами деятельности Д. Трампа в последний год его президентства в интересующем нас контексте стали, во-первых, привлечение внимания консервативного электората к школьному образованию, а во-вторых — разработка большей части риторического «инструментария», использовавшегося в дальнейшем на уровне штатов.

Сходство обсуждающихся сегодня законопроектов с исполнительным указом Д. Трампа легко объяснимо. Первым этапом законодательной кампании против CRT стала разработка рядом консервативных общественных организаций так называемой *model legislation* — «шаблонов», которые после небольшой доработки «по-

²⁰ Cotton Bill to Defund 1619 Project. — URL: <https://www.cotton.senate.gov/news/press-releases/cotton-bill-to-defund-1619-project-curriculum> (дата обращения: 13.07.2022).

²¹ Trump Announces ‘Patriotic Education’ Commission, A Largely Political Move. — URL: <https://www.npr.org/2020/09/17/914127266/trump-announces-patriotic-education-commission-a-largely-political-move> (дата обращения: 13.07.2022).

²² Executive Order on Establishing the President’s Advisory 1776 Commission. — URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/executive-order-establishing-presidents-advisory-1776-commission/> (дата обращения: 13.07.2022).

²³ Training in the Federal Government. — URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2020/09/M-20-34.pdf> (дата обращения: 13.07.2022).

дойдут» практически любому штату²⁴. Эти наработки, опубликованные вскоре после принятия исполнительного указа, заимствовали использованные администрацией президента выражения, дополнив их тезисами, касающимися школьного образования. Реальные же законопроекты зачастую копировали эти «модели» практически дословно — так, законы, принятые в Айдахо и Теннесси чрезвычайно близки к модельному законопроекту, разработанному Citizens for Renewing America²⁵.

Ключевым для всех таких законопроектов является понятие *divisive concept*. Практически все они открываются списком дефиниций, первая из которых – «что такое, в контексте данного документа, *divisive concept*»²⁶. В некоторых документах речь идет о CRT, другие не называют прямо конкретной теории, но общий набор вызывающих тревогу законотворцев идей и концепций оказывается одним и тем же, причем сами определения чрезвычайно близки к тем, которые использовал Д. Трамп.

Под *divisive concepts* в рамках законопроектов понимается ряд идей и представлений, таких как врожденное превосходство одной расы над другими, коллективная ответственность всех представителей расы или пола за преступления отдельных их представителей, в том числе совершенные в далеком прошлом, допустимость дискриминации по признаку расы или пола²⁷. На первый взгляд, запрет преподавания подобных идей в школе покажется вполне оправданным любому разумному человеку.

Проблема заключается в интерпретации. Например, один из таких концептов — «США основаны на расизме и сексизме». Да, в чистом виде это заявление кажется, мягко говоря, преувеличением. Но оно открывает широкий простор для интерпретаций. Напри-

²⁴ Protecting K-12 Students from Discrimination. — URL: <https://www.heritage.org/article/protecting-k-12-students-discrimination> (дата обращения: 13.07.2022); Copland J.R. How to Regulate Critical Race Theory in Schools: A Primer and Model Legislation. — URL: <https://www.manhattan-institute.org/copland-critical-race-theory-model-legislation> (дата обращения: 13.07.2022).

²⁵ Model School Board Language To Prohibit Critical Race Theory. — URL: <https://citizensrenewingamerica.com/issues/model-school-board-language-to-prohibit-critical-race-theory-2/> (дата обращения: 13.07.2022).

²⁶ См., например, обобщение в: *Schwartz S.* Op. cit.

²⁷ См., например, законопроект предложенный в Пенсильвании: An Act Providing for Restrictions on Racist and Sexist Concepts, for Contracts, for Penalty and for Private Cause of Action. — URL: <https://www.legis.state.pa.us/CFDOCS/Legis/PN/Public/btCheck.cfm?txtType=PDF&sessYr=2021&sessInd=0&billBody=H&billTyp=B&billNr=1532&pn=1679> (дата обращения: 13.07.2022). В качестве основы был использован «модельный законопроект» Alliance for Free Citizens: The Teaching Racial and Universal Equality Act. — URL: <https://res.cloudinary.com/dqvxp4dnm/image/upload/v1651771699/a3u3tr22li4myattcblc.pdf> (дата обращения: 13.07.2022).

мер, само упоминание того факта, что большинство авторов Конституции США были рабовладельцами — что неоспоримо, — вполне можно счесть как раз попыткой описать США как фундаментально расистскую страну. Так, собственно, и произошло в ряде случаев, когда учителя столкнулись именно с такими обвинениями²⁸. В принципе любое обращение к истории рабства в США почти неизбежно столкнется с той же проблемой: не признавать основополагающего значения рабства для экономики как минимум южных колоний нельзя, а признавать — значит подставляться под обвинения в соответствии с новыми законами.

Впрочем, так же широко при некотором желании можно интерпретировать и более, на первый взгляд, простые *divisive concepts*. Например, новые законы запрещают учить школьников, что одна раса фундаментально лучше или хуже другой. Само предположение, что в современной школе могут преподавать подобные идеи, вызывает некоторую оторопь. С другой стороны, именно к этому пункту недавно принятого закона апеллировала группа родителей в одном из округов штата Теннесси. В школе их дети читали автобиографию Руби Бриджес, одной из первых чернокожих учениц, пошедших в традиционно «белую» школу. Сама Бриджес и ее семья столкнулись с активным неприятием со стороны белых учеников и их родителей, и в целом десегрегация школ сопровождалась конфликтами, которые и описаны в книге Бриджес. Борьба с десегрегацией школ на Юге хорошо изучена, ей посвящено колоссальное количество научных и популярных работ, и сами по себе факты не вызывают сомнения — десегрегация школ действительно встретила с сопротивлением, зачастую агрессивным, со стороны белых южан. Тем не менее, согласно жалобе теннессийских родителей, автобиография Бриджес нарушает недавно принятый закон, потому что показывает белых в негативном свете, а следовательно, создает у учеников представление, что они фундаментально хуже черных²⁹. В результате книга была убрана

²⁸ Natanson H. White teacher taught White students about White privilege. It cost him his job. — URL: <https://www.washingtonpost.com/education/2021/12/06/tennessee-teacher-fired-critical-race-theory/> (дата обращения: 13.07.2022); *Idem*. Loudoun school board cuts short public comment during unruly meeting; one arrested. — URL: https://www.washingtonpost.com/local/education/loudoun-school-board-closes-meeting/2021/06/22/30493128-d3ad-11eb-9f29-e9e6c9e843c6_story.html (дата обращения: 13.07.2022); Waxman O. Op. cit.

²⁹ Parents criticize Ruby Bridges book in debate over CRT, Tenn. Curriculum. — URL: <https://news.yahoo.com/parents-criticize-ruby-bridges-book-212700985.html> (дата обращения: 13.07.2022); Tennessee Republicans deem Ruby Bridges' story critical race theory in effort to ban it in schools. — URL: <https://www.dailykos.com/stories/2021/7/8/2038862/-Tennessee-Republicans-deem-Ruby-Bridges-story-critical-race-theory-in-effort-to-ban-it-in-schools> (дата обращения: 13.07.2022); Ruby Bridges

из программы, и саму тему сопротивления десегрегации на уроках больше не рассматривали. Закономерно встает вопрос о том, как в таком случае вообще обсуждать проблемные моменты американской истории — от истории рабства на Юге до истории интернирования японцев во время Второй мировой войны. На данный момент в тех штатах, где законы «против CRT» действуют, единственным решением оказывается, видимо, отказ от такого обсуждения.

Большинство законов, независимо от того, используют ли они термин CRT, касаются не только обсуждения категорий расы и межрасовых отношений. В число *divisive concepts* попадают также концепции гендерной и сексуальной идентичности. Закон, принятый во Флориде, даже получил в прессе неформальное обозначение “Don’t Say Gay Bill”³⁰. Это ироничное наименование указывает на еще одну фундаментальную проблему, с которой сталкиваются законы против CRT.

Заключается она в том, что законодателям довольно сложно определить, что именно они пытаются регулировать. Должны ли они полностью запретить всякое обсуждение *divisive concepts*? Именно так сформулированы законы, принятые в Аризоне, Оклахоме, Теннесси и Техасе: согласно им, подобные концепции не могут быть «включены в курс» ни в каком виде³¹. Соответственно даже обсуждать само существование *divisive concepts* не представляется возможным. Это радикальное решение создает многочисленные проблемы для учителей, но по крайней мере делает формулировку

Children’s Book Now Labeled ‘Critical Race Theory’ by Parent Groups in Tenn. — URL: <https://blackamericaweb.com/2021/07/08/ruby-bridges-childrens-book-critical-race-theory-tennessee/> (дата обращения: 13.07.2022); Tennessee parents say some books make students ‘feel discomfort’ because they’re White. They say a new law backs them up. — URL: <https://madison365.com/tennessee-parents-say-some-books-make-students-feel-discomfort-because-theyre-white-they-say-a-new-law-backs-them-up/> (дата обращения: 13.07.2022); “Moms For Liberty” says book about MLK violates new law banning CRT in Tennessee. — URL: <https://www.congress.gov/117/meeting/house/114616/documents/HHRG-117-GO02-20220407-SD014.pdf> (дата обращения: 13.07.2022).

³⁰ Florida’s governor signs controversial law opponents dubbed ‘Don’t Say Gay’. — URL: <https://www.npr.org/2022/03/28/1089221657/dont-say-gay-florida-desantis> (дата обращения: 13.07.2022).

³¹ An Act to amend Tennessee Code Annotated, Title 49, Chapter 7, relative to higher education. — URL: <https://legiscan.com/TN/text/HB2670/id/2502636> (дата обращения: 13.07.2022); An Act relating to education; prohibiting certain students within certain institutions from being required to engage in certain training or counseling... — URL: http://webserver1.lsb.state.ok.us/cf_pdf/2021-22%20ENR/hB/HB1775%20ENR.PDF (дата обращения: 13.07.2022); An Act Amending Sections 5-568, 15-119, 15-181 and 15-185, Arizona Revised Statutes... — URL: <https://www.azleg.gov/legtext/55leg/1R/laws/0404.pdf> (дата обращения: 13.07.2022); Relating to the social studies curriculum in public schools. — URL: <https://legiscan.com/TX/text/HB3979/id/2407870> (дата обращения: 13.07.2022).

закона более ясной. Но большинство законов предлагают запретить учителям «поддерживать» сомнительные идеи или требовать, чтобы их поддерживали ученики. При этом, однако, не разъясняется, что имеется в виду под поддержкой. Резонно предположить, что в большинстве случаев учителя и школьная администрация будут точно так же избегать всякого обсуждения «проблемных» вопросов, просто из осторожности — как уже показал опыт Теннесси, что именно родители сочтут нарушением новых норм и поводом подать жалобу на учителя, предсказать не всегда возможно.

Сходные сложности вызывает и содержащийся в некоторых законопроектах (например, в Нью-Джерси и Миссури — впрочем, в обоих штатах эти проекты прошли обсуждение только в одной из палат законодательного собрания и на данный момент считаются «мертвыми»³²) запрет на проявление учителями каких-либо политических или партийных предпочтений. От учителей требуется некая идеализированная абсолютная объективность, в реальности вряд ли достижимая. Кроме того, остается без ответа ряд ключевых вопросов. Что считать проявлением политической предвзятости учителя? По каким признакам можно определить, что норма нового законодательства нарушена? Если, например, учитель истории утверждает, что политика такого-то президента и его партии оказалась провальной, значит ли это, что он автоматически показывает свою предвзятость в пользу другой партии? На данный момент решение этих вопросов остается на усмотрение родителей учеников.

Еще один вопрос, ответ на который, кажется, не вполне понятен самим законодателям, — кто и как должен следить за соблюдением предлагаемых ими норм. В большинстве случаев речь идет о том, что жалобы могут подавать граждане. Что при этом грозит школе или учителю, кто конкретно будет принимать решение и применять те или иные карательные меры, зависит от штата. В характерную для американских консерваторов концепцию ограничения государственного вмешательства в жизнь граждан такое решение вполне вписывается.

И, наконец, последняя составляющая многих законов против CRT, хотя и не столь «обязательная», как обращение к *divisive concepts*, касается так называемых *action civics* и вообще всего, связанного с гражданским активизмом. Здесь явно проявляются «корни»

³² Prohibits teaching of critical race theory in public schools; prohibits public school teachers from engaging in political, ideological, or religious advocacy in classroom. — URL: <https://legiscan.com/NJ/text/S598/id/2475574> (дата обращения: 13.07.2022); Identifies particular social studies academic performance standards and learning standards for elementary and secondary education. — URL: <https://legiscan.com/MO/text/HB1835/id/2541812> (дата обращения: 13.07.2022).

нынешней законодательной кампании — попытки администрации Д. Трампа справиться с волной протестов. Предполагается, что ученики не должны получать дополнительных «кредитов» за участие в общественной деятельности, особенно носящей протестный характер. Кроме того, учителя, обсуждая текущие политические события, не должны выражать симпатий ни к одной из «сторон» (здесь особенно красноречива сама по себе трактовка внутренней жизни страны как конфликта с четко определенными сторонами). Как и в случае с *divisive concepts* эти меры на первый взгляд кажутся разумными, но, по сути, трудно реализуемы, а последствия их плохо предсказуемы. Во-первых, немедленно встает вопрос: кто должен определять, какая внеклассная деятельность за «кредиты» разрешена, а какая нет? Законы этого не оговаривают. Во-вторых, не вполне ясно, что именно запрещается и насколько о текущих событиях вообще можно говорить. Например, если речь идет о протестах BLM, допустимо ли говорить о том, что стало для них отправной точкой? Если да — то как отвечать на вопросы о жестокости полиции в отношении чернокожих американцев, стоит ли приводить статистику? Опять-таки, как и в случае преподавания истории, единственным «безопасным» выходом для учителей оказывается уход от обсуждения текущих событий в принципе. Но именно этими событиями ученики, особенно старшеклассники, интересуются больше всего, и вопросы, которые они задают учителям, никуда не исчезнут.

Общая «расплывчатость» законов стала неизбежным следствием прямого переноса идеологических конструкций, которым определенность не нужна и даже чужда, в правовую сферу. Консервативный электорат в целом поддерживает эти меры, но некоторые консервативные политические деятели и комментаторы относятся к ним с большей осторожностью, подчеркивая именно их непроработанность и неэффективность. Как минимум одна из ведущих консервативных общественных организаций, Koch Group, официально выступила против запрета CRT на том основании, что законодательный запрет такого рода является формой государственной цензуры, противостояние которой — один из ключевых элементов идеологии американских консерваторов³³.

³³ Conservative Koch network disavows critical race theory bans. — URL: <https://apnews.com/article/iowa-philanthropy-evan-feinberg-f2680a1c7c1f84c8f69d63eaa631908a> (дата обращения: 13.07.2022); Whittington K. Banning ‘critical race theory’ would be bad for conservatives, too. — URL: <https://www.washingtonpost.com/outlook/2021/06/30/racism-academic-discussions-pennsylvania-law/> (дата обращения: 13.07.2022); Moody T. Anti-CRT bills defy conservative values. Let curriculum choices be local. — URL: <https://www.courier-journal.com/story/opinion/2022/01/20/opinion-curriculum-choices-should-local-even-crt-no-laws-needed/6511365001/> (дата обращения: 13.07.2022).

CRT, политика памяти и эмоциональные аспекты преподавания истории

Законы, «корректирующие» преподавание в школах, несомненно стали в последние два года важной частью «политики памяти», тех мер, с помощью которых государственные и негосударственные акторы пытаются повлиять на массовое восприятие прошлого. Хотя формально эти законы касаются не только истории, очевидно, что для преподавания истории они наиболее значимы. Любое обсуждение проблем межрасовых отношений требует обращения к истории, ее осмысления и переосмысления. Показательно, что отправной точкой для развития критики CRT стала реакция администрации Д. Трампа на публикацию “The 1619 Project”, вообще не имеющего прямого отношения к образованию. Речь с самого начала шла именно о создании и продвижении определенной концепции истории, школьные же программы как таковые являются лишь наиболее активно используемым и массовым способом распространения этой концепции.

Одна из особенностей политики памяти состоит в том, что проводя ее, в отличие от политики, например, налоговой, могут не только органы власти, но и неправительственные организации, общественные движения и др. Общественное обсуждение CRT и подготовка «модельных» законопроектов — пример реализации политики памяти консервативными общественными организациями и объединениями граждан. Кроме того, результатом этого процесса стало расширение поля возможностей «низовой» политики памяти. Если раньше для продвижения своей концепции истории консервативным акторам приходилось прибегать к протестам, выступлениям, дорогостоящим кампаниям в СМИ и т. п., теперь у них — причем именно у «низовых», локальных организаций и активистов — есть для этого юридически обоснованные механизмы. Нельзя исключать, что консерваторы будут и в дальнейшем не столько пытаться навязывать определенную модель памяти «сверху», сколько открывать возможности для ее формирования и поддержания «снизу».

Говоря о проблемах современности, американские политики часто апеллируют к образам прошлого, обвиняя при этом своих идеологических противников в ревизионизме. Понятия ревизионизма и искажения истории вообще часто фигурируют в законах, связанных так или иначе с памятью. Правда, как справедливо отмечает в опубликованном на страницах “New York Times” эссе историк Тимоти Снайдер, под ревизионизмом в таких случаях понимается обычно обращение к тем историческим сюжетам и темам, которые так или иначе ставят под сомнение образ истории, существующий в созна-

нии политической верхушки, или способны вызвать дискомфорт у поддерживающего эту верхушку электората³⁴. Признать наличие фундаментальных, структурных недостатков психологически тяжело, не говоря уж о том, что такое признание потребовало бы каких-то активных мер по преодолению этих недостатков, к чему администрация была совершенно не готова. Естественной реакцией стала политика, нашедшая чуть позже выражение в законах против преподавания CRT. Достаточно объявить любые проблемы, современные или прошлые, результатом «отдельных недочетов» или «отступлением от ключевых принципов, на которых строится Америка», и любая попытка значимой переоценки истории становится ревизионизмом, искажением истины. Естественно, в условиях кризиса межрасовых отношений, с которым США столкнулись в последние годы, психологическая потребность в такой «защите» особенно высока: идеализированный образ истории позволяет справиться с неуверенностью сегодняшнего дня.

Ключевые аргументы в пользу принятия законов против CRT, приводящиеся в самих текстах законопроектов, касаются именно эмоций и чувств. Ключевым аргументом при публичном обсуждении этих мер стала апелляция к чувствам учеников: «представьте, как себя будут чувствовать белые школьники, если сказать им, что их предки были расистами». В самих текстах прямо указывается мотивация законодателей: «запретить включение в учебный процесс материалов, которые могут вызвать дискомфорт, чувство вины или горя»³⁵. Основанием для жалоб по новым законам становятся именно чувства, а учителя, разрабатывая учебные планы, вынуждены исходить из того, какую эмоциональную реакцию может вызвать у учеников или их родителей тот или иной сюжет.

Показательна в этом смысле ситуация в Оклахоме. Один из тяжелейших эпизодов в истории этого штата — так называемая «резня в Тулсе», во время которой от рук белых жителей города погибло множество их чернокожих сограждан, а «черный» район города был едва ли не уничтожен. Новый закон о школьном образовании вступил в силу буквально за несколько дней до сотой годовщины этого трагического события. При этом губернатор заявил, что знакомить

³⁴ Snyder T. The War on History Is a War on Democracy. — URL: <https://www.nytimes.com/2021/06/29/magazine/memory-laws.html> (дата обращения: 13.07.2022).

³⁵ Ibid. Например: Act providing for requirements related to racism or sexism trainings at, and diversity and inclusion efforts by, governmental agencies and entities, school districts, and public postsecondary educational institutions. — URL: <https://www.legis.iowa.gov/legislation/BillBook?ba=HF%20802&ga=89> (дата обращения: 13.07.2022); Relating to the establishment and duties of the Texas 1836 Project. — URL: <https://legiscan.com/TX/text/HB2497/id/2407888> (дата обращения: 13.07.2022).

учеников с этим сюжетом по-прежнему можно, но ряд общественных организаций и деятелей образования выразили вполне обоснованные сомнения³⁶. Как можно обсуждать с учениками события такого рода, не вызывая «дискомфорта, чувства вины и гора», действительно, не вполне понятно.

На первый взгляд попытки «запрета» CRT могут выглядеть как попытка сохранить статус-кво — в образовании, в политике и, в целом, в межрасовых отношениях. Интервью, проведенные автором во время исследовательской поездки в Южной Каролине осенью 2021 г. (35 полуструктурированных интервью, с черными и белыми американцами, в основном работниками сферы образования), показали, что именно проблемные точки истории, в том числе проблема рабства — чуть ли не единственная тема, касающаяся афроамериканской истории, которой уделялось время в школе. При этом авторы запретительных законов предлагают описывать рабство как случайное отклонение от демократических принципов, в то время как традиционные образовательные программы признавали его закономерность — либо, как бывало на юге, пытаясь оправдать его в той или иной степени, либо как минимум подчеркивая его экономическое значение.

Утверждать, что США и их история в школьной программе предстают в негативном свете, — мягко говоря, преувеличение. Даже признавая недостатки американской общественной системы, школа все равно позиционирует Америку как пусть не идеальное, но лучшее из реально существующих обществ, светоч демократии и прогресса и т.д. и т.п. В новых законах речь идет не о возвращении к статус-кво, а о его пересмотре и переоценке. Не случайно Д. Трамп в своих наиболее громких публичных выступлениях подчеркивал, что «промывка мозгов» в школах идет уже «многие десятилетия» — школьная система требует именно перестройки, а не защиты от внешнего влияния. Новые законы подразумевают, что основная задача преподавания истории и общественных наук в школе — поддержание психологического комфорта учеников и родителей за счет отказа от рассмотрения проблемных событий и периодов американской истории.

Последствия такой политики могут оказаться разрушительными во многих отношениях. История — не форма групповой терапии, и «дискомфорт», который неизбежно вызывают ее «мрачные» страницы, — нормальная часть ее изучения. Без этого дискомфорта

³⁶ *Hobbs T.D.* New Oklahoma Law Sparks Debate Over Teaching About Tulsa Massacre. — URL: <https://www.wsj.com/articles/new-law-threatens-lessons-about-tulsa-race-massacre-11622293201> (дата обращения: 13.07.2022).

не может сформироваться здоровое и сбалансированное чувство исторической памяти. Если на протяжении всего школьного курса ученика убеждают, что страна, в которой он живет, всегда представляла собой идеально гармоничное общество, в котором разве что изредка случались отдельные печальные эпизоды, то реакцией на любую критику современного ему общества будет в лучшем случае полное неприятие и отказ от всякой дискуссии, а в худшем — прямая агрессия в отношении «вредителей», которые разрушают заботливо сформированный идеал. Политика памяти всегда апеллирует в первую очередь к эмоциям, но замена нормального процесса переживания этих эмоций идеалом, не требующим осмысления и критики, вряд ли может быть продуктивна в долгосрочной перспективе.

Заключение

Усугубившаяся в течение последних двух десятилетий идеологическая поляризация американского общества уже привела к ряду социальных, политических и культурных кризисов. Последним на данный момент эпизодом в этой череде столкновений между все более отдаляющимися друг от друга «консерваторами» и «либералами» стало принятие в ряде штатов законов «против преподавания CRT».

Все эти законопроекты весьма схожи между собой, вплоть до дословного совпадения формулировок. Ключевой общий момент, определяющий суть нового законодательства, — запрет *divisive concepts*, которые во многих случаях объединяются общим термином “Critical Race Theory”. При этом к критической теории расы эти концепции не имеют практически никакого отношения, это скорее общие термины, обозначающие некий комплекс идей и явлений, вызывающих недовольство консервативной публики. Законы, основанные на столь неопределенном понятии, неизбежно отличаются такой же неопределенностью, что создает широкий простор для возможных злоупотреблений. В результате преподавание ряда предметов, в первую очередь истории, в государственных школах и колледжах сталкивается с труднопреодолимыми сложностями. Поскольку юридические основания для жалоб на нарушение учебными заведениями новых норм расплывчаты, единственным выходом для преподавателей становится отказ от обсуждения проблемных моментов американской истории, игнорирование сложных процессов, непосредственно влияющих на американское общество и государство по сей день.

Как и предыдущие «культурной войны», публичное обсуждение CRT и разработка законов против нее неразрывно связаны с восприятием истории. Процесс формирования законов против CRT, от

кампании в СМИ и социальных сетях до разработки «модельных» законодательных актов, представляет собой пример осуществления политики памяти негосударственными акторами. Новое законодательство призвано сформировать и закрепить идеализированный образ истории страны. При этом существующие сложности межрасовых отношений попадают в один ряд с другими «отступлениями от фундаментальных основ» и воспринимаются как случайные эпизоды. Характерно, что и весь этот подход в целом, и конкретные законы апеллируют к эмоциональному восприятию истории, к чувствам, они предельно субъективны, в их основе лежат не политические и даже не идеологические, а скорее психологические факторы. Призванные, по утверждениям их авторов, преодолеть очевидный раскол американского общества, эти законы, скорее всего, лишь усугубят его. Непродуманные попытки трансформации исторической памяти приведут к ее дальнейшему искажению и неспособности выполнять важнейшую ее функцию, функцию решения насущных, современных мировоззренческих проблем.

Список литературы

Бондаренко Д.М. Репрезентации рабства и Гражданской войны 1861–1865 гг. на Севере и Юге США: Расхождение исторических дискурсов // Диалог со временем. 2021. № 75. С. 143–157.

Травкина Н.М. Ожившая история США: гражданская война памятников // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 2. С. 12–29.

Crenshaw K., Gotanda N., Peller G., Thomas K. (eds). Critical Race Theory: The Key Writings That Formed the Movement. New York: The New Press, 1995. 494 p.

Delgado R., Stefancic J. Critical Race Theory: An Introduction. New York: New York University Press, 2017. xxiii, 199 p.

Gillborn D., Dixon A.D., Ladson-Billings G., Parker L., Rollock N., Warming-ton P. (eds.). Critical Race Theory in Education. Vol. 1–4. London: Routledge, 2018. 1790 p.

Kelly D.J. et al. Three-month-olds, but not newborns, prefer own-race faces // Developmental science. 2005. Vol. 8 (6). P. F31–F36.

Поступила в редакцию
7 августа 2022 г.

Ma Ifэн

**КАЗАХСТАНСКИЙ ПРОЕКТ «НУРЛЫ ЖОЛ»
И КИТАЙСКАЯ ИНИЦИАТИВА
«ОДИН ПОЯС И ОДИН ПУТЬ»:
ТОЧКИ СОПРЯЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Ma Yifeng

**KAZAKHSTAN'S "NURLY ZHOL" PROJECT
AND CHINA'S BELT AND ROAD INITIATIVE:
POINTS OF CONVERGENCE AND PROSPECTS**

Аннотация. Статья посвящена геополитическим и геоэкономическим целям и перспективам реализации китайской инициативы «Один пояс и один путь» на примере активного участия в данном проекте Казахстана. Рассматриваются преимущества, проблемы и будущие возможности, которые открываются перед Республикой Казахстан как одним из наиболее активных центрально-азиатских участников китайской инициативы. Акцент сделан на возможностях, успехах и проблемах сопряжения с ней национальной программы экономического развития Казахстана «Нурлы жол». Экономическая программа Казахстана «Нурлы жол» («Путь в будущее», дословно «Светлый путь»), выдвинутая в 2014 г., во многом перекликается с концепцией «Один пояс и один путь». Эта программа включает в себя приоритетные стратегии и цели, такие, как улучшение транспортной и логистической инфраструктуры, возрождение промышленной инфраструктуры, укрепление коммуникаций и т.д., что, несомненно, усиливает заинтересованность Казахстана и Китая во взаимном сотрудничестве. Инициатива «Один пояс и один путь» рассматривается как направление многостороннего сотрудничества, которое оказывает все большее влияние не только на экономику Казахстана, но и на экономические тенденции всех стран Центральной Азии. Для Казахстана есть сразу несколько приоритетных направлений такого сопряжения. Китайская инициатива способствует реализации начинаний по укреплению и расширению транспортного и инфраструктурного потенциал страны, Казахстан получает возможность обустройства важнейшего экономического коридора Восток–Запад через свои территории, что в перспективе станет немаловажным источником инвестиционных вливаний, а также трансфера новейших технологий. Автор приходит к выводу, что комплекс перспектив связан с открывающейся перед Казахстаном возможностью обеспечить пре-

Ma Ifэн, аспирант кафедры истории стран ближнего зарубежья исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Ma Yifeng, Postgraduate Student, Department of History of the New Independent States, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
+7-968-01-34-31; mayifeng0776@gmail.com

одоление восприятия этого государства как исключительно поставщика сырья и транзитного коридора. Инструментом достижения данной цели может выступать создание технологической стратегии для Казахстана, допускающей привлечение зарубежных инвестиций со стороны КНР, РФ, США, ЕС, включая практику создания совместных научных центров, кластеров высоких технологий, что позволит укрепить позиции Казахстана как экономико-технологического лидера Центральной Азии.

Ключевые слова: интеграция, Центральная Азия, Евразия, «Один пояс и один путь», «Нурлы жол», Китай, Казахстан, экономическое развитие, инфраструктура.

Abstract. The article examines Kazakhstan's active participation in the Chinese Belt and Road Initiative in the context of geopolitical and geoeconomic objectives and prospects of this project. It analyzes advantages, challenges and future opportunities for the Republic of Kazakhstan as one of the most active Central Asian participants of the Chinese initiative. The author deals with opportunities, successes and challenges of linking Kazakhstan's *Nurly Zhol* national economic development programme to it. Kazakhstan's *Nurly Zhol* economic programme, also called the "Path to the Future", or literally the "Bright Road") was launched in 2014. It has much in common with the Belt and Road concept. This programme includes priority strategies and goals, such as improving transport and logistics infrastructure, the reconstruction of industrial infrastructure, strengthening communications, etc. All this undoubtedly reinforces the interest of Kazakhstan and China in mutual cooperation. The Belt and Road Initiative is regarded as an area of collective cooperation, which has an increasing impact not only on Kazakhstan's economy, but also on the economic trends of all Central Asian countries. For Kazakhstan, there are several priority areas. The Chinese initiative contributes to the implementation of initiatives to strengthen and expand the transport and infrastructure potential of the country; Kazakhstan gets an opportunity to develop the most important East-West economic corridor through its own territory, which in the future will become an important source of investments, as well as a condition for the transfer of the latest technologies. The author concludes that the set of perspectives is related to the possibility for Kazakhstan to overcome its perception as a supplier of raw materials and a transit corridor. The tool to achieve this goal could be a technological strategy for Kazakhstan, allowing the involvement of investments from China, Russia, the United States, the EU, including the practice of creating joint research centres, high-tech clusters that will strengthen Kazakhstan's position as an economic and technological leader in Central Asia.

Keywords: integration, Central Asia, Eurasia, Belt and Road Initiative, *Nurly Zhol*, China, Kazakhstan, economic development, infrastructure.

Введение

Евразийская стратегия Китая, воплотившаяся в инициативе «Организация международного сотрудничества Шёлковый путь» (далее — «Один пояс и один путь»), направлена на увеличение мобильности ресурсов, на расширение, углубление и усиление взаимозависимости между дружественными странами Европы и Азии,

включая сотрудничество в области торговли, финансов, строительства, инфраструктуры и в других в отраслях.

Центральная Азия занимает особое место в контексте инициативы, призванной связать Китай с Европой железнодорожным и автомобильным транспортом. Автотранспортное и железнодорожное соединение Китая с Европой предполагается через такие страны, как Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан. Это развивающиеся страны с крупным сельскохозяйственным сектором и относительно ограниченной обрабатывающей промышленностью, занимающие нижние позиции в глобальных цепочках создания добавочной стоимости и имеющие устоявшиеся транспортные связи с другими регионами, что делает эти территории ключевыми в продвижении логистического потенциала экономической инициативы и развития международных торговых сетей. В этом контексте партнерство с Китаем крайне важно для такого центрально-азиатского актора, как Казахстан, поскольку казахстанско-китайская граница является самой протяженной на западе Китая. Первый президент Казахстана Н.А. Назарбаев часто заявлял, что фундаментальным приоритетом внешней политики Казахстана являются отношения с соседними Россией и Китаем¹. В то же время, если сотрудничество с Россией осуществляется в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), то тесное взаимодействие с Китаем идет именно в направлении возрождения Великого Шелкового пути.

Интенсивность двусторонних контактов на высшем политическом уровне между представителями Китая и Казахстана по поводу участия страны в инициативе «Один пояс и один путь» позволяет говорить о том, что Казахстан больше других центрально-азиатских стран заинтересован в расширении сотрудничества на евроазиатском пространстве по целому ряду причин, среди которых геоэкономический аспект является одним из основных. В частности, экономическая программа Казахстана «Нурлы жол» («Путь в будущее», дословно — «Светлый путь»), выдвинутая Н.А. Назарбаевым в 2014 г.², во многом перекликается с концепцией «Один пояс и один путь». Эта национальная политика включает в себя приоритетные стратегии и цели, такие, как улучшение транспортной и логистиче-

¹ Назарбаев: «Казахстан продолжит исповедовать многовекторную внешнюю политику» // Курсив. 21 ноября 2018 г. — URL: <https://kursiv.kz/news/geopolitika/2018-11/nazarbaev-kazakhstan-prodolzhit-ispovedovat-mnogovektornuyu-vneshnyuyu> (дата обращения: 30.11.2021)

² Послание Президента Республики Казахстан от 11 ноября 2014 г. «Нурлы жол — путь в будущее» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. — URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K14002014_2 (дата обращения: 25.11.2021)

ской инфраструктуры, возрождение промышленной инфраструктуры, укрепление коммуникаций и т.д., что усиливает взаимную заинтересованность в сотрудничестве Казахстана и Китая.

Официальные лица Казахстана также подчеркивают, что цели «Нурлы жол» и инициативы «Один пояс и один путь» сходны по характеру и взаимовыгодны. В своем выступлении на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2020 г. президент Казахстана К.-Ж. Токаев отметил, что центрально-азиатский регион является одним из ключевых направлений реализации этого мегапроекта и очевидно, что руководство Китая приняло во внимание последовательную приверженность Казахстана идее возрождения Великого Шелкового пути и готовности выполнять роль торгового и инфраструктурного узла для всего евразийского континента³.

«Нурлы жол» призван превратить Казахстан в ключевой евразийский транспортно-логистический узел, соединяющий Север, Юг, Запад и Восток, аналогичную цель разделяет и Китай. Казахстан займет важное место в реализации этого мегапроекта, что, в свою очередь, совпадает со стратегическими целями Казахстана по большой модернизации и превращению в региональный транспортно-логистический узел, соединяющий Европу и Азию.

Таким образом, исследование политического взаимодействия в рамках сопряжения двух интеграционных экономических инициатив позволило бы не только конкретизировать общую картину происходящих в данной сфере процессов, но и выявить проблемные узлы во взаимоотношениях двух стран, а также найти пути укрепления всестороннего сотрудничества между ними, что, безусловно, положительно сказалось бы на уровне доверия и безопасности в Центральной Азии.

Геополитический контекст инициативы «Один пояс и один путь»

В сентябре 2012 г. Вэнь Цзябао, бывший тогда премьером Госсовета КНР, отметил «необходимость широкомасштабного расширения взаимовыгодного сотрудничества во всех областях, наряду с укреплением движущих внутренних сил развития в данном регионе на благо народов всех стран Азии и Европы»⁴.

³ Gotev G. Kazakhstan will remain 'locomotive' of Eurasian integration — President // EurActiv. 17 February, 2020. — URL: <https://www.euractiv.com/section/central-asia/news/kazakhstan-will-remain-locomotive-of-eurasian-integration-president/> (дата обращения: 02.12.2021)

⁴ Вэнь Цзябао выступил с речью на открытии 2-й ярмарки ЭКСПО «Китай-Евразия» и Форума по китайско-евразийскому экономическому развитию и сотрудничеству // Жэньминь жибао. 3 сентября 2012 г. — URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7933295.html> (дата обращения: 05.12.2021)

В дальнейшем концепция реализации инициативы «Один пояс и один путь» в качестве масштабной зоны экономического сотрудничества, которая должна простирается от Китая до Европы, выдвигалась лидером КНР Си Цзиньпином в ходе его выступления в Университете им. Н.А. Назарбаева в Казахстане 7 сентября 2013 г. Си Цзиньпин в своей речи предлагал «объединить усилия в целях формирования экономического коридора Шелкового пути, способствуя поэтапному образованию полномасштабного регионального сотрудничества»⁵.

Спустя месяц после выдвижения экономической инициативы, во время визита в страны Юго-Восточной Азии китайский лидер выступил с идеей совместного строительства «Морского Шелкового пути XXI века». Вскоре обе инициативы объединились в одну общую концепцию «Один пояс и один путь», ставшую основополагающим элементом международной и внешнеэкономической политики КНР, в связи с чем она объявлялась в качестве «главной программы политики открытости внешнему миру и экономического сотрудничества КНР с зарубежными странами»⁶.

К марту 2015 г. был подготовлен первый официальный документ, носящий концептуальный характер, который в русскоязычном варианте получил название «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века»⁷.

После публикации правительственного документа проект стал привлекать все больше внимания. В результате инициатива «Один пояс и один путь» была включена в качестве одной из главных тем для обсуждения во время сессии Всекитайского собрания народных представителей 2016 г. Данная стратегия получила положительную реакцию и была включена в качестве важнейшего звена в планы

⁵ Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев-университете // Посольство Китайской Народной Республики в Республике Казахстан. 16 сентября 2013 г. — URL: <http://kz.chineseembassy.org/rus/zhgx/zxdt/t1077192.htm> (дата обращения: 06.12.2021)

⁶ Стратегия «пояс и путь» отныне является главной программой политики открытости внешнему миру и экономического сотрудничества Китая // Жэньминь жибао. 13 апреля 2015 г. — URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0413/c31521-8877122.html> (дата обращения: 02.12.2021)

⁷ «推动共建丝绸之路经济带和21世纪海上丝绸之路的愿景与行动 [Видение и меры по содействию строительству экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI века] // Форум международного сотрудничества «Один пояс, один путь». 7 апреля 2017 г. — URL: <http://www.beltandroadforum.org/n100/2017/0407/c27-22.html> (дата обращения: 02.12.2021)

14-й пятилетки на 2021–2025 гг. развития КНР, а также с целью прогресса глобальной экономики⁸.

Большинство азиатских стран заинтересованы в участии в инфраструктурных проектах Китая, это особо актуально для Центральной Азии, так как в большинстве своем именно недостаточно развитая транспортная система центрально-азиатских государств выступает как одно из главных препятствий для экономического роста⁹. Трансграничные инвестиции в инфраструктуру, которые предусматривает проект «Один пояс и один путь», являются геэкономическим инструментом, который дает огромные возможности для модернизации постколониальных и постсоветских стран. Кроме того, это дает Китаю колоссальные возможности для усиления своего влияния как в соседних, так и в отдаленных странах¹⁰. Инфраструктурные альянсы знаменуют собой важный переход от исключительной возможности применения военной силы к геэкономическим инструментам, столь важным в процессе формирования геополитического статуса страны.

В целом, представляется, что проект «Один пояс и один путь» является ярким примером стремления Пекина завоевать мировое лидерство за счет усиления своей экономической мощи¹¹. Автор статьи соглашается с мнением индийского геостратега Б. Челлани о том, что все китайские крупные проекты, в особенности, «Один пояс и один путь», приближают Китай к его стратегической цели — построению китаецентричной Азии¹².

⁸ 中华人民共和国国民经济和社会发展第十四个五年规划和2035年远景目标纲要 [Четырнадцатый пятилетний план национального экономического и социального развития КНР и план долгосрочных целей до 2035 г.] // Официальный сайт Правительства Китая. 13 марта 2021 г. — URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (дата обращения: 04.12.2021)

⁹ China is willing to promote the construction of China-Pakistan Economic Corridor // Xinhua News. 31 August 2016. — URL: http://russia.news.cn/2016-08/31/c_135648805.html (accessed: 30.11.2021); Wilson W. The Prospects for Economic Transition in China Are Questionabl. // The Heritage Foundation. 4 May, 2016. — URL: <https://www.heritage.org/report/the-prospects-economic-transition-china-are-questionable> (дата обращения: 05.12.2021)

¹⁰ Wilson W. Op. cit.

¹¹ Marszałek-Kawa J., Dmochowski T. Rozważania o kierunkach współczesnej polityki Chin. Toruń, 2018. S. 178.

¹² Chellaney B. Upholding the Asian Order. Project Syndicate // Project Syndicate. 22 January 2016. — URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/asian-powers-cooperation-for-regional-order-by-brahma-chellaney-2016-01?barrier=true> (дата обращения: 04.12.2021)

Инициатива «Один пояс и один путь» и Казахстан: возможности реализации программы «Нурлы жол»

С того момента, как китайский лидер Си Цзиньпин объявил о запуске программы «Один пояс и один путь» в Астане, между двумя странами наблюдалось постоянное развитие экономического сотрудничества за счет расширения торговли и инфраструктурных проектов. Двусторонняя торговля неуклонно растет, и за последние годы Китай переместился с восьмого на второе место в качестве торгового партнера Казахстана, торговый оборот с которым по итогам 2020 г. составил 15,8 млн долл.¹³ Кроме того, согласно данным посольства Китая в Астане, в настоящее время со стороны Китая Казахстану предоставлены выгодные кредиты для развития экономики на сумму более 50 млн долл.¹⁴ Позитивная динамика в двусторонних отношениях оказала влияние и на торговые операции, благодаря которым Казахстану удалось не допустить дальнейшего снижения торгового профицита.

В 2022 г. Си Цзиньпин выступил с обращением, в котором заявил, что Китай активно поддерживает Казахстан и выступает против любых сил, которые грозят стабильности РК, что означало углубление двусторонних отношений между КНР и РК. Решительная поддержка Казахстана со стороны Китая направлена на дальнейшее поддержание добрососедских отношений между странами, а внешние силы, которые призывают к «цветным революциям» в Казахстане, Си Цзиньпин рассматривает как прямую угрозу стабильности этих отношений.

Таким образом, необходимо отметить системное развитие политического взаимодействия между двумя государствами, при сохранении позиционирования политического взаимодействия в качестве ключевой движущей силы, использование которой способствует углублению политического диалога и гармонизирует структуру взаимодействия во всех сферах. Прослеживается данный подход и на примере развитой нормативно-правовой базы, что способствует систематизации экономического, энергетического, приграничного взаимодействия и позволяет сторонам реализовывать долгосрочные проекты сотрудничества по имеющим для двух сторон интерес направлениям.

¹³ Внешняя торговля Республики Казахстан за 2020 год // Центр развития торговой политики «QazTrade». — URL: <https://qaztrade.org.kz/rus/внешняя-торговля-республики-казахст-2/> (дата обращения: 29.11.2021)

¹⁴ Belt and Road Initiative Brings Vitality to Kazakhstan // People's Daily Online. September 13, 2018. — URL: <http://en.people.cn/n3/2018/0913/c90000-9500124.html> (дата обращения: 04.12.2021)

Особо следует отметить стремление Казахстана как можно больше включиться в реализацию инициативы «Один пояс и один путь», о чем свидетельствует связка проекта с казахстанской национальной программой экономического развития «Нурлы жол», объявленной президентом Казахстана осенью 2014 г. Целью национальной программы стало «оживление» экономики путем модернизации существующей и строительства новой инфраструктуры на последующие два пятилетних периода: 2015–2019 гг.¹⁵ и 2020–2025 гг.¹⁶

В своем обращении к стране с объявлением о перспективах реализации программы Н.А. Назарбаев отметил необходимость выстраивания новых механизмов для преодоления нестабильности, вызванной грядущим мировым кризисом, грозящих политико-экономических потрясений: «Будет меняться вся архитектура мира, и достойно пройти через этот сложный этап смогут далеко не все страны, этот рубеж перейдут только сильные государства, сплоченные народы»¹⁷. Для предотвращения негативных тенденций, сложившихся в мировой экономической парадигме, непосредственно затронувших и Казахстан, стране крайне важны трансформации экономической политики, и именно в этом заключается цель программы «Нурлы жол».

Уже в декабре 2015 г. Казахстан и Китай выпустили совместную декларацию, в которой отмечалась важность согласования двух инициатив¹⁸, а на встрече с председателем Си Цзиньпином в сентябре

¹⁵ Указ Президента Республики Казахстан от 6 апреля 2015 года № 1030 «Об утверждении Государственной программы инфраструктурного развития «Нурлы жол» на 2015–2019 годы и внесении дополнения в Указ Президента Республики Казахстан от 19 марта 2010 года № 957 «Об утверждении Перечня государственных программ» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. — URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1500001030> (дата обращения: 25.11.2021)

¹⁶ Постановление Правительства Республики Казахстан от 31 декабря 2019 года № 1055 «Об утверждении Государственной программы инфраструктурного развития «Нурлы жол» на 2020–2025 годы» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. — URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900001055> (дата обращения: 25.11.2021)

¹⁷ Послание Президента Республики Казахстан от 11 ноября 2014 г. «Нурлы жол — путь в будущее» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. — URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K14002014_2 (дата обращения: 25.11.2021)

¹⁸ 中华人民共和国政府和哈萨克斯坦共和国政府联合公报 [Совместное комюнике Правительства Китайской Народной Республики и Правительства Республики Казахстан от 14 декабря 2015 г.] // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. — URL: <https://www.mfa.gov.cn/ce/cgsf/chn/zgwx/t1324209.htm> (дата обращения: 26.11.2021)

2016 г. было согласовано подписание Плана сотрудничества по сопряжению программ «Нурлы Жол» и «Один пояс и один путь»¹⁹.

В ходе встречи глав Казахстана и Китая 2 сентября 2016 г. стороны договорились о строительстве на территории Казахстана более 50 совместных предприятий на общую сумму инвестиций около 27 млрд долл.²⁰

Все обозначенные на данный момент совместные с Китаем проекты (сейчас их 55) запланированы в таких сферах, как: машиностроение, нефтегазовый и промышленный комплексы, энергетика, аграрная промышленность. В рамках реализации таких проектов основной акцент делается на необходимость создания сети высокотехнологичных современных предприятий, которые будут в полной мере способны осуществлять производство продукции с высокой добавленной стоимостью, в большей степени ориентированной на экспорт. На данный момент осуществлен запуск восьми проектов. Так, в конце 2019 г. в г. Алматы начало работу казахстанско-китайское предприятие по производству трубопроката, которое помимо инвестиционных и производственных преимуществ принесло Казахстану возможность создать около 20 тысяч новых рабочих мест для своих граждан²¹.

Важным моментом видится тот факт, что благодаря совместным усилиям в рамках «Нурлы жол» и «Один пояс и один путь» в Казахстане были активизированы многочисленные инфраструктурные проекты, в основном связанные с транспортом и логистикой. В объединенные инициативы включены три наиболее масштабных проекта, предусматривающих строительство и модернизацию железных дорог, строительство логистических узлов и продолжение

¹⁹ Постановление Правительства Республики Казахстан от 31 августа 2016 года № 518 «О подписании Плана сотрудничества по сопряжению Новой экономической политики «Нурлы Жол» и строительства «Экономического пояса Шелкового пути» между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. — URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1600000518> (дата обращения: 25.11.2021)

²⁰ Встреча Нурсултана Назарбаева с Председателем Китайской Народной Республики Си Цзиньпином от 2 сентября 2016 г. // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. — URL: https://www.akorda.kz/ru/events/international_community/foreign_visits/vstrecha-s-predsedatelem-kitaiskoi-narodnoi-respubliki-si-cz-inpinom-2 (дата обращения: 27.11.2021)

²¹ Султанов Б.К. «Пояс и путь» и перспективы создания Большой Евразии (от Лиссабона до Ляньюнгана) // Инициатива «Один пояс и один путь» и перспективы социально-экономического и общественно-политического развития стран Центральной Азии. Алматы, 2019. С. 32.

строительства автомагистрали «Западная Европа — Западный Китай»²².

Одним из важных и успешно реализуемых проектов является специальная экономическая зона (СЭЗ), известная как «Хоргос — Восточные ворота», расположенная в приграничном г. Хоргос.

СЭЗ представляет собой комплекс, в который входят три блока:

- Сухой порт, который дает возможность оперативного перемещения грузопотока с китайских железнодорожных путей на железную дорогу Казахстана. Сухой порт необходим в связи с тем, что колея железных дорог в Китае отличается от колеи стран бывшего СССР, и прямое железнодорожное сообщение пока не представляется возможным, поэтому переход между двумя железнодорожными системами осуществляется в перевалочном хабе — Хоргосе. Этот крупномасштабный железнодорожный сухой порт, построенный на казахстанской стороне границы, рассматривается в качестве стратегического объекта для формирования своеобразного «логистического хаба», объединяющего Китай, Центральную Азию и Средний Восток²³.

- Логистическая зона, которая включает большое количество оптовых складов и баз хранения грузов, общая площадь которой составляет около 50 тыс. кв. м.

- Производственная зона, где в перспективе планируется размещение совместных казахстанско-китайских предприятий, преимущественно в области легкой промышленности, сборки различного оборудования²⁴.

Можно указать на несколько факторов, которые делают СЭЗ в г. Хоргос особенно важной для отношений между Казахстаном и Китаем в рамках интеграционных инициатив. Хоргос расположен примерно в 1500 милях от моря, близко к так называемому полюсу относительной недоступности, что делает его еще более значимым. Он эффективно служит транспортным узлом для китайских провинций Ганьсу и Сычуань, Синьцзян-Уйгурского автономного района, Нинся-Хуэйского автономного района, а также обслуживает национальную железнодорожную сеть Китая, идущую в западном

²² *Bitabarova A.* Unpacking Sino-Central Asian Engagement along the New Silk Road: A Case Study of Kazakhstan // *Journal of Contemporary East Asia Studies*. 2018. Vol. 7. Iss. 2. P. 156.

²³ *Шаряпова Ю.М.* Торгово-транспортные коридоры проекта «Один пояс и один путь» // *Восточная аналитика*. 2019. № 4. С. 121.

²⁴ *Каукенов А.С.* «Один пояс и один путь» как важный фактор усиления сотрудничества Казахстана и Китая // *Инициатива «Один пояс и один путь» и перспективы социально-экономического и общественно-политического развития стран Центральной Азии*. Алматы, 2019. С. 85.

направлении. Территория Хоргоса рассматривается Китаем и Казахстаном также в качестве международного центра приграничного сотрудничества, где граждане РК и КНР могут пересекать границу без визы или паспорта, а иностранцы могут переходить в соседний город только с паспортом и без визы.

Кроме того, стабильные транзитные позиции Казахстана в транспортировке различных грузов с мировых рынков в Китай, Центрально-Азиатский регион и Россию создают условия для развития маршрута перевозки грузов через казахстанский морской порт Актау и его включение в инициативу «Один пояс и один путь»²⁵.

В условиях реализации сопряжения интеграционных инициатив Казахстана и Китая можно выделить и такой проект, как расширение транспортных потоков посредством строительства автотранспортного коридора «Западная Европа – Западный Китай». Его часть расположена на пути от международного центра приграничного сотрудничества «Хоргос» и до г. Шымкент, а в дальнейшем магистраль будет соединена с российскими дорожными сетями. Это начинание казахстанско-китайского взаимодействия формирует один из важных элементов в инициативе «Один пояс и один путь», так как в рамках глобальной картины проекта запланировано создание большого южного ответвления транспортной сети — от казахстанского г. Шымкент через страны Центральной Азии (Туркмения, Узбекистан) в сторону Турции и Ирана²⁶.

Таким образом, участие Казахстана в китайской инициативе «Один пояс и один путь» следует рассматривать как очень перспективное направление для экономического развития в большей степени в связи с тем, что у страны большие перспективы для развития транспортной системы по доставке грузов из Азии в Европу.

Перспективы дальнейшего участия Казахстана в инициативе «Один пояс и один путь»: вызовы и возможности

Стремление Казахстана быть связующим звеном между Европой и Азией проистекает из потребностей национального экономического развития. Правительство Казахстана надеется, что, если страна станет центровым транспортным узлом, соединяющим Европу и

²⁵ *Khassenova-Kaliyeva A.* Assessment of the potential for the development of Kazakhstan's transport and logistics system in the context of the Eurasian Transcontinental Bridge formation // *Revista Espacios*. 2017. Vol. 38. Iss. 34. — URL: <http://www.revistaespacios.com/a17v38n34/a17v38n34p36.pdf> (дата обращения: 06.12.2021)

²⁶ *Лукин А.В., Лузянин С.Г., Сыроежкин К.Л., Денисов И.Е., Пятачкова А.С., Ли Синь.* Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи (аналитический доклад). М., 2016. С. 97.

Азию, это, в свою очередь, будет способствовать развитию инфраструктуры всей страны, особенно транспорта и связи — сфер, где трудно обойтись без помощи Китая и увеличения притока капитала посредством участия в проекте «Один пояс и один путь».

Еще в 2015 г. занимавший на тот момент пост министра иностранных дел Казахстана Е. Идрисов опубликовал статью, в которой рассуждал о стремлении Казахстана к развитию с акцентом на том, что эта страна — «не просто сторонний наблюдатель в регионе». Он также отметил, что отчасти «казахстанская мотивация стать связующим звеном между Азией и Европой заключалась в том, что автомобильные и железные дороги не только будут служить транзитными путями между Востоком и Западом, Севером и Югом, но и станут линиями жизни для местных сообществ, с точки зрения создания и развития местных рынков, расширения прав и возможностей местного бизнеса и частного сектора, тем самым способствуя благополучию и процветанию, миру и стабильности во всем регионе»²⁷.

Эта цель Казахстана прослеживается, в том числе, и в плане сопряжения инициативы «Один пояс и один путь» с «Нурлы жол», о чем говорилось выше. Китай же стремится использовать Казахстан в качестве связующего звена с Европой, потому что это позволяет получить более легкий доступ к торговым партнерам на Западе и более быстрые маршруты (в особенности это касается железнодорожного транспорта) для доставки своих товаров на другие евразийские рынки.

Что же касается Казахстана, то соединение внутренней экономической программы с инициативой «Один пояс и один путь» и превращение страны в связующее звено между Европой и Азией помогает укрепить внутреннюю инфраструктуру и экономику. Эта точка зрения активно поддерживается в правительственных кругах страны. Например, как отметил на XII Астанинском экономическом форуме 2019 г. председатель Комитета государственных доходов Министерства финансов Казахстана М. Султангазиев, благодаря тому, что Китай помогает «Нурлы жол» добиться успеха, Казахстан получает столь необходимый импульс в своей транспортной инфраструктуре, что будет способствовать росту его собственной экономики²⁸.

²⁷ Gotev G. Kazakhstan will remain 'locomotive' of Eurasian integration — President // EurActiv. 17 February, 2020. — URL: <https://www.euractiv.com/section/central-asia/news/kazakhstan-will-remain-locomotive-of-eurasian-integration-president/> (дата обращения: 02.12.2021)

²⁸ 带一路” 倡议给哈萨克斯坦带来诸多红利——访哈财政部国家收入委员会主席苏丹加济耶夫 [Инициатива «Один пояс и один путь» приносит много дивидендов Казахстану: Интервью с Маратом Султангазиевым, председателем Национального комитета по доходам Министерства финансов Казахстана] // Официальный

С точки зрения действующего президента Казахстана К.-М. Токаева, в условиях сопряжения инициативы «Один пояс и один путь» с программой «Нурлы жол» сейчас обе страны активно продвигают производственное сотрудничество в области природного газа, атомной энергетики, горнодобывающей и нефтехимической промышленности. Например, на рынке Казахстана функционируют крупные китайские компании (к примеру, компании China National Petroleum Corporation, которая участвует в проектах недропользования Казахстана). Компаниями обеих стран были построены два важных трубопровода для транспортировки энергоресурсов: нефтепровод Казахстан — Китай в 2006 г., газопровод Казахстан — Китай в 2009 г. Добрососедские отношения позволили транспортировать в Китай порядка 147 млн. т нефти с момента начала эксплуатации трубопровода Казахстан — Китай и 44 млрд. кубов газа с 2013 г. по газопроводам Сарыбулак — Зимунай и Казахстан — Китай. Именно в этих сферах запланированы проекты на следующие пять лет, что будет способствовать созданию новых рабочих мест и компаний, производящих продукцию с высокой добавленной стоимостью²⁹.

При этом глава Казахстана также признает, что страны все еще не полностью раскрыли свой потенциал интеграционно-экономического сотрудничества. В частности, Казахстан заинтересован в участии не только в инфраструктурных, но и новых промышленных проектах Китая в таких областях, как научно-исследовательские технологии по цифровизации и большим данным, интернет-торговле, искусственному интеллекту и пр.³⁰

Основные перспективные моменты подтверждены в сентябре 2019 г. в меморандуме о дальнейших планах по сопряжению инициативы «Один пояс и один путь» и программы «Нурлы жол»³¹. В частности в меморандуме задекларировано строительство транспортной инфраструктуры с целью улучшения условий межсетевого

сайт Правительства Китая. 19 мая 2019 г. — URL: https://china.gov.cn.admin.kyber.vip/xinwen/2019-05/19/content_5392937.htm (дата обращения: 08.12.2021)

²⁹ 哈萨克斯坦总统强调将加快经济多元化发展 [Президент Казахстана подчеркивает необходимость ускорения экономической диверсификации] // Агентство Синьхуа. 2 сентября 2020 г. — URL: http://www.xinhuanet.com/2020-09/02/c_1126441168.htm (дата обращения: 08.12.2021)

³⁰ 哈萨克斯坦总统: 哈中进一步落实“一带一路”倡议前景广阔 [Президент Казахстана: Казахстан и Китай имеют широкие перспективы для дальнейшей реализации инициативы «Один пояс и один путь»] // Агентство Синьхуа. 12 сентября 2019 г. — URL: http://www.xinhuanet.com/silkroad/2019-09/12/c_1124988388.htm (дата обращения: 08.12.2021)

³¹ 中华人民共和国和哈萨克斯坦共和国联合声明 [Совместное заявление Китайской Народной Республики и Республики Казахстан от 12 сентября 2019 г.] // Посольство Китайской Народной Республики в Казахстане. — URL: http://mw.china-embassy.org/zgyw/201909/t20190912_5819099.htm (дата обращения: 08.12.2021)

взаимодействия, увеличения транспортных мощностей, снижения транспортных расходов и упрощения процедур транзита в качестве основного направления сотрудничества Казахстана и Китая на ближайшие годы.

Автор статьи полагает, что перспективные направления также предусматривают, во-первых, необходимость дополнительно разблокировать такие транспортные коридоры, как Китай — Казахстан — Западная Азия, Китай — Казахстан — Россия — Западная Европа и Китай — Казахстан — Южный Кавказ/Турция — Европа, что позволит предоставить гарантии для дальнейшего расширения экономического сотрудничества и торговых обменов между двумя странами.

Во-вторых, необходимо отметить важность дальнейшего развития сотрудничества двух стран в сферах взаимного признания стандартов, налоговых консультаций и финансов, с особым упором на поощрение и защиту взаимных инвестиций, чтобы обеспечить политические гарантии сотрудничества для предприятий двух стран.

В-третьих, целесообразным направлением, по нашему мнению, является всестороннее поощрение казахстанских и китайских компаний к участию в традиционно прибыльных отраслях (таких, как текстильная, пищевая, производство строительной техники и автомобилестроение), а также к развитию проектов в новых отраслях — биотехнологии, искусственный интеллект и возобновляемая энергетика.

В этом контексте стоит упомянуть о том, что если для реализации инфраструктурных проектов немаловажным препятствием в последние годы стал мировой кризис, вызванный пандемией Covid-19, то принятая в последние годы практика дистанционного режима дает возможность реализации совместных проектов в сфере новейших цифровых технологий. В частности, текущая ситуация с пандемией в мире и акцент на цифровых средствах экономического развития может поспособствовать возможностям перспективного сопряжения китайского «Цифрового Шелкового пути» с государственной программой «Цифровой Казахстан»³².

В этом направлении акцент может быть сделан на цифровизации экономического сотрудничества, особенно на развитии транс-

³² Постановление Правительства Республики Казахстан от 12 декабря 2017 года № 827 «Об утверждении Государственной программы «Цифровой Казахстан» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. — URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000827> (дата обращения: 07.12.2021)

граничной электронной торговли между странами с опорой на Международный центр приграничного сотрудничества «Хоргос». Это подразумевает:

- сетевой контроль для ведения учета передвижения грузопотоков;
- повышение качества логистических услуг в центре на базе системы единого окна;
- интегрированную электронную платформу в условиях специальной экономической зоны для таможенных органов Казахстана и Китая, которая поможет оптимизировать и повысить скорость их функционирования в условиях непрерывных потоков трансграничных перевозок³³.

Если говорить о возможных проблемах реализации казахстанско-китайского взаимодействия в рамках сопряжения инициативы «Один пояс и один путь» и программы «Нурлы жол», в первую очередь необходимо отметить, что существенной проблемой выступает нацеленность китайской стороны на укрепление доминирования именно Китая. В данных условиях инициатива «Один пояс и один путь» воспринимается критиками «экономической экспансии Китая» в качестве полноценного инструмента осуществления внешнеполитических и стратегических задач Китая на евразийском пространстве, при ситуативном игнорировании интересов других государств. Кроме того, важно отметить, что реализация инициативы «Один пояс и один путь» является проектом долгосрочного характера, что предполагает осуществление Китаем геоэкономических задач в качестве инструмента перезагрузки западной версии глобализации и смещения США с позиции ключевого центра принятия глобальных стратегических целей в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Оценивая такие риски для Казахстана, необходимо отметить, что взаимодействие с Китаем предполагает для казахстанской стороны роль транзитного партнера, тогда как Китаю отводится роль идеологического, политического, экономического лидера в рамках продвигаемых инициатив. Исходя из этого, логично будет предположить, что указанный подход не может в полной мере соответствовать долгосрочным геополитическим интересам Казахстана, заинтересованного в качественном укреплении своих позиций. В практической же плоскости китайский подход может предполагать уменьшение политико-экономического влияния Казахстана в Центральной

³³ Ижу Лю, Авдокушкин Е.Ф. Формирование основ «Цифрового шелкового пути» // Мир новой экономики. 2019. № 4. С. 69.

Азии³⁴. Казахстанское участие в указанном проекте воспринимается в качестве фонового, технического, фактора, который страна может использовать как «исторический шанс» для качественного развития, при условии фактически полной поддержки экономической политики Китая³⁵. В конечном итоге, важной проблемой видится усиление экономической зависимости Казахстана от позиций Китая, что может создавать объективные угрозы в экономической плоскости в долгосрочной перспективе.

Одной из ключевых проблем на текущем этапе выступает продолжающаяся пандемия коронавируса, основные очаги которой по состоянию на середину 2022 г. были смещены в направлении государств Азии (Китай, Южная Корея, КНДР, Вьетнам). В этой связи характерным направлением взаимодействия Казахстана и Китая может выступать мягкосиловой фактор, выражаемый в виде «вакцинной дипломатии». Указанный аспект может быть связан с популяризацией необходимости проведения вакцинации, созданием адаптивных условий (электронный таможенный контроль, таможенный учет) для обеспечения работы логистических терминалов, пограничных переходов на пути движения китайских товаров через территорию Казахстана.

Также в годы, предшествовавшие пандемии, Си Цзиньпин продвигал в Центральной Азии инициативу «Шелковый путь здоровья», которая была поддержана правительством Казахстана, поскольку была призвана способствовать распространению традиционной китайской медицины и развитию сотрудничества в области здравоохранения в рамках «Одного пояса и одного пути». На фоне распространения COVID-19 инициатива приобрела особую актуальность: создание предприятий по производству вакцины, инвестиции в расширение центрально-азиатских мощностей в сфере здравоохранения, совместная подготовка кадров в сфере здравоохранения, обеспечение поставок товаров, услуг, материалов для противодействия пандемии коронавируса и другим эпидемиям — малярии, ВИЧ и т.п.

Другим важным направлением в данном случае может выступать реализация совместных проектов в сфере здравоохранения (со-

³⁴ Сыроежкин К.Л. Проект «Экономический пояс Шелкового пути» в сложном пространстве Центральной Азии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2016. № 6. С. 113.

³⁵ 杨雷 俄罗斯 [Ян Лэй]. “大欧亚” VS 中国“一带一路”. 《欧亚经济》2017 年 06 期 [Российская «Большая Евразия» против китайского «Пояса и пути»] // Евразийская экономика, июль 2017. — URL: https://www.sohu.com/a/220245741_619333 (дата обращения: 07.12.2021).

вместное производство вакцин, тест-систем), включая продвижение в СМИ (включая политиков, лидеров общественного мнения и др.), идеи важности вакцинации, что также может позволить государствам оперативно выйти из кризиса и адаптироваться к коронавирусным условиям. Дополнительным направлением может выступать разработка общих медицинских протоколов, позволяющих не замораживать работу инфраструктуры в случае наличия подтвержденных фактов заболеваний «на местах».

Второй пласт проблем связан с политикой изоляции и санкций против Российской Федерации, что приводит к созданию новых сложностей в движении товаров и услуг, снижает объемы транспортируемых через Казахстан товаров и приводят к снижению выручки Казахстана от транзита.

Один из возможных сценария разрешения связан с тем, что политика Казахстана и Китая может быть направлена на обеспечение движения товаров не только в ЕС, но и в Россию, при росте позиционирования со стороны РК и КНР российских рынков как перспективных для сбыта казахской и китайской продукции. Иными словами, характерной чертой в данном случае выступает локализация отдельных маршрутов инициативы «Один пояс и один путь» с акцентом не только на государствах ЕС, а и на Российской Федерации. Тогда как для движения товаров в ЕС смогут использоваться и морские маршруты, и новые маршруты, пролегающие через Казахстан и страны Центральной Азии на Ближний Восток, в Турцию и далее в ЕС. Приоритетными направлениями могут выступать практика сопряжения инициативы «Один пояс и один путь», инициативы ЕАЭС, а также повышение вовлечения Казахстана в форматы многостороннего взаимодействия и создания гибридной схемы, при которых участие Казахстана в российских инициативах не приведет к введению вторичных санкций.

Базируясь на вышеизложенном, необходимо отметить, что участие Казахстана в фарватере китайской инициативы представляется важным на основе национальных политических и экономических приоритетов долгосрочного характера и должно быть дополнено поиском соответствующего баланса между интересами Казахстана и Китая в рамках данных инициатив.

Заключение

Таким образом, Казахстан и Китай придерживаются в рамках развития двусторонних отношений идеи углубления и расширения стратегического партнерства, при упрочении сотрудничества

по таким направлениям, как политика, экономика, финансы, инвестиции, «мягкая сила», с продолжением диалога по отдельным, чувствительным для государств, сферам (защита населения, отказ от притеснения и дискриминации). Принимая во внимание, что Китай является одним из ключевых центров мира, с динамично развивающейся экономикой, Казахстан формирует свою стратегию в отношении КНР с нацеленностью на использование всех преимуществ от углубления двустороннего взаимодействия. Данная политика поддерживается Китаем и предполагает ряд ответных мер, направленных на обеспечение всесторонней интеграции Казахстана в китайские инициативы, обеспечение равного политического и экономического диалога и использование экономического, транзитного потенциала Казахстана в соответствии с долгосрочными китайскими интересами — главным образом, на основе инициативы «Один пояс и один путь».

С учетом географической близости и общности культур народов РК и КНР, стороны прикладывают активные усилия для развития взаимодействия: осуществляются регулярные политические визиты, подкрепляющие всеобъемлющее стратегическое партнерство. Экономическое сотрудничество основывается, помимо торговли, на инициативе Китая «Один пояс и один путь» в сопряжении с инициативой Казахстана «Нурлы жол».

Анализ отношений между Казахстаном и Китаем в условиях сотрудничества по сопряжению китайской инициативы «Один пояс и один путь» и программы «Нурлы жол» дает возможность говорить о том, что основная цель Казахстана — развивать свою экономику, улучшить инфраструктуру, а также укрепить положение в регионе и мире. При помощи китайской инициативы Казахстан стремится расширять свою торговлю с большей частью Евразии и получить выход на торговые маршруты всего мира, а также продолжить развитие своей страны за счет преимуществ, которые будут получены от того, что она станет крупным международным транспортным узлом.

С момента подписания Плана сотрудничества по сопряжению программ «Нурлы Жол» и «Один пояс и один путь» в 2016 г. уже видны результаты: торговля между Казахстаном и Китаем расширяется, а инфраструктура Казахстана стремительно развивается. Об этом свидетельствуют: успешная реализация такого мегапроекта, как СЭЗ «Хоргос — Восточные ворота»; активная роль страны в автотранспортном коридоре Западная Европа — Западный Китай; строительство совместных китайско-казахских предприятий с предоставлением новых рабочих мест и инвестиционных вливаний в экономику Казахстана.

Реализация мегапроекта позволит без преувеличения глобально перестроить торгово-экономические процессы и вернуть интеграцию инфраструктуры в интересах таких стран, как Казахстан, не имеющих выхода к морю. Для Казахстана, внешнеэкономическая политика которого с самого начала строилась на принципах многовекторности и открытости к конструктивному сотрудничеству с соседними странами и мировым сообществом, активное участие в инициативе «Один пояс и один путь» естественно и логично, так как проект принесет несомненную пользу стране в виде модернизации транспортно-транзитной логистики, и ввиду перспектив интеграции с новой экономической программой «Нурлы жол».

Очевидным представляется и тот факт, что тесное сближение с Китаем имеет и обратную сторону: такое взаимодействие может быть чревато тотальной экономической зависимостью от КНР как более могущественного партнера. В данной связи для Казахстана видится наиболее перспективной стратегия, при которой, с одной стороны, предусматривается использование участия в китайских экономических инициативах в интересах национальной экономики страны, а с другой — формирование условий, которые способны обеспечивать ограниченное присутствие Китая в стратегической перспективе. Наиболее перспективным в данном контексте видится путь, при котором будет эффективно использоваться потенциал географического преимущества КНР и формироваться единое экономическое пространство всей Евразии в целом. При разумном учете всех плюсов и минусов, продвигаемая Китаем инициатива «Один пояс и один путь», безусловно, сможет сыграть положительную роль, но вместе с этим важно придерживаться национальных интересов программы «Нурлы жол», так как речь идет о проекте государства, которое обладает несопоставимым экономическим потенциалом и финансовыми возможностями.

Важным направлением может стать реализация проекта зоны свободной торговли между всеми государствами на Евразийском пространстве с ролью Казахстана как главного транспортно-логистического хаба, что позволит привлечь новые инвестиции из Китая, развить инфраструктуру, промышленный сектор, цифровую экономику, сферу услуг и т.д. В конечном итоге, процесс урегулирования геополитических диспропорций в интересах Казахстана и Китая позволит данным государствам на равной основе реализовывать данные инфраструктурные проекты, руководствуясь долгосрочными геостратегическими интересами.

Представляется вероятным, что по мере урегулирования негативных тенденций, связанных с мировым экономическим кризисом

и международной нестабильностью, КНР и РК будут прикладывать дальнейшие усилия для более качественного и интенсивного развития сотрудничества, что соответствует долгосрочным интересам как Китая (укрепление в роли регионального лидера), так и Казахстана (привлечение инвестиций в экономику, укрепление отношений со стратегическим партнером), при сохранении баланса интересов и недопущения появления асимметрии в любых сферах сотрудничества.

Список литературы

Ижу Лю, Авдокушкин Е.Ф. Формирование основ «Цифрового шелкового пути» // Мир новой экономики. 2019. № 4. С. 62–71.

Каукенов А.С. «Один пояс и один путь» как важный фактор усиления сотрудничества Казахстана и Китая // Инициатива «Один пояс и один путь» и перспективы социально-экономического и общественно-политического развития стран Центральной Азии. Алматы: Научно-исследовательский институт международного и регионального сотрудничества Казахстанско-Немецкого университета, 2019. С. 81–87.

Лукин А.В., Лузянин С.Г., Сыроежкин К.Л., Денисов И.Е., Пятчкова А.С., Ли Синь. Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи (аналитический доклад). М.: Научный эксперт, 2016. 130 с.

Султанов Б.К. «Пояс и путь» и перспективы создания Большой Евразии (от Лиссабона до Ляньюнгана) // Инициатива «Один пояс и один путь» и перспективы социально-экономического и общественно-политического развития стран Центральной Азии. Алматы: Научно-исследовательский институт международного и регионального сотрудничества Казахстанско-Немецкого университета, 2019. С. 26–43.

Сыроежкин К.Л. Проект «Экономический пояс Шёлкового пути» в сложном пространстве Центральной Азии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2016. № 6. С. 104–122.

Шаряпова Ю.М. Торгово-транспортные коридоры проекта «Один пояс и один путь» // Восточная аналитика. 2019. № 4. С. 111–128.

Bitabarova A. Unpacking Sino-Central Asian Engagement along the New Silk Road: A Case Study of Kazakhstan // Journal of Contemporary East Asia Studies. 2018. Vol. 7. N 2. P. 149–173.

Marszałek-Kawa J., Dmochowski T. Rozważania o kierunkach współczesnej polityki Chin. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2018. 244 p.

《推动共建丝绸之路经济带和21世纪海上丝绸之路的愿景与行动》 [Видение и меры по содействию строительству экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI века] // Форум международного сотрудничества «Один пояс, один путь». 7 апреля 2017 г. — URL: <http://www.beltandroadforum.org/n100/2017/0407/c27-22.html> (дата обращения: 02.12.2021)

宋利芳 [Сун Лифан]. 中哈“丝路经济带”战略与“光明之路”新经济政策的对接[Китайско-Казахстанская стратегия «Экономического пояса Шелкового пути» и новая экономическая политика «Светлый путь»] // China Business And Market. September 2016, Vol. 30. N 9. P. 70–75

杨雷 [Ян Ли]. 俄罗斯“大欧亚” VS中国“一带一路” [Российская «Большая Евразия» против китайского «Пояса и пути»] // 欧亚经. 2017年06期 [Евразийская экономика, июль 2017] — URL: https://www.sohu.com/a/220245741_619333 (дата обращения: 07.12.2021)

Поступила в редакцию
6 марта 2022 г.

Е.С. Ванеян

**ИКОНОГРАФИЯ «ЯВЛЕНИЯ БУДДЫ АМИДЫ»
В ЯПОНСКОЙ СКУЛЬПТУРЕ XI–XIII ВВ.:
ИСТОЧНИКИ, ФОРМИРОВАНИЕ, ТИПОЛОГИЯ**

E.S. Vaneian

**THE “WELCOMING DESCENT OF BUDDHA AMIDA”
IN THE 11th–13th CENTURES JAPANESE SCULPTURE:
SOURCES, FORMATION AND TYPOLOGY
OF THE ICONOGRAPHY**

Аннотация. В статье систематизированы источники, религиозный контекст и художественные особенности иконографии «Явления будды Амиды» в японской скульптуре периодов Хэйан (794–1185) и начала Камакура (1185–1333). Это, с одной стороны, позволяет понять, из каких элементов текстовой и визуальной культуры складывается иконография «Явления будды Амиды» именно в скульптуре — данный вопрос до сих пор не становился предметом специального исследования. С другой стороны, заполняется пробел в историографии на русском языке, посвященной этому важнейшему для Японии типу памятников. На сложение иконографии как в живописи, так и в скульптуре безусловно повлияли доктринальные тексты сутр, но не сами по себе, а скорее в интерпретации китайских и японских учителей, в особенности Гэнсина. Помимо текстовых источников был важен и визуальный опыт: выразительность такого приема в живописи, как облако, на котором изображались будда и бодхисаттвы, по всей видимости, заставила скульпторов попробовать воплотить его и в дереве. Очевидно, авторитетность уже существовавшей иконографии будды Амиды школы Тэндай несколько тормозила изменения главной фигуры. Возможно, необходимость крепления веревки к рукам или руке статуи способствовала появлению жеста встречи (указательный и большой палец соединены «в колючку»). Бодхисаттвы, окружающие будду, как в живописи, так и в скульптуре обретают выразительные позы и атрибуты, которые воздействуют на зрителя, заставляя его ощутить чудесное явление высших сил. Следующий после Гэнсина важнейший проповедник веры в будду Амиду, Хонэн,

Ванеян Елизавета Степановна, аспирант кафедры всеобщей истории искусств Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, научный сотрудник отдела Древнего Востока ГМИИ имени А.С. Пушкина

Vaneian Elizaveta Stepanovna, Postgraduate Student, Department of General Art History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; Researcher, Department of the Ancient East, Pushkin State Museum of Fine Arts

+7-915-116-24-23; vanejan.liza@yandex.ru

подчеркивал, что будду следует изображать стоящим — это означает его готовность прийти на помощь. В XIII в. именно этот тип становится наиболее распространенным. Немаловажную роль сыграл скульптор Кайкэй, который впервые сконструировал стоящую триаду по китайскому свитку, создал затем множество отдельно стоящих фигур Амиды и триад, ставших классическими и воспроизводившихся еще многие века.

Ключевые слова: Амида, искусство Японии, скульптура Японии, теофания, Кайкэй, райго, амидаизм

Abstract. The article examines the sources, religious context and artistic features of the iconography of the “Welcoming Descent of Buddha Amida” in Japanese sculpture from the Heian (794–1185) and early Kamakura (1185–1333) periods. An attempt is made to understand from which elements of textual and visual cultures the iconography of the “Welcoming Descent of Buddha Amida” is formed in sculpture. This question has not been specifically studied. The formation of the iconography in both painting and sculpture was influenced by the doctrinal texts of the sutras not *per se*, but rather in the interpretation of Chinese and Japanese teachers, especially Genshin. Apart from the textual sources, the visual experience was also important. The expressiveness of the cloud on which Buddha and bodhisattvas fly in painting seems to have led sculptors to try to embody it in wood as well. Apparently, the authority of the pre-existing iconography of Buddha Amida of the Tendai school somewhat inhibited changes in the main figure. Perhaps the need to attach a rope to the hands or arms of the statue contributed to the appearance of a specific welcoming gesture (the index finger and thumb are linked “in a ring”). Both in painting and sculpture bodhisattvas next to Buddha Amida acquired expressive poses and attributes, that invite a viewer to experience the miraculous appearance of higher powers. The next (after Genshin) most important preacher of the belief in Buddha Amida, Honen, emphasized that Buddha should be depicted standing, which signifies his readiness to help. It was the most widespread type in the 13th century. The significant role was played by sculptor Kaikei, whose first Amida triad was based on Chinese scroll. Later he created a number of free-standing figures of Amida and triads that became classic and were reproduced for many generations.

Keywords: Amida, Japanese art, Japanese sculpture, theophany, Kaikei, raigō, Amidaism.

* * *

В иконографии «Явления будды Амиды» 阿弥陀来迎 *Амида райго*: сконцентрированы художественные приемы, показывающие, как в представлениях средневековых буддистов высшая реальность приоткрывается человеку, приветствует его и приглашает с собой, что необычайно интересно для исследований культуры, религии и искусства. Перед исследователем встает ряд логически связанных между собой вопросов. На каких источниках основывается иконография? В рамках каких ритуалов и в контексте каких учений использовались эти изображения и статуи? Какие существуют типы

статуй в рамках иконографии и с какими особенностями веры в будду Амиды они связаны? Какие были выработаны скульптурные приемы передачи конкретной ситуации явления будды и его бодхисаттв? К какой категории мы можем отнести немногочисленные памятники, хранящиеся в российских коллекциях?

Памятников, связанных с верой в будду Амиду и его явления, чрезвычайно много. Достаточно хорошо изучены живописные образы, как в японской¹, так и в европейской историографии². Проблема формирования иконографии «Явление будды Амиды» в скульптуре так или иначе затрагиваются в этих исследованиях, однако на наш взгляд она заслуживает особого рассмотрения. В русской историографии отдельных типов памятников касались М.В. Есипова³, Ю.Л. Кужель⁴, Н.Н. Трубникова⁵, вариант той же иконографии в тангутском искусстве рассматривает К.Ф. Самосюк⁶, но базовых работ по иконографии в целом пока не хватает.

Будда Амитабха (*санскр.* Amitābha «Беспредельно сияющий», или Amitāyus «Вечная жизнь»; *кит.* Амитофо, *яп.* Амида 阿弥陀) впервые появляется в текстах Махаяны еще в I–II вв. н.э. как один из будд сторон света, обитающих в своих чистых землях (иногда переводят как «чистые поля») — мирах, которые они очистили и преобразили благодаря своим бесчисленным заслугам. Амитабха обитает на западе и тесно связан с образом заходящего солнца. Постепенно фигура будды Амитабхи выделилась из числа других будд сторон света, вера в него получила широкое распространение и была инкорпорирована в различные школы Махаяны и Ваджраяны.

¹ Некоторые из них: 中野 玄三 [Накано Гэндзо]. [来迎図の美術] [Искусство райго:дзу] 京都 [Киото], 2013; 中野 玄三 [Накано Гэндзо]. 藤原彫刻 [Скульптура периода Фудзивара] // 日本美術 [Искусство Японии]. N 50. 東京 [Tōkyō], 1970; 浜田隆 [Хамата Такаси]. 来迎図 [Явление будды Амиды] // 日本美術 [Искусство Японии]. N 273. 東京 [Tōkyō], 1989; Jōji Okazaki. Pure Land Buddhist Painting (Japanese Arts Library Vol. 43) / Trans. by E. Ten Grotenhuis. Tokyo; New York, 1977. 201 p.

² Dicolor J., Loveday H. Le sutra des contemplations du Buddha Vie-Infinité: essai d'interprétation textuelle et iconographique. Turnhout, 2011; Kanda F.C. The development of Amida Raigō painting: style, concept, and landscape. New Haven, 2002; Bryant G. F. Ch. Kuhon ojozu: Paintings of the nine grades of birth. Context and interpretation. Los Angeles, 1995.

³ Есипова М.В. Музыка двадцати пяти бодхисаттв (музыкальный аспект японской амидаистской живописи райго:дзу) // История и культура традиционной Японии 6 / Отв. ред. А.Н. Мещеряков. М., 2013. С. 160–186.

⁴ Кужель Ю.Л. Иконография Шакьямуни и Амитабха в японском искусстве. — URL: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=557 (дата обращения: 12.03.2022); Он же. XII век японской скульптуры. М., 2017.

⁵ Трубникова Н.Н. Почитание «Чистой земли» в XI–XII вв. — URL: <http://trubnikovann.narod.ru/Heian20.htm> (дата обращения: 12.03.2022)

⁶ Самосюк К.Ф. Буддийская живопись из Хара-Хото XII–XIV вв.: Коллекция П.К. Козлова. Дис. ... докт. иск. М., 2006.

Ранняя «Сутра сосредоточения, в котором будды настоящего являются перед тобой» (*санскр.* Pratyutpanna-buddha-sammukha-avasthita-samādhi-sūtra, переведена на китайский язык в 179 г. н.э.) повествует на примере будды Амитабхи об особой практике. В результате семидневного сосредоточения на признаках тела будды⁷ Амитабхи и его великих заслугах можно обрести осознание пустотности всех явлений и увидеть самого будду Амитабху наяву или во сне. Еще один результат этой практики — перерождение в Чистой земле будды (в этой сутре на этом нет акцента). Хотя в Индии начала нашей эры культ Амитабхи не получил широкого распространения⁸, чуть позже он стал одним из ключевых направлений буддизма в Китае и Восточной Азии в целом.

Распространение веры в Амитабху (*кит.* Амитофо) в Китае возводят к монаху Хуэйюаню (IV — начало V в.), который в 402 г. основал общество «Белого лотоса». Главной сутрой и практикой этого общества стала именно вышеназванная сутра. Важно использование той же сутры в школе Тяньтай (*яп.* Тэндай), основанной монахом Чжи (538–597 гг.). На ее основе он создал более сложный девятистодневный обряд «Сосредоточения при постоянном хождении».

Однако для культа будды Амитабхи важны еще три основополагающих текста — это «Большая сутра явления земли блаженства» («Большая Сукхавативьюха сутра»), переведенная на китайский в 252 г. Кан Сэнхуем; краткий вариант той же сутры, «Малая сутра явления земли блаженства» («Малая Сукхавативьюха сутра»), переведенная на китайский Кумарадживой в 402 г.; а также «Сутра созерцания будды Амитаюса», считающаяся уже компиляцией, созданной непосредственно на китайском языке либо в Средней Азии, либо в Китае около V в.⁹

В «Большой» и «Малой сутре явления земли блаженства» рассказывается о чудесных обетах Амитабхи. Во-первых, еще будучи

⁷ «Тридцать два главных признака» и «Восемьдесят сопутствующих примет» Великого существа: о них говорится во многих ранних текстах, например, у Нагарджуны (II–III в.н.э.) в сочинении «Махапраджняпарамита-шастра», позже о них написаны отдельные сутры (такие, как «Сутра о тридцати двух признаках»). Эти свойства тела будд фигурируют во многих практиках сосредоточения и оказали значительное влияние на формирование буддийской иконографии.

⁸ Schopen G. Sukhāvati as a Generalized Religious Goal // *Fragments and Fragments of Mahāyāna Buddhism in India: More Collected Papers.* University of Hawai'i Press, 2005. P. 154–189.

⁹ Все три сутры доступны на русском языке в издании: Избранные сутры китайского буддизма / Пер. с кит. Д.В. Поповцева, К.Ю. Солонина, Е.А. Торчинова. СПб., 2007; а также на английском: *The Three Pure Land Sutras: A Study and Translation from Chinese* / Trans. by Hisao Inagaki. 2d rev. ed., in collaboration with Harold Stewart. Kyoto, 1995.

бодхисаттвой Дхармакарой, он обещает стать буддой только в том случае, если все родившиеся в его Чистой земле на западе (Сукхавати «Блаженная», или «Приятная») достигнут высшей стадии духовного совершенства, предшествующей нирване. Также он дает обет явиться у смертного одра тех, кто верует в него и совершает памятование (повторение имени и сосредоточение на образе), и лично сопроводить их в свою страну. В «Сутре созерцания будды Амитаюса» подробно описываются 13 постепенно усложняющихся практик визуализации Чистой земли и будды Амитабхи, в частности в триаде с бодхисаттвами Авалокитешвара и Махастхампрапта. Еще девять практик, разделенных на три подтипа, заключаются в визуализации разных способов явления будды к умирающему, которые зависят от степени продвижения человека на пути будды. К этим трем сутрам и восходит иконография изображения Чистой земли Амитабхи и его явления, в особенности к «Сутре созерцания будды Амитаюса». Однако никакие изображения не являются прямой иллюстрацией того или иного отрывка, часто это компиляции отдельных мотивов, а также использование устоявшихся визуальных формул, не относящихся к текстам вовсе. В каждом отдельном случае мы будем прослеживать, к чему восходит та или иная конфигурация.

Китайские монахи Таньлуань (конец V — начало VI в.), Дао-чо (VI–VII вв.) и Шаньдао (613–681 гг.) основывали свое учение на этих сутрах и способствовали дальнейшему распространению веры в будду Амитабху и его доктринальному оформлению. В наибольшей мере способствовал продвижению культа будды Амиды в Японии Шиньдао.

Среди росписей пещер древнейшего центра буддизма в Китае Дуньхуана сохранились свыше сотни композиций *бяньсян* («преображенные/превращенные образы» 变相, *яп.* хэнсо:) на «Сутру созерцания будды Амитаюса», созданных, в том числе, как помощь в визуализации прекрасной Чистой земли будды. Среди них следует выделить росписи пещер № 431 и 172. В этих композициях очень важна периферийная часть, где представлены девять способов явления будды, — здесь уже встречается такой ключевой элемент, как облако, на котором спускаются к умирающему высшие персонажи.

В Японии (как и в Китае) культ будды Амиды прошел путь от сложной медитативной практики, предназначенной для монашества, до чрезвычайно популярной веры, распространенной среди всех слоев населения. Есть свидетельства почитания будды и до эпохи Хэйан (794–1185 гг.) — например, Тайма-мандала, представляющая собой тканое изображение композиции *бяньсян* на «Сутру созерца-

ния будды Амитаюса», была создана в Японии еще в середине VIII в. Однако только с появлением школы Тэндай (*кит.* Тяньтай) и распространением ее авторитета культ будды Амиды получает известность среди монашества и японской аристократии, а значит, создаются в большем количестве и изображения с ним связанные. Ключевую роль сыграл «Обряд сосредоточения при постоянном хождении», введенный Эннином (794–864 г.) в практику главного монастыря школы на горе Хиэй. Однако целью этого обряда пока не было перерождение в Чистой земле будды Амиды: для Эннина, следовавшего традиции Фачжао (ум. 822 г.), эзотерические аспекты «становления буддой в этом теле» и достижение «пользы и выгоды в этом мире» были важнее. Акцент на совершение обряда ради благого перерождения был добавлен уже учениками Эннина¹⁰.

Ранняя история иконографии «Явления будды Амиды» в Японии частично реконструируется только по текстовым источникам. Ясно, что первоначально, как и в живописи Дуньхуана, это был мотив «Девяти способов возрождения» (九品往生, *яп.* Кухон-о:дзё:), сначала дополнявший центральную композицию, а потом ставший самостоятельным. Сцены «Девяти способов возрождения» на Тайма-мандале иногда называют источником японской иконографии «Явления»¹¹, однако, как указывает Ф. Канда, свидетельства о том, что уже в эпоху Хэйан эта часть мандалы была значительно повреждена, а также отсутствие единообразия в копиях делают эту теорию сомнительной¹².

Еще один возможный источник — росписи павильона, предназначенного для «Обряда сосредоточения при постоянном хождении» в главном тэндайском монастыре на горе Хиэй. В его центре предписывалось устанавливать статую сидящего будды Амиды, в окружении четырех бодхисаттв: такая конфигурация происходит из одной из двух главных эзотерических мандал — «Мандалы мира алмаза» 金剛界曼荼羅 *конго:кай-мандара*¹³. По текстам нам известно, что либо при создании павильона в 848 г., либо при его перенесении и обновлении в 883 г. на стенах были выполнены росписи, названные «Девять типов Чистой земли» 九品淨土圖 *Кухон дзё:до дзу*¹⁴. Однако, как они выглядели, совершенно не известно.

Третий опорный момент — это свидетельство о том, что в 945 г. Фудзивара-но Тадахира преподнес в храм Ко:фукудзи свиток с изо-

¹⁰ Kanda F.C. Op. cit. P. 55–57.

¹¹ Jōji Okazaki. Op. cit. P. 53.

¹² Kanda F.C. Op. cit. P. 45–47.

¹³ Ibid. P. 79.

¹⁴ Ibid. P. 48, 浜田隆 [Хамада Такаси]. Op. cit. P. 33.

Рис. 1. Один из бодхисаттв с внутренних стен монастыря Бё:до:ин, г. Удзи (1054 г.)

бражением, названным в источнике «Изображение девяти способов возрождения» 九品往生図 *Кухон о:дзё: дзу*¹⁵. Возможно, свиток был привезен из Китая японскими паломниками. Эту линию мы можем проследить дальше — род Фудзивара стал создавать крупные ансамбли, в которые композиция была инкорпорирована: несохранившийся Мурё:дзюин монастыря Хо:дзё:дзи (Фудзивара-но Митинага, 1022 г.), павильон будды Амиды монастыря Бё:до:ин (Фудзивара-но Ёримити, 1054 г.) и др.

Изображения павильона будды Амиды монастыря Бё:до:ин считаются наиболее ранним из сохранившихся примеров композиции «Явления будды Амиды» 阿弥陀来迎図 *Амида райго:дзу*, являющейся здесь частью «Девяти способов возрождения». В центре композиции — знаменитая статуя будды Амиды скульптора Дзё:тё: (?–1057), в комплексе с постройкой и прудом — это центральная часть мандалы, т.е. образ Амиды, восседающего в медитации (его руки сложены именно в этом жесте *дзё:ин* 定印) в своей стране Высшей радости.

¹⁵ 浜田隆 [Хамада Такаси]. Op. cit. P. 32–33.

Иконография будды с этим жестом восходит именно к эзотерической традиции Тэндай. По сторонам от него на стенах закреплены небольшие фигуры парящих на облаках бодхисаттв, которые, скорее всего, являются дополнением живописи на панелях дверей под ними¹⁶. Бодхисаттвы ликуют: танцуют, бьют в тарелочки, играют на всевозможных музыкальных инструментах, подносят знамена, их одежды вторят траектории стремительного полета — всё это передано именно средствами скульптуры (рис. 1). Возможно, этот знаменитый комплекс служил основой для тех, кто создавал впоследствии скульптурное воплощение «Явления будды Амиды».

Живопись на дверях приписывается авторству Такума Тамэнари. Будда и бодхисаттвы являются сидящими на лotosовых тронах, несомых единым дымчатым облаком. Священные персонажи приближаются к умирающим, сидящим в открытых постройках, и удаляются — так же, как в росписях пещер Дуньхуана, одновременно изображено и нисхождение, и возвращение в Чистую землю. Джоан Стэнли-Бейкер назвала «эмотивными облаками» те, что изображены в полностью пейзажной части росписей Бё:до:ин¹⁷. На наш взгляд, этот термин подходит и облаку будды Амиды, поскольку оно тоже играет особую роль в создании атмосферы чудесного явления, вызывает эмоциональный отклик.

Благодаря проповеднической деятельности монаха Ку:я (903–972 гг.), а также таким текстам, как «Указания о девяти способах возрождения в Чистой земле Вечной Радости» Рё:гэна (912–985 гг.), всё больше японцев из разных социальных слоев знакомились с учением о Чистой земле. Но самую большую роль сыграл тэндайский монах Гэнсин (942–1017 гг.), который в 985 г. написал «Собрание сведений о возрождении» 往生要集 *О:дзё:ё:сю:*, ставшее одним из самых читаемых и популярных наставлений японских монахов.

Хотя практика памятования будды Амиды уже несколько веков была известна в Японии, важно то, что Гэнсин ее систематизировал и интерпретировал в первую очередь как средство, с помощью которого практикующий может обрести свое собственное возрождение в Чистой земле будды. Вслед за Шаньдао, Гэнсин учил, что в век «Конца Закона» 末法 *маппо:*, когда у людей не достает способностей на прохождение монашеского пути и окружающий мир создает всё большие этому препятствия, упование на обеты будды Амиды — это лучший путь к спасению. При этом созерцательное памятование 觀想念仏 *кансо: нэмбуцу*, т.е. созерцание/визуализацию прекрасного облика будды с его признаками Великого существа, подробно опи-

¹⁶ Joji Okazaki. Op. cit. P. 105.

¹⁷ Stanley-Baker J. Japanese art. 3d ed. London, 2014. P. 78.

санными в «Сутре созерцания будды Амитаюса», а также удивительной Чистой земли будды, Гэнсин ставил выше словесного памятования¹⁸. Созерцание встречающей фигуры будды является этапом уже этого регулярного памятования. Также особый акцент на явлении будды Гэнсин делает в отрывке «Памятовании для особого случая», где описывается практика благого ухода из жизни, «Обряд встречи конца» 臨終の行儀 *риндзю:-но гё:ги*. Указывается, кроме того, что представлять явление будды полезно не только самому умирающему, но и присутствующим верующим (помогая умирающему, они устанавливают благие связи, которые способствуют их собственному возрождению)¹⁹.

Иконография явления будды Амида стала чрезвычайно разнообразной, но в целом, можно предположить, что художники скорее основывались на тексте Гэнсина, чем на тексте сутр — в его описании явления есть многие важные элементы, отсутствующие в соответствующих местах трех сутр Чистой земли. Например, это упоминание чудесных фиолетовых облаков — как мы увидим, облако стало важнейшим элементом иконографии. Также Гэнсин, основываясь на дополнительной сутре «Десяти методов возрождения в Чистой земле Амитабхи» (*кит.* 十往生阿彌陀佛國經), конкретизирует количество бодхисаттв — двадцать пять, что, очевидно повлияло на появление подтипа иконографии «Будда Амида и двадцать пять бодхисаттв» 阿彌陀二十五菩薩來迎圖 *Амида нидзю:го босацу райго:дзу*. С этим же подтипом, безусловно, связан популярный «Гимн двадцати пяти бодхисаттв» 二十五菩薩和讚, авторство которого традиционно приписывается Гэнсину²⁰. Скорее всего, текст был создан уже после Гэнсина (в эпоху Муромати, 1336–1553 гг.), но отметим, что он чрезвычайно интересен, поскольку показывает, что каждый жест и атрибут бодхисаттв может пониматься глубоко символически.

Необходимо подробнее остановиться на терминах. Гэнсин называет явление будды Амида по-разному: «приход на встречу» или «явление» 來迎 *райго:*, «встреча и сопровождение <в страну Высшей радости>» 迎接 *го:сё:*, «спасение и сопровождение» 引接 *индзё:*, «встреча в окружении священных персонажей и сопровождение» 聖衆來迎接 *сё:дзю райго:сё:*. В источниках эпохи Хэйан по отношению к изображениям чаще всего употребляется слово *го:сё:* — 迎接曼荼羅 *го:сё:-мандара* для живописи²¹ и 迎接像 *го:сё:дзо:* для

¹⁸ Трубникова Н.Н. Почитание будды Амида и его «Чистой Земли». — URL: <http://trubnikovann.narod.ru/Heian14.htm> (дата обращения: 12.03.2022)

¹⁹ *Kanda F.C. Op. cit. P. 69–70.*

²⁰ Полный текст гимна в переводе на английский язык см.: *Joji Okazaki. Op. cit. P. 114–116.*

²¹ *Kanda F.C. Op. cit. P. 80.*

статуй. С XIII в. стали появляться другие именованья, и постепенно более распространенным стал вариант 来迎 *райго*. В настоящее время живописные свитки в этой иконографии чаще всего называются 阿弥陀来迎图 *амидарайго:дзу* или 阿弥陀聖衆来迎图 *амидасё:дзу райго:дзу*, а скульптура — 阿弥陀来迎象 *амидарайго:дзо*. В названии может быть указано только имя будды Амиды, но в описании упоминается явление или указывается, что изображение создано «по типу явления» 来迎形 *райго:кэй*. Альтернативные переводы *райго*: на русский язык — это «Нисхождение будды Амиды», «Встреча праведника буддой Амитабхой», «Сошествие будды Амиды», «Пришествие будды Амиды». Мы выбираем перевод «явление»²² как наиболее краткий и подчеркивающий чудесный характер сюжета.

В практиках созерцания (визуализации) верующим безусловно должны были помогать скульптурные изображения будды и живописные изображения его и его Чистой земли. Об этом свидетельствуют упоминания в источниках о самом Гэнсине и предания о почитаемых изображениях в таких сборниках, как «Собрание стародавних повестей». Сначала остановимся на преданиях. Например, в рассказе, открывающем свиток 15 (весь посвящен вере в будду Амиду), миниатюрную мандалу Чистой земли монаху Тико: преподносит сам будда Амиды в ответ на его вопрос, как простому человеку созерцать невообразимо прекрасную Чистую землю²³. В двух рассказах²⁴ этого свитка упоминается практика соединения с изображением через веревку из шнуров пяти цветов: один конец привязывается к руке или рукам будды Амиды, а другой верующий берет в свою руку (обряд практикуется и сейчас). Иллюстрацию этого обряда мы видим в горизонтальных свитках, повествующих о патриархах школы Чистой земли, таких как «Иллюстрированная биография монаха Хо:нэна» 法然上人伝絵 *Хо:нэн сё:нин эдэн* (XIV в.)²⁵ из Токийского национального музея. Возможно, функциональная необходимость крепления веревки или иллюзии того, что будда ее держит, обусловила особенность «жеста встречи» *райго:ин*, в котором будда соединяет указательный и большой пальцы обеих рук, так что образуются удобные

²² Как «Явление Амитабхи» переводит на русский язык К.Ф. Самосюк аналогичный китайский термин 来迎 *лай ин*. См.: Самосюк К.Ф. Указ. соч.

²³ Свиток 15, рассказ 1. Собрание стародавних повестей 今昔物語集, «Кондзюку моногатари-сю» в истории японской религиозно-философской мысли / Сост. Н.Н. Трубникова. Пер. и прим. Н.Н. Трубникова, М.В. Бабкова, М.С. Коляда. — URL: <https://trubnikovann.wixsite.com/trubnikovann/blank-czx1> (дата обращения: 16.03.2022).

²⁴ Там же, рассказ 12, 40.

²⁵ Свиток целиком см. на сайте онлайн-музея «Национальных сокровищ» Японии. — URL: https://emuseum.nich.go.jp/detail?langId=&content_base_id=100302&content_part_id=000&content_pict_id=000 (дата обращения: 12.03.2022)

для крепления веревки «колечки» (или, в случае живописи, удобное место для вставки креплений).

Об отношении Гэнсина к изображениям мы узнаем из достаточно раннего текста, 楞嚴院廿五三昧結衆過去帳 *Rё:гон-ин нидзю:годзаммаи кэсю какотё:* (1013–1017 гг.): он, как и Шаньдао, самолично рисовал изображение «Явления будды Амиды» (「阿弥陀来迎の影像を図絵す」²⁶), причем включал большое количество фигур монахов²⁷. Интересна теория, которую упоминает Хамада Такаси: возможно, появление самостоятельных композиций «Явления будды Амиды», использовавшихся в «Обряде встречи конца», связано с практикой «Обряда встречи» 迎講 *мукаэко:*, создание которого приписывается также Гэнсину²⁸. В ходе этого ритуала монахи в масках и одеяниях бодхисаттв выносили статую будды Амиды или его живописное изображение и шествовали под музыку в лучах заходящего солнца, т.е. инсценировали «Явление будды Амиды»²⁹. Гэнсин, сам рисовавший «Явление», мог опираться на этот опыт и потому включал большое количество фигур монахов. Ф. Канда подробно разбирает аргументы, подтверждающие включение элементов «Обряда встречи» в живопись, связанную с «Явлением будды Амиды»³⁰. Оставляя за рамками статьи вопрос о верности этой теории, мы считаем важным подчеркнуть, что в этой иконографии действительно могут быть сплавлены множество элементов текстуального, визуального и телесного опыта верующих древней Японии.

В более позднем источнике, 続拾遺往生伝 *Дзюкусю:и о:дзё:дэн* (1134 г.), рассказывается, как Гэнсин не смог присутствовать у смертного одра своего знакомого и послал ему 極樂迎接曼陀羅 *Гокураку го:сё: мандара* «Мандалу встречи и сопровождения <в страну> Высшей радости». Свиток с «Явлением будды Амиды» из храма Анракудзюин 安樂寿院 (Киото) хотя и относится уже к XII в., но по стилистическим и иконографическим особенностям определяется исследователями как копия более древнего свитка³¹. Возможно, во времена Гэнсина создавались именно такие композиции: со строго фронтальными фигурами, более сдержанными позами, но уже несомые на облаке, объединенные его пока небольшой, не слишком выделяющейся рамочкой.

²⁶ 浜田隆 [Хамада Такаси]. Op. cit. P. 43.

²⁷ Kanda F.C. Op. cit. P. 72.

²⁸ 浜田隆 [Хамада Такаси]. Op. cit. 42–43.

²⁹ См. разбор истории обряда в монастыре Тайма-дэра: Bryant G.Ch. The Mukaekō of Taimadera: A Case of Salvation Re-enacted // Cahiers d'Extrême-Asie. Mémoires Anna Seidel. Religions traditionnelles d'Asie orientale. Tome I. 1995. N 8. P. 325–334.

³⁰ Kanda F.C. Op. cit. P. 140–157.

³¹ 浜田隆 [Хамада Такаси]. Op. cit. P. 48; Kanda F.C. Op. cit. P. 75.

Первым текстовым свидетельством скульптурного «Явления» является запись в «Сокращенных записях о Японии» 扶桑略記 *Фусо: рякуки*, где говорится, что Ацуакира Синно: установил в 1045 г. в своих покоях «Статую встречающего будды Амиды» 阿弥陀迎接像 *Амидаго:сё:дзо*:³².

Наиболее ранними из сохранившихся считаются именно живописные изображения «Явления будды Амиды». Однако существует интересный нюанс: некоторые исследователи отмечают, что в этих свитках чувствуется работа живописцев со скульптурными образами³³. То есть статуи будды Амиды, использовавшиеся в тэндайских монастырях в павильонах «Медитации при постоянном хождении», продолжали использоваться для памятования будды в рамках практик, описанных Гэнсином, и, скорее всего, на них опирались при создании новой иконографии.

Например, скульптурность образа будды Амиды отмечают в таких знаменитых свитках, как триптих из храма Хоккэдзи (преф. Нара) (центральный свиток — первая половина XI в.) и триптих с буддой Амидой и свитой бодхисаттв из сокровищницы Рэйхо:кан в монастыре на г. Ко:ясан (начало XII в.).

Ранний пример (конец XI в.) подтипа иконографии «Будда Амида и двадцать пять бодхисаттв» в скульптуре хранится в храме Сокудзё:-ин 即成院 на территории монастыря Сэннюдзи 泉涌寺 (Киото). Первоначально скульптуры находились в павильоне по типу 迎接堂 *Го:сё:до*: («Павильон встречи <будды Амиды>»), созданном по обету Татибана-но Тосицуна (1028–1094) и его наследниками на территории его загородной резиденции в Фусими³⁴. Из двадцати пяти фигур бодхисаттв только десять относятся к оригинальной композиции, а остальные воссозданы в эпоху Эдо (1603–1868 гг.).

Центральная фигура Амиды выделяется размером, на ней сохранились остатки позолоты. Поскольку у нее есть некоторые стилистические отличия от фигур бодхисаттв, возможно, статуя первоначально принадлежала другому комплексу³⁵. По сторонам от будды находятся бодхисаттвы Каннон и Сэйси, сидящие на коленях, а вокруг — музицирующие бодхисаттвы. Они похожи на фигуры в храме Бё:до:ин, но их жесты и позы не столь экспрессивны. Тем не менее, они всё равно не типизированы и удивляют неожиданными позами:

³² 浜田隆 [Хамада Такаси]. *Op. cit.* P. 43.

³³ *Ibid.* P. 46–47, 50.

³⁴ *Ibid.* P. 45.

³⁵ 中野 玄三 [Накано Гэндзо]. 藤原彫刻 [Скульптура периода Фудзивара]. P. 61.

Рис. 2. Один из будд группы «Будда Амида и двадцать пять бодхисатв», храм Сокудзэ-ин, монастырь Сэннюдзи, Киото (конец XI в., XVII–XVIII вв.)

привлекает внимание фигура бодхисаттвы, двумя руками бьющего в барабанчик коцудзуми, при этом одна его ступня выдвинута вперед и напряжена (рис. 2). Следует, однако, учитывать, что первоначальное расположение фигур в скульптурных группах неизвестно. Сейчас все бодхисаттвы расположены строго фронтально. Возможно, первоначальная расстановка создавала более динамичный эффект³⁶. Интересный момент современной экспозиции: в павильоне включена запись музыки (реконструкции средневековой музыки Японии). Безусловно, и в древности звучание реальных инструментов дополняло впечатление от музицирующих бодхисаттв. Музыкальные инструменты и символика этого подтипа иконографии подробно разобраны в статье М.В. Есиповой «Музыка двадцати пяти бодхисаттв (музыкальный аспект японской амидаистской живописи райго:дзу)»³⁷. Автор интерпретирует подобные композиции как воплощение идеи «Высшей радости», с которой ассоциируется будда и его Чистая земля.

³⁶ 浜田隆 [Хамада Такаси]. *Op. cit.* P. 44.

³⁷ Есипова М.В. Указ. соч. С. 160–186.

Триптих с буддой Амидой и многочисленной свитой бодхисаттв из сокровищницы Рэйхо:кан в монастыре на горе Ко:ясан³⁸ — чрезвычайно ценный и важный образец «Явления» начала XII в. Поскольку именно из подобных композиций были заимствованы некоторые элементы, характеризующие «Явление» в скульптуре, разберем его подробнее. В центре большая, практически полностью золотая фигура будды Амиды, сидящего на лотосе, указательный и большой палец обеих его рук соединены в «жесте встречи/явления» 来迎印 *райго:-ин*, как и на предыдущем свитке, губы Амиды выделены алым. В непосредственной близости от будды три фигуры монахов (справа, с драгоценностью в руках, скорее всего, бодхисаттва Дзидзо), над ним — небесные музыкантши или бодхисаттвы, по сторонам также музицирующие бодхисаттвы, а в нижней части центрального свитка — бодхисаттвы Каннон с золотым лотосом-пьедесталом и Сэйси, складывающий руки в жесте приветствия и почитания 合掌 *гассё*:. Фигуры двух главных бодхисаттв имеют как бы спонтанные позы — Каннон приподнимается на коленях, а Сэйси поджал одну ногу под себя, как будто в следующий миг хочет привстать. Бодхисаттвы справа и слева ведут себя так же «раскрепощенно», как бодхисаттвы храма Бё:до:ин, особенно выделяется бодхисаттва, играющий на бива у правого края правого свитка: в дополнение к музыке он как будто с улыбкой напевает. Выше мы уже видели, что этот принцип изображения бодхисаттв в свободных, эмоционально выразительных позах воспроизводился и в скульптуре. Заметим, что два главных бодхисаттвы обращены к предполагаемой фигуре человека перед свитком: Сэйси приветствует и почитает праведника жестом сложенных ладоней, Каннон несет в руках лотосовый пьедестал для предстоящего, но меньше развернут в его сторону. В создании эффекта направленности группы на нас играет огромную роль клубящееся облако, его шлейф как бы сообщает траекторию зигзагообразного полета группы — откуда-то сверху и слева. Оно написано очень изысканно, многослойно, закручивающиеся спирали поддерживают будду и бодхисаттв словно «лапки». Также искусность художника проявляется в том, как он написал просвечивающие нимбы бодхисаттв, сквозь которые виднеется облако.

Триада будды Амиды в павильоне О:дзё:-гокураку-ин 往生極樂院 монастыря Сандзэн-ин 三千院 (Охара, Киото) считается классическим для эпохи Хэйан воплощением иконографии встречающего будды Амиды в скульптуре (迎接像 *госё:дзо:*) (рис. 3). Благодаря над-

³⁸ Свиток был изготовлен в главном монастыре школы Тэндай на горе Хиэйсан, где хранился в помещении Анракудани (*Joji Okazaki*. Op. cit. P. 106).

Рис. 3. Триада будды Амиды (с бодхисаттвами Каннон и Сэйси).
Павильон О:дзэ:-гокураку-ин, монастырь Сандзэн-ин, Киото (1147 г.)

писи внутри фигуры бодхисаттвы Сэйси точно известна датировка создания триады и заказчик — 1147 г., монах Дзицусэ:³⁹.

Статуя относится к стилю Дзэ:тё:, однако, в отличие от фигуры Амиды из Бё:до:ин, жест будды, соединенные большой и указательный палец обеих рук — это «жест встречи» 来迎印 *райго:ин*. Также будда сидит не на лotosовом пьедестале, а на октагональном ступенчатом «троне-горе Сумеру» 須弥壇 *сюмидан*. Так же, как бодхисаттвы на некоторых свитках и в храме Сэннюдзи, здесь Каннон и Сэйси сидят на коленках. Хотя положение их голов, чуть склоненных, ассоциируется с самопогруженной сосредоточенностью, торсами они заметно подаются вперед, устремляясь навстречу предстоящему человеку. Такой «язык тела» дополняет приветственный жест бодхисаттвы Сэйси и маленький лотос в руках Каннон (заметим, что техника исполнения этого миниатюрного лотоса во всем соответствует лотосам, на которых сидят сами бодхисаттвы).

³⁹ 中野 玄三 [Накано Гэндзо]. 藤原彫刻 [Скульптура периода Фудзивара]. Р. 60–61.

Масштаб триады очень большой: фигура сидящего будды имеет высоту 232 см, Каннон — 132,2 см, Сэйси — 132,7 см⁴⁰. Такой тип изображения будды называется 丈六仏 *дзэ:рокубуцу* «будда ростом в 1 дзэ: и 6 сяку», т.е. около 4 м 85 см (высота сидящей фигуры, соответственно, примерно в два раза меньше), что считалось реальным ростом будд (Шакьямуни и других)⁴¹. Колоссальному впечатлению способствует и то, что нимб будды едва не касается потолка павильона. Согласно дневнику Ёсида Цунэфуса (1142–1200), данный павильон был создан по заказу жены Фудзивара-но Санэхиро, Синнёбони 真如房尼, ушедшей после его смерти в монахини и в течение всей последующей жизни практиковавшей ради возрождения мужа в Чистой земле тэндайский ритуал «Сосредоточения при постоянном хождении».

Относительно небольшая⁴² триада будды Амиды из храма Дзэ:сё:ко:дзи 常照皇寺 (Киото) (XII в.) чрезвычайно интересна с точки зрения оформления лotosовых пьедесталов — под ними клубятся скульптурные облака-пьедесталы 雲座 *кумодза*, выполненные как стилизованные волны или кружево, закрученное в ассиметричные складки и покрытое белой краской. Даже несмотря на то что жест будды Амиды медитативный, облака напрямую связывают эту триаду с живописью *райго:дзу* и иконографией «Явления». Это самый ранний пример подобного оформления пьедесталов триады Амиды в скульптуре⁴³. При этом с бокового ракурса видно, что у этих облаков даже есть «хвостики», которые демонстрируют траекторию нисхождения священных персонажей (резкий полет сверху вниз) и являются как бы застывшими маркерами движения. Любопытны также и позы бодхисаттв: Сэйси в процессе вставания с колен высвобождает левую ногу (рис. 4), а Каннон уже опирается на правую ступню, пока левая остается поджатой. Подобные «про-

⁴⁰ Страница, посвященная триаде на сайте храма Сандзэн-ин. — URL: <http://www.sanzenin.or.jp/guide/heritage.html> (дата обращения:12.03.2022)

⁴¹ Это представление восходит к китайскому переводу одного из канонических текстов (薩婆多毘尼毘婆沙 *Sarvāstivāda-vinaya-vibhāṣā*), где называется такой размер (丈六) и говорится, что будда в два раза выше обычного человека. Очевидно, на это указание наложилось более позднее определение этих единиц измерения (период династии Тан), так что размер стал превышать четыре метра. См.: Словарь японского языка. — URL: <https://www.weblio.jp/content/%E4%B8%88%E5%85%AD%E4%BB%8F> (дата обращения:12.03.2022); Трипитака годов Тайсё (T1440_23.0561a15). — URL: SAT DB (u-tokyo.ac.jp) (дата обращения:12.03.2022).

⁴² Высота фигуры будды: 51,3 см, бодхисаттв: 53,9 см. Сайт Киотосского национального музея. — URL: <https://www.kyohaku.go.jp/jp/dictio/choukoku/amida.html> (дата обращения:12.03.2022)

⁴³ Страница памятника на официальном сайте культурного наследия Японии. — URL: <https://kunishitei.bunka.go.jp/heritage/detail/201/10405> (дата обращения:12.03.2022)

Рис. 4. Бодхисаттва Сэйси из триады будды Амида из храма Дзё:сё:ко:дзи, Киото (XII в.)

межуточные» позы мы уже видели на свитке из Рэйхо:кан. На наш взгляд, они призваны показать явление в процессе, через эффект живой реакции создать ощущение связи между предстоящим и священными персонажами.

«Оборачивающийся Амида» *みかえり阿弥陀* *Микаэри Амида* из павильона Эйкандо 永観堂 монастыря Дзэнриндзи 禅林寺 (преф. Киото) — это наиболее ранний пример⁴⁴ (конец XII в.) редкого типа статуи, в котором сам будда принимает подобную промежуточную позу. Будда стоит на лotosовом пьедестале, руки сложены в «жест встречи» *райго:ин*, голова повернута влево, словно он смотрит через плечо. Интерпретация этой позы затруднена, но, возможно, она связана с композициями, в которых будда уже возвращается с душой праведника в Чистую землю — как мы указывали, такие композиции были и в китайских прототипах, и в росписях храма Бё:до:ин. В них будда изображается вполоборота со спины. С одной стороны, будда движется вперед с душой праведника, но оборачивается назад,

⁴⁴ Страница памятника на официальном сайте культурного наследия Японии. — URL: <https://kunishitei.bunka.go.jp/heritage/detail/201/10359> (дата обращения: 12.03.2022)

как бы показывая, что ему дороги все верующие, и он еще вернется за ними.

Итак, в конце эпохи Хэйан именно в скульптуре появился новый тип «Явления будды Амиды» — уже со стоящей фигурой. Строго говоря, форма триады будды (не обязательно Амитабхи) со стоящими фигурами нередко встречается в таких китайских комплексах, как Юньган. Однако в Японии на протяжении большей части периода Хэйан абсолютным авторитетом обладала форма сидящего будды Амиды — возможно, это связано с тем, каким влиянием обладала школа Тэндай и ее эзотерическая иконография⁴⁵. Кроме того, в разделе «Собрания сведений о возрождении», посвященном созерцательному памятованию, Гэнсин описывает визуализацию именно сидящей фигуры будды⁴⁶.

Считается, что учитель Хо:нэн (1133–1212), основатель уже отдельной школы Чистой земли 淨土宗 Дзё:до-сю, также напрямую повлиял на искусство, связанное с буддой Амидой. Отталкиваясь от комментариев китайского патриарха школы Шаньдао, Хо:нэн учил, что наиболее важный способ почитания будды Амиды — это словесное (не созерцательное) памятование, т.е. повторение фразы «Будда Амида, славься!» (*яп. Наму Амида буцу*). С точки зрения Хо:нэна, спасение — это не результат усилий верующего, а именно милость будды Амиды, сила его первоначального обета стать буддой только в том случае, если все живые существа, призывающие его на помощь, смогут переродиться в его Чистой земле⁴⁷. Важно отметить, что Хо:нэн, очевидно, критически относился к сложным практикам визуализации, но в принципе не отрицал пользы изображений, первоначально возникших в том числе как помощь в этой практике. Он рекомендовал верующим самолично рисовать образ являющегося будды Амиды⁴⁸. Хо:нэн считал, что почитать следует строго будду Амиду, бодхисаттв Каннон и Сэйси, а «не разбрасываться» на других многочисленных персонажей. Кроме того, Хо:нэн, опять же, опираясь на тексты Шаньдао, учил о том, почему будду следует изображать именно стоящим — в этом выражается его сострадательная сила, беспрекословная готовность прийти на помощь верующим, проносящим его имя⁴⁹. Интересно, что в соответствующем отрывке

⁴⁵ 浜田隆 [Хамада Такаси]. *Op. cit.* P. 62.

⁴⁶ Kanda F.C. Hōnen's Senchaku Doctrine and His Artistic Agenda // *Japanese Journal of Religious Studies*. 2004. Vol. 31. N 1. P. 13.

⁴⁷ Трубникова Н.Н., Бачурин А.С. *История религий Японии IX–XII вв.* М., 2009. С. 417–426.

⁴⁸ Joji Okazaki. *Op. cit.* P. 132.

⁴⁹ Kanda F.C. Hōnen's Senchaku Doctrine and His Artistic Agenda. P. 10–11.

текста Шаньдао подчеркивается, что будда стоит/висит в воздухе — видимо, этот аспект выражается через облачный пьедестал. Особое внимание Хо:нэн уделял вопросу покрытия статуй и изображений: он учил, что золотой цвет тела будды Амиды означает его неизменную непреходящую милость⁵⁰.

Подобные интерпретации и практики Хо:нэна имели огромные последствия для изобразительности, связанной с Чистой землей будды Амиды — как в живописи, так и в скульптуре популярностью стали пользоваться **стоящая золоченная** триада будды Амиды и его одиночная фигура 独尊像 *докусондзо*. Именно с такими статуями Хо:нэн изображается в вышеупомянутой «Иллюстрированной биографии монаха Хо:нэна». Хотя сам Хо:нэн подвергался преследованиям, его наследие и взгляды на использование и создание изображений продвигались такими его учениками, как Сё:ку⁵¹.

Наконец, еще один важнейший фактор, повлиявший на распространение стоящей фигуры будды, связан с процессами, происходившими в истории японского искусства, — это популярность скульптора Кайкэя (акт. 1180–1220 гг.), одного из учеников Ко:кэя (?), основателя школы Кэй. Он создал множество статуй будды Амиды, сам был приверженцем веры в него, и даже имел псевдоним «Мирный Ами<да>» 安阿弥 *Ан-ами*. Несколько работ он создал по заказу монаха Тё:гэна (1121–1206), знаменитого восстановителя храма То:дайдзи в Нара. Тё:гэн тоже был приверженцем веры в будду Амиду⁵² и для сбора средств на восстановление То:дайдзи основал в разных провинциях храмы, посвященные Амиде.

Одним из таких архитектурно-скульптурных комплексов является павильон Дзё:додо: 浄土堂 монастыря Дзё:додзи 浄土寺 (преф. Хёго) (1194 г.). Тё:гэн сам учился строительному ремеслу в Китае и привез оттуда множество изображений⁵³, поэтому и архитектура, и внутреннее скульптурное убранство павильона свидетельствуют о новой китаизирующей стилистике.

Тё:гэн прямо указывает в своих записках «Собрание добрых дел во славу будды Амиды» 南無阿弥陀仏作善集, что попросил скульптора при создании триады будды Амиды ориентироваться на конкретный китайский свиток, который он чрезвычайно почитал. От-

⁵⁰ Ibid. P. 12.

⁵¹ Ibid. P. 23.

⁵² Правда, его взгляды отличались от учения его современника Хо:нэна: Тё:гэн понимал веру в будду и памятование в ключе, характерном для школы Тэндай, — как способ достижения «пользы и выгоды» в этом мире. См.: Трубникова Н.Н. Знаменитые монахи XII в.: Монгаку, Сайгё, Тё:гэн, Какукай. — URL: <http://trubnikovann.porod.ru/Heian24.htm> (дата обращения: 12.03.2022)

⁵³ Там же.

Рис. 5. Триада будды Амиды, павильон Дзё:додо: монастыря Дзё:додзи, преф. Хёго (1194 г.). Скульптор Кайкэй

личающийся стиль этих статуй сразу бросается в глаза: у персонажей пропорционально большие головы и широкие плечи, лики немного напоминают маски (рис. 5). Учитывая то, что центральная фигура тоже выполнена в масштабе «реального будды» (около 5 м в высоту), эффект получается даже немного подавляющий. Атрибуты и жесты непривычны: Амида протягивает правую руку в жесте дарования, а левую складывает в варианте жеста встречи (соединены большой и средний пальцы)⁵⁴, Каннон держит стебель с цветком лотоса с книжечкой наверху, а Сэйси — сосуд, на их головах массивные короны с маленькими фигурками Амиды. Детали также отличаются: бро-

⁵⁴ Считается, что такой вариант указывает на средний класс рождения в Чистой земле (согласно «Сутре визуализации будды Амиаюса», существует высший, средний и низший классы рождения, каждый из которых также делится на три). Однако непонятно, когда возникли такие трактовки жестов будды Амиды, этот вопрос требует дальнейшего исследования.

саются в глаза длинные ногти на руках будды, необычные нимбы всех трех персонажей. Однако один элемент однозначно указывает на то, что перед нами именно «Явление»: все три фигуры стоят на лotosовых пьедесталах, «зарытых» в завитки облаков. Если обойти статуи, то с какого-то момента начинают виднеться «хвосты» облаков, взметающиеся позади фигур. Практически вся поверхность статуй, кроме волос, покрыта золочением. Чрезвычайно важно то, как статуи взаимодействуют с пространством и окружающей средой. И павильон, и положение статуй были специально рассчитаны таким образом, чтобы будда с бодхисаттвами как бы появлялись со стороны заходящего солнца, тонули в его лучах, наполняющих павильон и отражающихся от золотой поверхности статуй. Это подчеркивает светозарный облик являющихся будды и бодхисаттв, который неоднократно упоминается как в амидаистских сутрах, так и в преданиях о чудесных явлениях.

Необходимо сказать отдельно о роли и значении живописных и скульптурных облаков в искусстве, связанном с «Явлением будды Амиды». Как мы писали выше, в сутрах не упоминаются облака как способ передвижения будды и его бодхисаттв. Однако в живописи эпохи Тан в целом и композициях *бяньсян* на «Сутру созерцания будды Амитаюса» в частности облака уже используются для указания появления высших сил в человеческом мире и для композиционной организации живописи. В источниках облако будды Амиды чаще всего называется «фиолетовое облако» 紫雲 *сиун*, «пятицветное облако» 五色の彩雲 *госики-но сай-ун*⁵⁵ или «благовестующее облако» 瑞雲 *дзуй-ун*. Возможно, фиолетовые облака — это особенно красивое закатное небо (ведь будда Амиды связан с заходящим солнцем). У всех этих именовании общее благопожелательное значение, а в контексте культа будды Амиды появление подобных облаков означало верное перерождение в его Чистой земле. Каковы источники этого мотива? Эпитет «едущая на фиолетовых облаках» в отношении древней китайской богини, владычицы запада Сиванму, появляется уже в тексте III в. — в «Заметках о множестве вещей» 博物志 *Бо у чжи*. Кроме того, важны представления о перемещении на облаках бессмертных и отшельников-даосов: даже в японский сборник «Рассказы, собранные в Удзи» (после 1242 г.) попал рассказ об отшельнике, который перемещался на облачках дыма от благовоний⁵⁶. Именно

⁵⁵ Это связано с реальным метеорологическим явлением, когда лучи света преломляются так, что облака становятся радужными — увидеть такое облако на небе считалось и считается в культуре Восточной Азии благим предзнаменованием.

⁵⁶ Свиток восьмой. 7. Про то, как патриарх Дзёкан из обители Сэндзю с отшельником повстречался // Рассказы, собранные в Удзи / Пер. с яп. Г. Свиридова. СПб., 2019. С. 228–230.

Рис. 6. Триада будды Амиды, монастырь Ко:дай-ин (Ко:ясан)
(первая четверть XIII в.). Скульптор Кайкэй

специфические облака благовоний, делящиеся на отдельные струйки и завитки, больше всего напоминают облака на свитке из монастыря на г. Ко:ясан и многих других памятниках. Можно представить, что изображенные или скульптурные облака «взаимодействовали» с дымом благовоний во время практики созерцания или ритуального чтения сутр и умножали эффект чудесного явления фигур перед верующим, парения в воздухе и стирания границ между изображением и смотрящим человеком.

В других памятниках Кайкэй выработал тип статуи будды Амиды стилистически более близкий японской традиции, в частности, стилю Дзё:тё:. Классическим таким примером можно считать статую из храма Ко:дай-ин 光台院 монастыря на г. Ко:ясан (первая четверть XIII в.) (рис. 6). Все три фигуры стоят, при этом бодхисат-

твы чуть согнули колени и наклонены вперед, как бы приближаясь к предстоящему человеку. Правая рука будды поднята, левая опущена, обе ладони сложены в жесте встречи. Пропорции тела будды нейтральны в плане выразительности: его фигура не давит мощью, не приземиста, не слишком вытянута, а успокаивает дугообразными линиями абриса фигуры, много раз повторенными в складках. Форма головы — перевернутая трапеция со скругленными углами, черты лица некрупные, изящно вылепленные, низкий лоб и брови достаточно широкие, внешние уголки глаз чуть подняты вверх.

Кайкэй создал также множество одиночных фигур будды Амиды высотой в три сяку (90 см) 三尺阿弥陀 *Сандзяку Амиды*, самые известные из которых находятся в храмах Кэнго:ин 遣迎院 (Киото), То:дайдзи Сюдзэ:до: 東大寺・俊乗堂 (Нара) (1202–1208 гг.), Сайхо:дзи 西方寺 (Нара), Дайэндзи 大圓寺 (Осака) (1203–1210 гг.), Эндзэ:дзи 圓常寺 (Хиконэ), Ко:риндзи 光林寺 (преф. Нара). Остановимся отдельно на фигуре будды Амиды из храма Сюдзэ:до: монастыря То:дайдзи, поскольку у этой скульптуры помимо лotosового, есть и облачный пьедестал. Поза и жест будды идентичны предыдущему памятнику, рисунок складок чуть другой — в верхней части нет дополнительных сгибов. Следует особо отметить покрытие статуи: золотой краской 金泥塗 *киндэй-нури*, на одеждах еще сверху украшенное узорами типа 七宝紋 *сиппо:мон* из полосок сусального золота 切金 *кириканэ*.

Лotosовый пьедестал, помещенный на облачный, является более поздним дополнением, однако во времена Кайкэя такая структура тоже могла быть. В художественном музее МОА (г. Атами) хранится статуя будды Амиды очень близкая стилистике Кайкэя (она приписывается его школе) — ее лotosовый пьедестал также окружает своеобразная облачная композиция⁵⁷. От первоначальной конструкции сохранили свои облачные пьедесталы некоторые одиночные статуи бодхисаттв Каннон и Дзидзо. Их культ тесно связан с буддой Амидой — они стоят или сидят на облаках, будучи частью его свиты. Облако в их одиночных изображениях и статуях, очевидно, означает ту же готовность всегда прийти на помощь верующим, их чудесную силу, с помощью которой они преодолевают границы миров. Визуально облако размывает статику стоящих фигур, создает эффект движения навстречу. Замечательный пример такой статуи бодхисаттвы Дзидзо:, созданной тем же скульптором Кайкеем, хранится

⁵⁷ Страница предмета на сайте художественного музея МОА (г. Атами). — URL: <https://www.moaart.or.jp/collections/229/> (дата обращения:12.03.2022), а также базы культурного наследия Японии. — URL: <https://kunishitei.bunka.go.jp/heritage/detail/201/00010644> (дата обращения:12.03.2022)

в музее Фудзита (Осака) (первая треть XIII в.)⁵⁸. Здесь облако имеет длинный «хвост», как в триаде из храма Дзё:додзи.

Тип стоящей статуи будды Амиды, созданный Кайкэем (высота около 90 см, жест встречи с одной рукой поднятой, другой опущенной, гармоничные пропорции), повторяется вплоть до настоящего времени, его можно найти во многих музеях мира. Например, в Государственном музее Востока в Москве в экспозиции выставлена статуя будды Амиды, датированная в путеводителе В.А. Друзь XIII в.⁵⁹ Рисунок складок проще, но общие пропорции и схема повторяют тип Кайкэя, на что указывает и автор путеводителя. Лотоновый пьедестал и вставки в ушницу и урну будды, скорее всего, являются более поздними дополнениями, возможно, уже периода Эдо (1603–1868 гг.). Однако на одеянии сохранились следы декорации, характерной для школы Кайкэя — золотыми полосками *кириканэ* выложен тончайший узор *сиппо:мон*.

Заключение

Таким образом, мы рассмотрели источники, историю и религиозный контекст иконографии «Явления будды Амиды» в японской скульптуре. Анализируя становление культа будды, необходимо иметь в виду четыре главные сутры: «Сутру сосредоточения, в котором будды настоящего являются перед тобой», «Большую сутру явления земли блаженства», «Малую сутру явления земли блаженства», «Сутру созерцания будды Амитаюса». В школе Тэндай практиковался сложный обряд «Сосредоточения при постоянном хождении», основанный на первой из этих сутр, он уже включал элементы устного и мысленного памятования будды. Явление будды понималось как награда за успешное совершение этой практики. Фигура сидящего будды Амиды с жестом медитации была главным изображением в павильоне, где проводился этот обряд. Одновременно нам известно о существовании таких живописных свитков, как Тайма-мандара (сохранилась частично), представляющего собой иллюстрацию «Сутры созерцания будды Амитаюса», и отдельного свитка с «Девятью способами возрождения» (не сохранился). На их основе, скорее всего, были созданы росписи с «Явлением» на панелях и дверях Бё:до:ин, являющиеся самым ранним из сохранившихся примеров этой иконографии в Японии (1054 г.).

⁵⁸ Страница предмета на сайте художественного музея Фудзита (Осака). — URL: <http://fujita-museum.or.jp/topics/2021/07/23/1531/> (дата обращения: 12.03.2022)

⁵⁹ Друзь В.А. Искусство Японии. Путеводитель по постоянной экспозиции. М., 2011. С. 24–27.

Гэнсин в тексте «Собрание сведений о возрождении» (985 г.) впервые стал учить о практике памятования как способе достижения самим человеком возрождения в Чистой земле будды Амиды. Воображение того, как будда в окружении бодхисаттв является на встречу к верующему (созерцательное памятование), являлось для него главной практикой, инкорпорированной в повседневное служение и особенно нужное в момент смерти человека (для него самого и его ближайшего окружения). В помощь созерцательному памятованию стали создаваться как живописные, так и скульптурные изображения являющегося будды и его бодхисаттв. Характерной особенностью статуй XI — первой половины XII в. является сидячее положение будды и бодхисаттв, отсутствие единой схемы положения рук будды (это может быть жест учения, либо медитации, либо особый жест встречи). Встречается форма триады и большой скульптурной группы с музицирующими бодхисаттвами («Будда Амиды и двадцать пять бодхисаттв»). Мы узнаем, что это именно «Явление», благодаря главным бодхисаттвам — Каннон, протягивающему лотосовый пьедестал, и Сэйси, складывающему руки в жесте приветствия и почитания. Позы этих бодхисаттв также подразумевают движение навстречу предстоящему человеку — они сидят, чуть приподнявшись, на коленях. В XII в. в скульптуре появляется самый характерный элемент живописи «Явления» — облако, делающее пьедестал статуй еще более «открытым» и отображающее потенциальное движение навстречу предстоящему. С конца XII в. появляется стоящая фигура будды Амиды, причем сначала именно в скульптуре. Учитель Хо:нэн, основатель отдельной школы Чистой земли, подчеркивал важность почитания исключительно Амиды или триады Амиды именно в форме стоящей, означающей готовность будды прийти на помощь к верующему. Скульптор Кайкэй создал классическое воплощение триады и отдельно стоящей фигуры будды Амиды с жестом встречи, тиражировавшейся на протяжении многих веков.

Отношения между живописным и скульптурным воплощением одной и той же иконографии можно описать как постоянное взаимовлияние: хотя вначале она появилась именно в живописи, в ранних памятниках чувствуется, что центральная фигура будды рисовалась со статуарного образа; далее мы видим, что облако, один из важнейших живописных приемов «Явления», обретает воплощение и в скульптуре и т.д. Немаловажно и значение ритуального пространства: мы сделали предположение, что на жест рук бодхисаттв могла повлиять необходимость крепления веревки, соединяющих верующих с культовой иконой, а на изображение облаков — клубы

дыма благовоний. Таким образом, доктринальный текст сутр – это, конечно, исходная точка иконографии, но на ее сложение также повлияли интерпретации китайских и японских учителей, уже существующие почитаемые изображения, а также особенности ритуала.

Список литературы

Друзь В.А. Искусство Японии. Путеводитель по постоянной экспозиции. М.: Государственный музей Востока, 2011. 240 с.

Есипова М.В. Музыка двадцати пяти бодхисаттв (музыкальный аспект японской амидаистской живописи райго:дзу) // История и культура традиционной Японии 6 / Ответственный редактор А.Н. Мещеряков. М.: Наталис, 2013. С. 160–186.

Кужель Ю.Л. XII веков японской скульптуры. М.: Прогресс-Традиция, 2017. 496 с.

Кужель Ю.Л. Иконография Шакьямуни и Ами табха в японском искусстве. — URL: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=557 (дата обращения: 12.03.2022)

Самосюк К.Ф. Буддийская живопись из Хара-Хото XII–XIV вв.: Коллекция П.К. Козлова. Дис. ... доктора иск. М.: Государственный институт искусствознания, 2006. 302 с.

Трубникова Н.Н. Знаменитые монахи XII в.: Монгаку, Сайгё, Тё:гэн, Какуай: — URL: <http://trubnikovann.narod.ru/Heian24.htm> (дата обращения: 12.03.2022)

Трубникова Н.Н. Почитание «Чистой земли» в XI–XII вв. — URL: <http://trubnikovann.narod.ru/Heian20.htm> (дата обращения: 12.03.2022)

Трубникова Н.Н. Почитание будды Амида и его «Чистой Земли». — URL: <http://trubnikovann.narod.ru/Heian14.htm> (дата обращения: 12.03.2022)

Трубникова Н.Н., Бачурин А.С. История религий Японии IX–XII вв. М.: Наталис, 2009. 560 с.

Bryant G.Ch. The Mukaekō of Taimadera: A Case of Salvation Re-enacted // Cahiers d'Extrême-Asie. Mémoires Anna Seidel. Religions traditionnelles d'Asie orientale. Tome I. 1995. N 8. P. 325–334.

Bryant G.F.Ch. Kuhon ojozu: Paintings of the nine grades of birth. Context and interpretation. Los Angeles: University of California, ProQuest Dissertations Publishing, 1995. 258 p.

Ducor J., Loveday H. Le sutra des contemplations du Buddha Vie-Infinie: essai d'interprétation textuelle et iconographique. Turnhout (Belgium): Brepols, 2011. 466 p.

Jōji Okazaki. Pure Land Buddhist Painting (Japanese Arts Library. Vol. 43) / Trans. by E. Ten Grotenhuis. Tokyo; New York: Kodansha International, 1977. 201 p.

Kanda F.C. Hōnen's Senchaku Doctrine and His Artistic Agenda // Japanese Journal of Religious Studies. Vol. 31. N 1. Nanzan University, 2004. P. 3–27.

Kanda F.C. The development of Amida Raigō painting: style, concept, and landscape. New Haven: Yale University, ProQuest Dissertations Publishing, 2002.

Schopen G. Sukhāvātī as a Generalized Religious Goal // Figments and Fragments of Mahāyāna Buddhism in India: More Collected Papers. University of Hawai'i Press, 2005. P. 154–189.

Stanley-Baker J. Japanese art. 3d ed. London: Thames & Hudson, 2014. 240 p.

中野 玄三 [Накано Гэндзо]. 来迎図の美術 [Искусство *райго:дзу*]. 京都 [Киото]: 同朋舎 [Дохоша], 2013. 103 с.

中野 玄三 [Накано Гэндзо]. 藤原彫刻 [Скульптура периода Фудзивара] // 日本の美術 [Искусство Японии]. N 50. 東京 [Токио]: 至文堂 [Сибундо], 1970. 108 с. — URL: <https://kunishitei.bunka.go.jp/heritage/detail/201/10405>

浜田隆 [Хамада Такаси]. 来迎図 [Явления будды Амиды] // 日本の美術 [Искусство Японии]. N 273. 東京 [Токио]: 至文堂 [Сибундо], 1989. 102 с.

Поступила в редакцию
17 марта 2022 г.

Д.В. Хлебников

**«ХЪРОВИМЪ ТРЪЛИЧЪНИ СУТЬ»:
СЛЕДЫ ГЛАГОЛИЧЕСКОГО ОРИГИНАЛА
ИЗБОРНИКА СВЯТОСЛАВА 1073 г. В РУССКОЙ
ИКОНОГРАФИИ СИМВОЛОВ ЕВАНГЕЛИСТОВ**

D.V. Khlebnikov

**“CHERUBIM THREE-FACED ARE”:
TRACES OF IZBORNİK OF SVYATOSLAV (1073)
GLAGOLITIC ORIGINAL IN THE OLD RUSSIAN
ICONOGFAPHY OF EVANGELISTS SYMBOLS**

Аннотация. В статье поднимается вопрос о происхождении нетривиальных изображений символов евангелистов в виде полуфигур антропоморфных трехликих херувимов, которые известны в русских лицевых Евангелиях 60–90-х гг. XVI в., а также на серебряных окладах небольшой группы напрестольных Евангелий начала XVII в. и в некоторых иконописных произведениях. Источник этих изображений автор находит в славянском переводе статьи Анастасия Синаита «Против ариан», который содержится в Изборнике Святослава 1073 г., второй по древности из дошедших до нашего времени датированных древнерусских рукописей. В этой статье Анастасий Синаит повторяет мнение св. Иринея Лионского, который объясняет четверичное число Евангелий, связывая его с четырьмя ликами херувима, — ликами четырех животных, описанных в Книге пророка Иезекииля. Эти животные и стали восприниматься впоследствии как символы Евангелий и евангелистов. В древнем славянском переводе, вследствие смешения числового значения глаголических буквенных знаков оригинала Изборника и кириллических знаков в самом списке 1073 г., из-за ошибки переписчика херувим оказался назван *трехликим* вместо *четвероликого*: в глаголице буква «глаголь» имеет цифровое значение «четыре», в кириллице же — три. Будучи далеко не всегда исправляемой в списках, эта ошибка распространилась и встречается в рукописях вплоть до XVIII в. включительно, дав за время своего бытования небольшую иконографическую традицию, существовавшую, насколько можно судить по сохранившимся памятникам, в Вологде и других областях русского Севера. В статье рассмотрены полностраничные миниатюры трех русских Евангелий Тетр, хранящихся в Государственном Историческом музее и Российской национальной библиотеке,

Хлебников Денис Владимирович, независимый исследователь
Klebnikov Denis Vladimirovich, Independent Scholar
+7-985-865-12-88, alphoisto@yandex.ru

а также три серебряных оклада напрестольных Евангелий, хранящихся в Музеях Московского Кремля, Пермской художественной галерее и Архангельском краеведческом музее. Текст статьи Анастасия Синаита «Против ариан» рассмотрен в пятнадцати списках от XI в. до XVIII включительно.

Ключевые слова: иконография, символы евангелистов, трехликий черувим, книжная миниатюра, оклады Евангелий, Иринеи Лионский, Анастасий Синаит, Изборник Святослава 1073 г., глаголица, кириллица.

Abstract. The article examines the origin of non-trivial images of the Evangelists' symbols in the form of half-figures of anthropomorphic three-faced cherubim, which are known in Russian illuminated Gospels from 1560s through 1590s, on the silver covers of a small group of the early seventeenth-century Holy Table Gospels and in some iconographic works. The author finds the source of these images in a Slavonic translation of Anastasius of Sinai's *Against the Arian*, which is included in the *Izbornik of Svyatoslav*, dated to 1073, the second-oldest surviving old Russian manuscript. In this work, Anastasius of Sinai echoes the opinion of Irenaeus of Lyon, who explained the fourfold number of the Gospels by linking it to the four faces of the cherubim, i.e., the faces of the four animals described in the Book of Ezekiel. These animals came to be perceived later as symbols of the Gospels and the Evangelists. In the old Slavonic translation, the cherub was called three-faced instead of four-faced due to an erroneous confusion of numerical values of the Glagolitic letters in the original of the *Izbornik* and Cyrillic characters in the 1073 manuscript. In Glagolitic the letter "Glagol" has the numerical value "four", while in Cyrillic it is "three". This error was not always corrected in the manuscript copies up to the 18th century, and it generated a limited iconographic tradition in Vologda and other regions of the Russian North as far as one can judge from the surviving works. This article deals with the full-page miniatures of three Russian Tetragospels from the State Historical Museum and the Russian National Library, three silver emblazoned Gospels from the Moscow Kremlin Museums, the Perm State Art Gallery and the Arkhangelsk Regional Museum. The text of Anastasius of Sinai's *Against the Arians* is examined in fifteen copies from the 11th through the 18th century.

Keywords: iconography, symbols of the Evangelists, three-faced cherubim, manuscript illumination, Gospel book covers, Irenaeus of Lyon, Anastasius of Sinai, *Izbornik of Svyatoslav* 1073, Glagolitic script, Cyrillic script.

* * *

В миниатюрах известного вологодского Евангелия (ГИМ. Увар. 972/69¹), созданного до 1577 г.² и, видимо, вологодских же Тетр третьей четверти XVI в. (РНБ. Сол. 131/131, «Евангелие Исака

¹ Леонид (Кавелин), архим. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А.С. Уварова. Ч. 1. М., 1891. С. 38–40; Уваров А.С. Евангелие 1577 года, изображения Евангелистов и их символов // Древности. Труды Имп. Московского археологического общества. Т. 21. Вып. 2. М., 1907. С. 36–37. Табл. II, III; Иконы Вологды XIV–XVI вв. М., 2007. Ил. с. 70, 72, 73.

² Рукопись не датирована; оклад датируется по надписи на нем; требуется уточнение датировки.

Шахова»³ и Сол. 144/144⁴, иллюстрации последней рукописи датируются концом века) — наблюдаются довольно редкие иконографические особенности.

Изображения евангелистов здесь сопровождают полу-фигуры антропоморфных крылатых существ с ликами орла, тельца, льва и человека и с человеческими же держащими кодекс руками, оканчивающимися, подобно лику, когтистой лапой, копытом или человеческими кистями⁵. Соответственно, понимать эти полу-фигуры должны как символы евангелистов.

Уникальная их особенность состоит не столько в антропоморфности⁶, сколько в том, что каждый образ представлен *трехликим* (все три лика во всех случаях окружены единым нимбом): один, символ Матфея, — с тремя человеческими; другой, символ Марка, — с тремя орлиными (рис. 1); третий, Луки, — с тремя головами тельца, и четвертый, Иоанна, — львиными.

В миниатюрах уваровской рукописи и Сол. 131/131 (рис. 2), в отличие от Сол. 144/144, евангелисты держат развернутые вверх свитки вместо кодексов (кроме Иоанна, чьи руки вытянуты в жесте адорации, а свиток держит Прохор) и прибавлены изображения лиц, исторически связанных с тем или иным евангелистом⁷: вместе с еванг. Матфеем — Иаков Брат Господень; с еванг. Марком — ап. Пётр,

Рис. 1. Орел, символ Евангелиста Марка, под видом трехликого существа. Фрагмент миниатюры «Евангелист Марк и апостол Пётр». Евангелие тетр (РНБ. Сол. 131/131. Л. 154). Вологда, третья четв. XVI в.

³ [Порфирьев И.Я., Вадковский А.В., Красносельцев Н.Ф.] Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Ч. 1. Казань, 1881. С. 73–75. № 60; Дмитриева З.В., Крушельницкая Е.В., Мильчик М.И. Описи Соловецкого монастыря XVI века. СПб., 2003. С. 227–228. К 50.

⁴ [Порфирьев И.Я., Вадковский А.В., Красносельцев Н.Ф.] Указ. соч. С. 82–83. № 81.

⁵ ГИМ. Увар. 972/69. Л. 16 об., 127 об., 196 об., 313 об.; РНБ. Сол. 131/131. Л. 16 об., 154, 244, 393 об.; Сол. 144/144. Л. 11 об., 93 об., 146 об., 230 об.

⁶ Последняя необычна для русской изобразительности, но антропоморфные символы евангелистов с головами «животных» хорошо известны изобразительности западно-европейской.

⁷ О парных изображениях пишущих евангелистов с другими лицами см.: Вздорнов Г.И. Миниатюра из Евангелия попа Домки и черты восточнохристианско-

Рис. 2. Миниатюры Четвероевангелия (РНБ, Сол. 131/131). Третья четверть XVI в. Евангелист Матфей и ап. Иаков. Л. 16 об.; евангелист Марк и ап. Пётр. Л. 154; евангелист Лука и Феофил. Л. 244; евангелист Иоанн Богослов и Пророк. Л. 393 об.

с Лукой — Феофил в царском венце. С Иоанном, как обычно, Пророк. Кроме того, присутствует полу-фигура Христа в сегменте неба или в медальоне, плюс — добавлены прямоугольные рамки, укра-

го искусства в новгородской живописи XI–XII веков // Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода. М., 1968. С. 206–210.

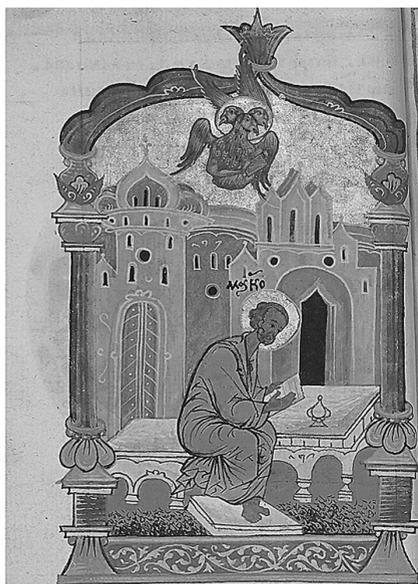
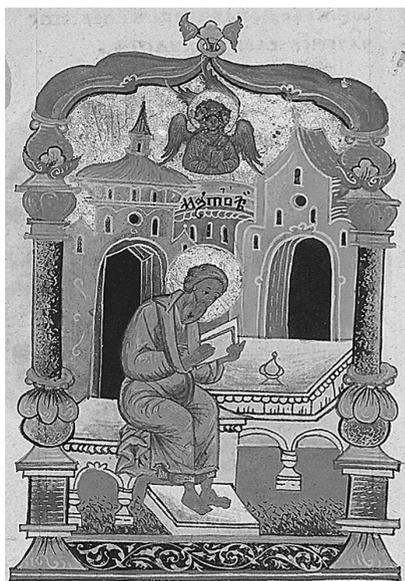

Рис. 3. Миниатюры Тетраевангелия (РНБ, Сол. 144/144). Конец XVI в. Евангелист Матфей. Л. 11 об.; евангелист Марк. Л. 93 об.; евангелист Лука. Л. 146 об.; евангелист Иоанн Богослов и Прохор. Л. 230 об.

шенные по сторонам и по углам цветами или пальметтами. Очень близки они и по композиции, хотя и не являются прямыми копиями одна другой. Различен, например, архитектурный «стаффаж» и мелкие детали.

В свою очередь, миниатюры уваровской рукописи и Сол. 144/144 (рис. 3) сближает то, что в них еванг. Иоанн показан на фоне горок с пещерой, а в Сол. 131/131 — нет.

При этом обе соловецкие рукописи имеют общие детали, отличающие их от той, что находится в ГИМ: кисти рук существа с человеческими лицами прикрыты рукавами одеяний и оно носит омофор; все существа — четверокрылые (в рукописи ГИМ — шестикрылатые). Близки они и по манере исполнения.

Таким образом, миниатюры каждой из трех рукописей имеют черты, общие со второй и отсутствующие в третьей; списками друг с друга они быть не могут. Последнее крайне усложняет взаимоотношения между ними и запутывает вопрос об образцах и влияниях, позволяя предполагать, при наличии редких и значимых опорных признаков — одних и тех же дополнительных лиц и трехликих существ, — наличие и других, неизвестных произведений подобного рода со сложной системой взаимоотношений и рядом промежуточных звеньев. Всё это не позволяет рассматривать эти произведения как уникамы; следует говорить о существовании целой традиции подобных изображений, хотя бы и небольшой.

Проще всего было бы представить первичность версии рукописи Сол. 131/131 как более ранней; производной — версию уваровской рукописи, а уже сокращенным изводом (с дополнительным источником) — версию Сол. 144/144. Правда, возможны и иные соотношения; это могли бы показать другие версии и списки, которые, скорее всего, еще будут обнаружены⁸.

Существование традиции подтверждают подобные изображения евангелистов с трехликими символами на басменных наугольниках трех серебряных окладов на престольных Евангелий начала XVII в. (датировка В.В. Игошева), хранящихся в Архангельском

⁸ Первичными могут оказаться и изображения евангелистов с теми же дополнительными лицами, что присутствуют в указанных миниатюрах, — но сопровождаемые традиционными символами евангелистов, которые, близкие по времени, тоже известны. См., например, полностраничную миниатюру с еванг. Лукой и «державным» Феофилом («сеи Феофил повеле Луце Еван[ги]лие и деяния ап[о]с[то]льская написати»), вклеенную в 30-х гг. XVII в. в экземпляр Острожской Библии, хранящийся в МК РГБ, инв. 1461 (*Немировский Е.Л.* Иллюминированный экземпляр Острожской Библии 1581 г. с рукописными дополнениями // ТОДРЛ. Т. XXXVIII. Л., 1985. С. 448; *Русская Библия. Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе. В 10 т. Т. 9. Приложения. Научное описание. М., 1998. Ил. с. 72).*

Рис. 4. Евангелист Лука и его символ в виде трехликого вола. Наугольник оклада напрестольного Евангелия. Пермская художественная галерея (ПГХГ, инв. № ДМ-5, РК-757/2). Сольвыгодск (?), строгановские мастерские. Начало XVII в.

краеведческом музее⁹, Музеях Кремля¹⁰ и Пермской художественной галерее (рис. 4)¹¹. Как и в кодексах ГИМ. Увар. 972/69 и РНБ. Сол. 131/131, изображения евангелистов здесь сопровождаются дополнительными фигурами. Имена их не обозначены, но по аналогии с миниатюрами названных рукописей, где они подписаны, их можно идентифицировать. В верхнем правом углу каждого наугольника — благословляющий Спас в сегменте, показанный, в случаях с Матфеем и Иоанном, полнофигурным (в отличие от книжных миниатюр); на наугольниках, как и в миниатюрах Сол. 131/131, еванг. Иоанн показан на фоне горок без пещеры с архитектурными «кулисами».

Происходят эти произведения, по мнению исследовавшего их В.В. Игошева, из строгановских мастерских в Сольвычегодске¹²; об их едином и синхронном происхождении, на взгляд исследователя, говорят «идентичные оттиски на наугольниках», «схожие типологические и технико-технологические особенности» и «идентичные отпечатки басменных тонких пластин, сделанные с одной матрицы»¹³.

Вопрос о первичности и влияниях несколько затрудняется здесь особенностями техники (тиснение, басма), не позволяющими точно передать слишком большое количество мелких деталей. И хотя, как кажется, естественнее предполагать влияние книжной миниатюры

⁹ АОКМ, инв. № 117 гу. Изд.: *Соломина В.П.* Древнерусское художественное серебро в собрании Архангельского областного краеведческого музея: Каталог. М., 2007. Кат. 11. С. 23–24, 49–50. Ил. с. 48; *Игошев В.В.* Строгановские мастерские серебряного дела в Сольвычегодске в XVI–XVII в. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2017. № 2 (68). Рис. 6, 9; *Игошев В.В.* Строгановское художественное серебро XVI–XVII веков. М., 2017. Кат. 41. С. 238–239. Ил. с. 92, 93.

¹⁰ ГММК, инв. № Кн-72. Изд.: *Зюзева С.Г.* Оклад Евангелия из Музеев Московского Кремля. Неизвестный памятник искусства Северной Руси XVI века // *Древнерусская скульптура. Проблемы и атрибуции: сборник статей. Вып. VI. Проблемы иконографии: выпуск первый* / Отв. ред. А.В. Рындина. М., 2009. С. 108–117; *Игошев В.В.* Строгановские мастерские... Рис. 4, 8; *Игошев В.В.* Строгановское художественное серебро ... Кат. 40. С. 236–237. Ил. с. 90, 93; *Рукописные и печатные Евангелия XIII — начала XX века в собрании Музеев Московского Кремля: Каталог / Сост. Т.С. Борисова, С.Г. Зюзева.* В 3-х т. Т. 2. М., 2019. Кат. 89. В первом и третьем изданиях принята датировка: вторая половина — конец XVI в.

¹¹ ПГХГ, инв. № ДМ-5, РК-757/2. Изд.: *Искусство Пермских вотчин Строгановых.* Пермь, 2007; *Игошев В.В.* Строгановские мастерские... С. 127–128. Рис. 3, 7; *Игошев В.В.* Строгановское художественное серебро... Кат. 39. С. 234–235. Ил. с. 89, 93.

¹² В настоящей статье предложены В.В. Игошевым датировки и привязка к Сольвычегодску принимаются, хотя нельзя не учесть, что сами басменные пластины могли быть изготовлены несколько раньше и впоследствии перенесены на оклады, а матрицы могли быть изготовлены и использоваться еще в XVI в.

¹³ *Игошев В.В.* Строгановские мастерские... С. 128. Прим. 17.

на басму, а не наоборот, и вышеуказанные книжные миниатюры, видимо, первичны и относятся к более раннему времени, — они, тем не менее, не служили здесь прямым непосредственным образцом: на это указывает хотя бы иное расположение фигур евангелистов и остальных изображенных лиц (в тех случаях, когда они есть).

* * *

Общий единый источник изображений трехликих символов евангелистов во всех названных произведениях не вызывает сомнений. Исследователи обращали внимание на эту их редкую особенность, — но никем не было предложено ее доказательного объяснения¹⁴.

Соотнесение символов с евангелистами во всех этих случаях соответствует схеме сщмч. Иринаея Лионского († 208). В трактате “Adversus hæreses” [CPG 1306] св. Иринаей оставил наиболее раннее из сохранившихся истолкование четырех ликов херувима — ликов орла, тельца, льва и человека (какими херувимы описаны в Книге пророка Иезекииля, Иез. 1:10; 10:14¹⁵) — как четырех Евангелий; точнее, число Евангелий выводится им из числа ликов херувима, при этом лик каждого из «животных» связывается с одним из Евангелий¹⁶. Впоследствии некоторые богословы предлагали и иные варианты соотнесения «животных» с Евангелиями и евангелистами (например, свт. Ипполит Римский, псевдо-Афанасий и свт. Епифаний Кипрский; схему последнего принимает блаж. Иероним и она становится господствующей на латинском Западе)¹⁷.

¹⁴ Вопрос о трехликих херувимах затрагивается в работах: Зюзева С.Г. Указ. соч. С. 113; Чумичёва О.В. Символы евангелистов в русской рукописной традиции // Остромирово Евангелие и современные исследования рукописной традиции новозаветных текстов. Сб. научных статей / Сост. Ж.Л. Левшина. СПб., 2010. С. 175–176. Однако, предложенная в них попытка трактовки этих образов в тринитарном смысле («можно предположить, что трехголовые символы евангелистов представляют на окладе в сильно видоизмененном виде образ Троицы»: Зюзева С.Г.; «вероятно, знаменуя поклонение Святой Троице»: Чумичёва О.В.) представляется некорректной и безосновательной.

¹⁵ В средневековой изобразительности херувимы — один из ангельских чинов — нередко (но не обязательно) представлены в виде четвероликих фигур, иногда антропоморфных. Основание этому содержится в Книге пророка Иезекииля (хотя в Ветхом Завете херувимы упоминаются несколько раз и описаны различно): в первой ее главе описываются антропоморфные существа, имеющие по четыре лица, — человека, орла, тельца и льва, — четыре крыла и четыре руки (Иез. 1:5–6, 8–10).

¹⁶ Lib. III, c. 11, § 8 (PG 7. Col. 885–889).

¹⁷ Цитаты и ссылки на западные и восточные источники см., например: Хлебников Д.В. «Спас в Силах»: о некоторых литературных параллелях иконографии // Современные гуманитарные исследования. 2014. № 6 (61). С. 153–170.

Трактат св. Ириней не сохранился в греческом оригинале весь (целиком — лишь в латинском переводе; есть еще сирийские и армянские фрагменты), но сокращенный отрывок с толкованием «животных» был довольно распространенным; с IX в. он использовался как общий пролог к четырем Евангелиям в греческих Тетрах (нередко — с заголовком «Περὶ τῶν τεσσάρων εὐαγγελίων καὶ τῶν δ' εἰκόνων») ¹⁸, а с первой четверти XIV в. — и в славянских. Текст Ириней здесь сжат; «животные» с Евангелиями соотнесены, но имен евангелистов нет; рассуждение о четверичном числе Евангелий, разумеется, остается.

Славянские рукописи донесли два перевода этого пролога. Один встречается в а) южнославянских и б) русских Тетрах со второй половины и конца XIV в. соответственно (без заглавия; нач.: «Вѣдомо боуди, ꙗко чѣтыри соуть еуѧлиѧ... »); он совершенно обычен в XV–XVI вв. и вошел в печатные издания ¹⁹. Второй перевод, с заглавием «Сказаніе въкратцѣ· О чѣтирѣ· еуѧлиствѣхъ», содержится в сербском Тетраевангелии 1308–1311 гг. (ГИМ. Хлуд. 13. Л. 2 об.–3 ²⁰).

Есть и еще один перевод этого фрагмента из “Adversus haereses”, более архаичный по языку и имевший какой-то иной источник, отличный от пролога «Περὶ τῶν τεσσάρων εὐαγγελίων...», значительно превосходя его по объему. Содержится он в пергаменном отрывке начала XV в. (БАН Литвы. F 19. № 6. Л. 1–2) и идет под названием: «Ѧгаго иринѣѧ еписпа лѣньскаѧго прѣѣе слово Ѧгаго еуѧлиѧ ѿ третїиѣхъ книгѣ. ꙗже на иерѣтики съставѧл ²¹. Взят здесь и тоже используется как

¹⁸ Von Soden H.F. Die Schriften des Neuen Testaments in ihrer ältesten erreichbaren Textgestalt hergestellt auf Grund ihrer Textgeschichte. Bd. I. Abt. 1. Berlin, 1902. S. 303. № 82; Nelson R.S. The Iconography of Preface and Miniature in the Byzantine Gospel Book. New York, 1980. P. 6.

¹⁹ В вышеназванной статье о символах евангелистов О.В. Чумичева, ни на что не ссылаясь и не дав объяснений, приписывает этот обычный текст, присутствующий также и в рукописи Сол. 144/144 (л. 3), патр. Софронию Иерусалимскому («Толкования Софрония патриарха Иерусалимского, на символы евангелистов»), указывая на него как на некий уникум в рукописи Сол. 144/144 и некорректно его цитируя (Чумичева О.В. Указ. соч. С. 175). Кроме того, она безосновательно возводит к блаж. Августину (?) фрагменты толкования Феофилакта Болгарского, сопровождающие полнофигурные изображения символов Евангелистов, находящиеся в этой же рукописи на лицевых сторонах листов с евангелистами (Там же. С. 177).

²⁰ Изд.: Хлебников Д.В. «Спас в Силах»: о некоторых литературных параллелях иконографии // Современные гуманитарные исследования. 2014. № 6 (61). С. 154.

²¹ Добрянский Ф. Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковно-славянских и русских. Вильна, 1882. С. 14; Князевская О.А., Лифшиц А.Л., Турилов А.А. Пергаменные рукописи собрания Виленской Публичной библиотеки (Библиотека Академии наук Литовской Республики, ф. 19) // Krakowsko-Wileńskie studia slawistyczne. Т. 3. Kraków, 2001. С. 21–22. Изд.: Лифшиц А.Л. Фрагмент сочи-

Евангельский пролог не просто сокращенный фрагмент восьмого параграфа 11-й главы III книги “Adversus hæreses”, но весь параграф, плюс начало § 9. Указание на автора и название источника, совпадение некоторых фраз в Виленском отрывке и в полном латинском переводе, отсутствующее в цитатах из Иринея у восточных авторов: патриарха Константинопольского Германа, Анастасия Синаита и Феофилакта Болгарского, могут указывать на использование здесь именно Иринеева оригинала²²; утраченный греческий оригинал мог существовать еще в XVI и XVII вв.²³

Виленский отрывок, однако, на данный момент известен лишь в одном списке; пролог же «Περὶ τῶν τεσσάρων εὐαγγελίων...» использовался систематически; более того, он был главным источником изображений Спаса во Славе с символами евангелистов в греческих Евангелиях конца XI в.: Parma. Pal. 5. F. 5 r²⁴ и Bodl. Clarke 10. F. 2 v²⁵; в нем упоминается «Сидящий на херувимах»: οτι ο καθημενος επι των χερουβιμ φαερωθεις τοις ανθρωποις εδωκεν ημιν τετραμορφον το ευαγγελιον. καθως ο Δαυιδ αιτουμενος την παρουσιαν αυτου φησιν. ο καθημενος επι των χερουβιμ ενφανηθη (... јако сѣдѣи на хероувимѣ ѡвисе члвкомь. въдаль јестъ намъ четворовѣрз'ноѣ јѣуліе. јакоже двѣ просе пришьствиа јего рѣ. сѣдѣи на хероувимѣ ѡви се. ГИМ. Хлуд. 13. Л. 2 об.). Заметим, что в миниатюре Parma. Pal. 5. F. 5 r показаны и упоминаемый здесь пророк Давид, и упоминаемый далее у Иринея (в том числе в Виленском отрывке) пророк Исайя.

В русских Евангелиях пролог «Вѣдомо боуди...», видимо, может определять программу изображений на окладе. Так, оклад Евангелия 1531 г. письма инока Исаака Бирева-Собаки (РГБ. Ф. 304/III. № 15 (М. 8659)), открывающегося этим прологом, содержит изображения Спаса во Славе с символами (в центре) и самих евангелистов (в дробницах по углам), что дает некоторую аналогию названным греческим миниатюрам (на окладе добавлены и некоторые другие изображе-

нения Иринея Лионского «Против ересей» в собрании Виленской публичной библиотеки // Krakowsko-Wileńskie studia slawistyczne. T. 3. Kraków, 2001. S. 61–71. Все три пролога см.: Хлебников Д.В. Спас в Силах в доксографии и действительности: К анализу одной концепции // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2018. № 5. С. 146–148.

²² Афанасьева Т.И. К истории Преславской книжной школы: фрагмент сочинения Иринея Лионского Против ересей и статья Против ариан Григория Богослова в Изборнике 1073 года // Старобългаристика. XLV. 2021. 1. С. 77–92.

²³ Нукифоров М.В. Иринея Лионский // Православная энциклопедия. Т. 26. М., 2011. С. 427.

²⁴ Galavaris G. The Illustrations of the Prefaces in Byzantine Gospels. Wien, 1979. Fig. 50; Nelson R.S. Op. cit. P. 56–59.

²⁵ Galavaris G. Op. cit. Fig. 53; Nelson R.S. Op. cit. P. 59–60.

ния). Почти то же — на окладе Евангелия первой половины XVI в. из Ростовского Успенского собора (ГМЗРК, инв. № Ц-2920)²⁶; изображение в среднике здесь сокращено — нет символов Евангелистов, но Спас показан, как и на первом окладе, окруженным мандорлой с херувимами («сѣди на херувимѣхъ»).

Заметим, что на двух из вышеупомянутых окладов с интересующими нас трехликими существами, — ПГХГ, инв. № ДМ-5 и ГММК, инв. № Кн-72, — тоже есть и изображение Спаса во Славе с символами евангелистов (Спас в Силах) с деисусом (Богоматерь и Предтеча), и (выше) Богоматерью Воплощение с традиционно показанными херувимами, а также, — как и в миниатюре рукописи Parma. Pal. 5. F. 5 r, — пророками Давидом, (упоминаемым в подразумеваемом месте «Adversus hæreses», в прологе «Περὶ τῶν τεσσάρων εὐαγγελίων...») и, соответственно, в прологе «Вѣдомо воуди...») и Соломоном (возможно, добавленным ему в пандан под влиянием состава пророческого ряда высокого иконостаса).

Толкованию св. Ириней следовали, принимая его способ соотнесения «животных» с Евангелистами, различные восточные авторы, например патр. Герман Константинопольский, Анастасий Синаит и Феофилакт Болгарский; часть этих произведений была известна славянам²⁷.

Из них нас интересует статья № 144 («Против ариан») в «Вопросах и ответах» Анастасия Синаита (VII–VIII вв.) [CPG 7746]²⁸: произведении, составившем основу Изборника Святослава 1073 г. (зд. статья ѿ = 90)²⁹; она есть во всех полных списках³⁰, а также в сборниках, близких по составу к Изборнику.

²⁶ Игошев В.В. Новая атрибуция серебряного оклада Евангелия из ростовского Успенского собора // История и культура Ростовской земли. 2010. Ростов, 2011. Ил. 1, 3, 6, 7; Игошев В.В. К истории серебряного дела в Московском Кремле: два неизвестных оклада Евангелий XVI века // Гос. ист.-культ. музей-заповедник «Московский Кремль». Материалы и исследования 21. М., 2012. Ил. 1, 2, 6, 7.

²⁷ Хлебников Д.В. «Спас в Силах»: о некоторых литературных параллелях иконографии. С. 153–170.

²⁸ Quaest. et respons. CXLIV (по нумерации издания J. Gretser (1617), принятой у Migne): PG 89. Col. 797–800.

²⁹ ГИМ. Син. 1043 (31-д). Описание рукописи см.: [Горский А.В., Невоструев К.И.] Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отд. II. Писания святых отцов. Ч. 1. Писания догматические и духовно-нравственные. М., 1859. С. 365–405. № 161; Щепкина М.В., Протасьева Т.Н., Костюхина Л.М., Голышенко В.С. Описание пергаментных рукописей ГИМ // Археографический ежегодник за 1964 г. М., 1965. С. 138–139.

³⁰ О списках см., например: Камчатнов А.М. Текстологический анализ списков Изборника Святослава 1073 года // Древнерусская литература. Источниковедение. Сб. научных трудов. Л., 1984. С. 5–17.

Как известно, эта статья (в Изборнике приписывается свт. Григорию Богослову³¹) представляет собою почти буквальную цитату из Иринейя, в отличие от пересказа с лагунами и добавлениями у патр. Германа, Феофилакта Болгарского и других³².

Эта краткая статья (ее первая часть) использована в виде предисловия в русском Евангелии-апракос конца XIV— начала XV в. (РНБ. Ф.п.1.57³³. Л. 3 б–г³⁴):

б̄словаца. ѿ еже на а̄рианы. что р̄а ни болѣ, ни хуже ч̄исломь с̄уть е̄ӯалиӣ :-

Не имже ли четъзри ч̄асти с̄уть миру. в немже н̄смъз. и четъзри вса ч̄естий д̄си. разъсѣяна же їсть. ц̄ркви по всей земли. столпъ же и оутверженіе ц̄рквиноѣ. е̄ӯалиӣ. и д̄хъ живнънъи. да в лѣпоту .д. имѣти е̄ столпъз. подъдержачиоѣ. и дъшюще д̄си ѿвсюду нетлѣвн̄емъ. и ѿживляюща ч̄лвкы. ѿ негоже е̄сть іавѣ іако всѣхъ хитрець слово, с̄ѣда[и] на х̄ѣровимъ. и сдержай вса. іависа ч̄лвкомъ. дасть намъ четвероѿбразноѣ е̄ӯалиӣ. їдинъм же д̄хмъ сдержимъ. іакоже и давидъ прозр̄а [д. б.: прося] їмю прихода р̄е. с̄ѣда[и] на х̄ѣровимъ в̄иса. н̄бо. но [д. б.: небонь] и х̄ѣровими четверолични с̄уть. и лица ихъ ѿбрази с̄уть. с̄зтроа с̄на б̄на :-

первъи бо животъ р̄е подобенъ лву. с̄ѣдѣаноѣ е̄го. и властельскоѣ. и ц̄ркоѣ ѿбразуа :-

второѣ же подобно телцю. с̄тльскы чинъ ѿбавлаа :-

третъӣ еже имъз лице ч̄лвчъско, по ч̄лвку б̄звѣшиӣ приходъ ѿбличнъ ѿписуа :-

четверъӣ же подобенъ ѿрлу летацию. д̄хноѣ на ц̄ркви прилѣтанӣ. даныѣ сказаа. да и е̄ӯалыа т̄вмь с̄уть, соѿбразна. в нихъ же с̄ѣдитъ х̄ъ :-

Замечательно же то, что в Изборнике 1073 г. и ряде восходящих к нему списков в этом месте говорится о *триобразном* Евангелии и *трехликих* херувимах: триѿбразноѣ е̄оуаг̄елиӣ; х̄ѣровимъ трълични с̄уть.

³¹ Эта атрибуция повторяется в публикации Т.И. Афанасьевой.

³² Муретов С. Исторический обзор чинопоследования литургии. М., 1895. С. 281–298.

³³ Гранстрем Е.Э. Описание русских и славянских пергаменных рукописей: Рукописи русские, болгарские, молдовлахийские, сербские. Л., 1953. С. 31.

³⁴ Отмечена без атрибуции в: СК-XIV. С. 333. № 189.

Так — в Изборнике 1073 г. (ГИМ. Син. 1043 (31-д). Л. 176 г)³⁵, то же — в списках: ГИМ. Син. 275 (1403 г.). Л. 105 об.; РГБ. Ф. 256 (Рум.). № 6 (нач. XVI в.). Л. 192 об.; РНБ. Кир.-Бел. 75/1152 (XV (?) — нач. XVI в.). Л. 246 а; РГБ. Ф. 292 (Строев). № 66 (кон. XVI в.). Л. 231 об.; ГИМ. Барс. 309 (1519 г.). Л. 189; РНБ. Сол. 86/86 (XVII в.). Л. 239; ГИМ. Син. 561 (XVI в.). Л. 290; БАН 33.8.15 (кон. XVI в.). Л. 165 об.

В других списках: РГБ. Ф. 113 (Волок.). № 496 (нач. XVI в.) — *ѡбразное, прилични* (Л. 79 об.); РНБ. Кир.-Бел. 5/1082 (вторая пол. XV в.) — *четыриобразное, четыреличнии* (Л. 283 об.); РНБ. Q.I.208 (XV в.) — *образное, четверолични* (Л. 151); РГБ. Ф. 209 (Овчин.). № 108 (1619 г.) — *четыриѡбразное, трилични* (Л. 159); то же — РГБ. Ф. 98 (Егор.). № 745 (первая четв. XVII в.). Л. 163–163 об.; ГИМ. Един. 34 (нач. XVIII в.). Л. 268 об.

Несомненно, это ошибка, свидетельствующая о глаголическом оригинале Изборника и смешении числового значения глаголических и кириллических литер: цифирная «глаголь» (ѡ) в глаголице имеет значение «4», а в кириллице — «3»³⁶. Чтение же «*образное*», присутствующее в некоторых списках, появилось, конечно, в результате сомнений писца, оставившего пустое место для последующего вписания цифири, которое так и осталось незаполненным и было пропущено последующими переписчиками.

И эта ошибка недвусмысленно ясно указывает на источник интересующей нас редкой особенности изображений херувимов в названных произведениях изобразительности. Этим источником, вне всякого сомнения, мог быть только перевод статьи «Против ариан» в «Вопросах и ответах» Анастасия Синаита из Изборника Святослава 1073 г., взятый, вероятнее всего, не из древней рукописи непосредственно, но из какого-то неправленного списка (например, Изборника 1403 г. (ГИМ. Син. 275)³⁷). Перевод этот, очевидно, имел достаточное

³⁵ Изборник Святослава 1073 г.: В 2 ч. М., 1983. Ч. 1: Изборник Святослава 1073 г.: (Факсимильное издание). Л. 176 г; [Горский А.В., Невоструев К.И.] Описание... С. 380, 402.

³⁶ Баранкова Г.С., Бахтурина Р.В., Владимировна Л.А., Жуковская Л.П., Молдован А.М., Пичхадзе А.А. Изборник Святослава 1073 г. Некоторые древнерусские и южнославянские черты рукописи // Славянское языкознание: X международный съезд славистов. София, сент. 1988 г. Доклады советской делегации. М., 1988. С. 5; Миронова Т.Л. Изборник Святослава 1073 года: реконструкция старославянского протографа // Герменевтика древнерусской литературы. 12. М., 2005. С. 353. Здесь же см. о проблеме глаголического источника Изборника 1073 г.

³⁷ Ближайший список, переписан непосредственно с Изборника 1073 г., находившегося в начале XV в. в московском Андрониковом монастыре (Костюхина Л.М., Шульгина Э.В. Изборник 1073 г. Палеографический анализ и реконструкция рукописи // Древнерусское искусство: Рукописная книга. Вып. 3. М., 1983. С. 91–95). См.

распространение, коль скоро дал толчок пусть не слишком широкой, но все же иконографической традиции; именно и только он объясняет присутствие в миниатюрах *именно русских* рукописных Евангелий не просто «животных» — символов евангелистов (что в славянских рукописных Евангелиях и само по себе случается не слишком часто), — но именно *херувима, упомянутого в связи с евангелистами* у Иринейя и Анастасия; и именно и только здесь же, в древнем славянском переводе статьи «Против ариан», находит объяснение и такая исключительная особенность, как три его лика.

Отсутствие статьи «Против ариан» в указанных рукописях, содержащих изображения трехликих херувимов, свидетельством обратного не является: в Евангелиях и других рукописях не обязательно должны находиться тексты, послужившие источником содержащихся в них изображений и их деталей. Как и наоборот: содержащиеся в них тексты совершенно не обязательно должны иллюстрироваться (как не иллюстрируется и статья «Против ариан» в самом Изборнике). Так, к примеру, нет никаких текстов, толкующих четырех «животных», понимаемых как символы евангелистов (в том числе пролога «Въдомо воуди...» или вышеупомянутых предисловий к Евангелиям Феофилакта Болгарского, толкующих «животных»), — в содержащих их изображения Евангелиях, например, Остромировом 1056–1057 гг. (РНБ. Ф.п.1.5)³⁸, Мстиславовом ок. 1117 г. (ГИМ. Син. 1203)³⁹, Морозовском первой четв. XV в. (ГММК. Кн. № 34)⁴⁰, Евангелии Хитрово ок. 1400 г. (РГБ. Ф. 304/III, № 3 /М. 8657)⁴¹.

В любом случае, можно утверждать использование в русской иконографии как творения св. Иринейя, так и анастасиева, при-

также: *Гальченко М.Г.* Книгописание в Спасо-Андрониковом монастыре и проблема Второго южнославянского влияния на Руси в конце XIV–XV в. // Гальченко М.Г. Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. Избранные работы / Труды Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублёва. Т. 1. М.; СПб., 2001. С. 99–106.

³⁸ Гранстрем Е.Э. Указ. соч. С. 15–16.

³⁹ Щепкина М.В., Протасьева Т.Н., Костюхина Л.М., Голышенко В.С. Указ. соч.. С. 142–143.

⁴⁰ Постникова-Лосева М.М., Протасьева Т.Н. Лицевое Евангелие Успенского собора как памятник древнерусского искусства первой трети XV в. // Древнерусское искусство XV—начала XVI в. М., 1963. С. 134–136; *Вздорнов Г.И.* Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII–XV веков. М., 1980. № 59.

⁴¹ Леонид (*Кавелин*), архим. Славянские рукописи, хранящиеся в ризнице Свято-Троицкой Сергиевой лавры // ЧОИДР. 1880. Кн. 4. Отд. паг. С. 17–19. № 3; *Вздорнов Г.И.* Искусство книги в Древней Руси. № 58.

чем не только в книжной миниатюре, но и на окладах Евангелий⁴². Появляется также возможность связывать с творениями не только Иринея, но и Анастасия изображений Спаса во Славе на тех же окладах: коль скоро изображения трехликих херувимов в наугольниках «брались» из перевода анastasиева творения, то отсюда же несложно выводить и изображение Спаса во Славе на том же окладе. Вопрос требует, разумеется, дальнейшей проработки.

Высказывание же графа А.С. Уварова о вологодском Евангелии его собрания — миниатюрист «понял и объяснил себе тетраморф совершенно оригинальным способом и, может быть, создал единственный в своем роде памятник в русской археологии»⁴³, — с полным основанием следует поправить: подобные примеры есть, так же как и известен источник особенностей их иконографии, — вероятнее всего, найдутся и другие примеры. Остается еще, кроме прочего, неясным, почему трехликие херувимы из древнего перевода статьи Анастасия Синаита сопровождали именно парные изображения пишущих евангелистов — со св. Иаковом, Братом Господним, ап. Петром, и «державным» Феофилом. Дальнейшим исследованиям предстоит пролить свет и на этот вопрос.

Список сокращений

- АОКМ — Архангельский областной краеведческий музей
БАН — Библиотека Академии наук
ГИМ — Государственный исторический музей
ГММК — Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»
ГМЗРК — Государственный музей-заповедник «Ростовский Кремль»
МК РГБ — Музей книги Российской государственной библиотеки
ПГХГ — Пермская государственная художественная галерея
РГБ — Российская государственная библиотека
РНБ — Российская национальная библиотека

⁴² В Государственной Третьяковской галерее хранятся Царские врата (по всей видимости, тоже вологодские) третьей четверти XVI в., поступившие из московской старообрядческой церкви Успения на Апухтинке и также несущие изображения евангелистов с теми же собеседниками и трехликими символами. Я выражаю признательность А.С. Преображенскому (МГУ), указавшему мне на этот неизданный и неизвестный мне до этого интересный памятник, безусловно, требующий изучения. Древние произведения, происходящие из этой церкви, при которой работала крупная иконописная мастерская, так или иначе проходили процедуру поновления, и к ним следует относиться с осторожностью, но совсем не учесть их невозможно.

⁴³ Уваров А.С. Указ. соч. С. 37.

СК-ХIV — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. ХIV век. Вып. 1 (Апокалипсис — Летопись Лаврентьевская). М.: Индрик, 2002. 766 с.

ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы

ЧОИДР — Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете

CPG — Clavis patrum græcorum / Cura et studio M. Geerard. Vol. 1–6. Turnhout: Brepols, 1974–1998.

PG — Patrologiæ cursus completus. Series græca. Accurante J.-P. Migne. Vol. 1–161. Parisiis, 1857–1866.

Список литературы

Афанасьева Т.И. К истории Преславской книжной школы: фрагмент сочинения Ириныя Лионского «Против ересей» и статья «Против ариан» Григория Богослова в Изборнике 1073 года // Старобългаристика. XLV. 2021. 1. С. 77–92.

Баранкова Г.С., Бахтурина Р.В., Владимирова Л.А., Жуковская Л.П., Молдован А.М., Пичхадзе А.А. Изборник Святослава 1073 г. Некоторые древнерусские и южнославянские черты рукописи // Славянское языкознание: X международный съезд славистов. София, сент. 1988 г. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1988. С. 3–17.

Вздорнов Г.И. Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII–XV веков. М.: Искусство, 1980. 551 с.

Вздорнов Г.И. Миниатюра из Евангелия попа Домки и черты восточнохристианского искусства в новгородской живописи XI–XII веков // Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода. М.: Наука, 1968. С. 201–222.

Гальченко М.Г. Книгописание в Спасо-Андрониковом монастыре и проблема Второго южнославянского влияния на Руси в конце XIV–XV в. // Гальченко М.Г. Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. Избранные работы / Труды Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублёва. Т. 1. М., СПб.: Алетейя, 2001. С. 73–113.

[*Горский А.В., Невоструев К.И.*] Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отд. II. Писания святых отцов. Ч. 1. Писания догматические и духовно-нравственные. М.: Синодальная типография, 1859. [2], XII, 690 с.

Гранстрем Е.Э. Описание русских и славянских пергаменных рукописей: Рукописи русские, болгарские, молдавлахийские, сербские. Л.: ГПБ, 1953. 129, 2 с., 19 л. ил.

Дмитриева З.В., Крушельницкая Е.В., Мильчик М.И. Описи Соловецкого монастыря XVI века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 355, [1] с.

Добрянский Ф. Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковно-славянских и русских. Вильна: Типография А.Г. Сыркина, 1882. 533 с.

Зюзева С.Г. Оклад Евангелия из Музеев Московского Кремля. Неизвестный памятник искусства Северной Руси XVI века // Древнерусская скульптура. Проблемы и атрибуции: сборник статей. Выпуск VI. Проблемы иконографии: выпуск первый / Отв. ред. А.В. Рындина. М.: [б.и.], 2009. С. 108–117.

Игошев В.В. К истории серебряного дела в Московском Кремле: два неизвестных оклада Евангелий XVI века // ГММК «Московский Кремль». Материалы и исследования. 21. М.: Московский Кремль, 2012. С. 265–278.

Игошев В.В. Новая атрибуция серебряного оклада Евангелия из ростовского Успенского собора // История и культура Ростовской земли. 2010. Ростов: ГМЗРК, 2011. С. 212–231.

Игошев В.В. Строгановские мастерские серебряного дела в Сольвычегодске в XVI–XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 2 (68). С. 122–144.

Игошев В.В. Строгановское художественное серебро XVI–XVII веков. М.: БуксМарт, 2017. 397, [2] с.

Иконы Вологды XIV–XVI веков. М.: Северный паломник, 2007. 824 с.

Искусство Пермских вотчин Строгановых / Сост. Н.В. Казаринова, Н.В. Скоморовская. Пермь: Проектное бюро «Рейкьявик», 2007. 311 с.

Камчатнов А.М. Текстологический анализ списков Изборника Святослава 1073 года // Древнерусская литература. Источниковедение. Сб. научных трудов / Отв. ред. Д.С. Лихачёв. Л.: Наука, 1984. С. 5–17.

Князевская О.А., Лифшиц А.Л., Турилов А.А. Пергаменные рукописи собрания Виленской Публичной библиотеки (Библиотека Академии наук Литовской Республики, ф. 19) // Krakowsko-Wileńskie studia slawistyczne. Т. 3. Kraków: Scriptum, 2001. S. 7–60.

Костюхина Л.М., Шульгина Э.В. Изборник 1073 г. Палеографический анализ и реконструкция рукописи // Древнерусское искусство: Рукописная книга. Вып. 3. М.: Наука, 1983. С. 90–100.

Леонид (Кавелин), архим. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А.С. Уварова. Ч. 1. М.: Типография А.И. Мамонтова и К°, 1891. [2], XVI, 693 с.

Леонид (Кавелин), архим. Славянские рукописи, хранящиеся в ризнице Свято-Троицкой Сергиевой лавры // ЧОИДР. 1880. Кн. 4. Октябрь – декабрь. С. 1–49 (4 пар.).

Лифшиц А.Л. Фрагмент сочинения Иринея Лионского «Против ересей» в собрании Виленской публичной библиотеки // Krakowsko-Wileńskie studia slawistyczne. Т. 3. Kraków: Scriptum, 2001. S. 61–71.

Миронова Т.Л. Изборник Святослава 1073 года: реконструкция старославянского протографа // Герменевтика древнерусской литературы. № 12 (2005). С. 349–367.

Муретов С. Исторический обзор чинопоследования литургии. М.: Печатня А.И. Снегирёвой, 1895. 2, IV, 320, III с.

Немировский Е.Л. Иллюминированный экземпляр Острожской Библии 1581 г. с рукописными дополнениями // ТОДРЛ. Т. XXXVIII. Л.: Наука, 1985. С. 439–450.

Никифоров М.В. Ириней Лионский // Православная энциклопедия. Т. 26. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2011. С. 422–441.

[*Порфирьев И.Я., Вадковский А.В., Красносельцев Н.Ф.*] Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Ч. 1. Казань: Типография Имп. университета, 1881. 827 с.

Постникова-Лосева М.М., Протасьева Т.Н. Лицевое Евангелие Успенского собора как памятник древнерусского искусства первой трети XV в. // Древнерусское искусство XV– начала XVI в. М.: Наука, 1963. С. 133–172.

Рукописные и печатные Евангелия XIII — начала XX века в собрании Музеев Московского Кремля: Каталог / Сост. Т.С. Борисова, С.Г. Зюзева. В 3 т. Т. 2. М.: Московский Кремль, 2019. 420 с.

Русская Библия. Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе. В 10 т. Т. 9. Приложения. Научное описание. М.: Новоспасский монастырь, 1998. 512 с.

Соломина В.П. Древнерусское художественное серебро в собрании Архангельского областного краеведческого музея: Каталог / Old Russian Silverware from the Collection of the Arkhangelsk Regional Museum of Local History. М.: Северный паломник, 2007. 204 с.

Уваров А.С. Евангелие 1577 года, изображения Евангелистов и их символов // Древности. Труды Имп. Московского археологического общества. Т. 21. Вып. 2. М.: Типография Общества распространения полезных книг, аренд. В.И. Вороновым, 1907. С. 7–37.

Хлебников Д.В. «Спас в Силах»: о некоторых литературных параллелях иконографии // Современные гуманитарные исследования. 2014. № 6 (61). С. 153–170.

Хлебников Д.В. Спас в Силах в доксографии и действительности: К анализу одной концепции // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2018. № 5. С. 135–161.

Чумичева О.В. Символы евангелистов в русской рукописной традиции // Остромирово Евангелие и современные исследования рукописной традиции новозаветных текстов. Сб. научных статей / Сост. Ж.Л. Левшина. СПб.: РНБ, 2010. С. 172–180.

Щепкина М.В., Протасьева Т.Н., Костюхина Л.М., Гольищенко В.С. Описание пергаментных рукописей ГИМ // Археографический ежегодник за 1964 г. М.: Наука, 1965. С. 135–234.

Galavaris G. The Illustrations of the Prefaces in Byzantine Gospels. Wien: Verlag der osterreichischen Akademie der Wissenschaften, 1979. XIII, 269 p.

Nelson R.S. The Iconography of Preface and Miniature in the Byzantine Gospel Book. New York: New York Univ. Press, 1980. XVI, 162 p.

Von Soden H.F. Die Schriften des Neuen Testaments in ihrer ältesten erreichbaren Textgestalt hergestellt auf Grund ihrer Textgeschichte. Bd. I. Abt. 1. Berlin: A. Duncker, 1902. XVI, 704 S.

Поступила в редакцию
21 марта 2022 г.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 8. История» публикует статьи и материалы по отечественной и всеобщей истории, истории искусства, источниковедению, историографии и вспомогательным историческим дисциплинам, этнологии, археологии, архивные документы с научными комментариями, информацию о научных мероприятиях с участием сотрудников исторического факультета МГУ.

Страницы журнала открыты для дискуссий, поэтому его содержание может не отражать точку зрения учредителей и редакционной коллегии. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, имен собственных, географических названий, статистических и иных сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 8. История» выходит один раз в два месяца. При перепечатке материалов журнала в другом издании ссылка на первую публикацию обязательна.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:

- текстовый редактор: Microsoft Word;
- шрифт: Times New Roman (Times New Roman Cyrillic), 12 кегль;
- полуторный междустрочный интервал (как в тексте, так и в сносках);
- сноски: нумерация сквозная, расположение постраничное, шрифт — 10 кегль, фамилии авторов выделяются курсивом.

Текст представляется в редакцию по электронной почте (scobo_chka2@mail.ru) или на usb-накопителе без компьютерных вирусов. Объем статьи — не более 32 тыс. знаков с пробелами для аспирантов, не более 60 тыс. знаков с пробелами — для преподавателей и научных сотрудников. Схемы, рисунки, фотографии и другие изобразительные материалы — в отдельных файлах.

Статья должна содержать:

- аннотацию объемом не менее 250 слов;
- 6–8 ключевых слов или словосочетаний (в словосочетании не должно быть более трех слов);
- сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора;
- список литературы, т. е. перечень всех исследований, процитированных и упомянутых в статье, с указанием издательства и количества страниц.

Предлагаемую для публикации статью аспирантам исторического факультета МГУ нужно сопроводить выпиской из протокола заседания кафедры с рекомендацией ее к печати. Редакция организует для всех полученных ею статей двойное «слепое» рецензирование.

Выплата гонорара за публикации не предусматривается. Плата за публикацию рукописей не взимается.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

БЕЛОУСОВ Лев Сергеевич (главный редактор) – доктор исторических наук, академик РАО, профессор; АНДРЕЕВ Дмитрий Александрович (заместитель главного редактора) – кандидат исторических наук; БОРИСЁНОК Юрий Аркадьевич (заместитель главного редактора) – кандидат исторических наук; БОРИСОВ Николай Сергеевич – доктор исторических наук, профессор; БОРОДАЕВ Владимир Алексеевич (ответственный секретарь) – доктор исторических наук, профессор; БОРОДКИН Леонид Иосифович – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор; ВАНЕЯН Степан Сергеевич – доктор искусствоведения; ГОЛИКОВ Андрей Георгиевич (заместитель главного редактора) – доктор исторических наук, профессор; ДЕВЯТОВ Сергей Викторович – доктор исторических наук, профессор; КАНТОНОВИЧ Анатолий Робертович – доктор исторических наук; КАРЕВ Андрей Александрович – доктор искусствоведения, профессор; КАРПОВ Сергей Павлович – доктор исторических наук, академик РАН, профессор; КОШЕЛЕВА Галина Владимировна (редактор); КОШМАН Лидия Васильевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник; ЛИТВИНА Наталья Викторовна – старший научный сотрудник; МАТВЕЕВ Геннадий Филиппович – доктор исторических наук, профессор; МИРОНЕНКО Сергей Владимирович – доктор исторических наук, профессор; ОРЛОВ Степан Владимирович – кандидат экономических наук; ПИВОВАР Ефим Иосифович – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор; ПОДОСИНОВ Александр Васильевич – доктор исторических наук; РАЕВСКАЯ Ольга Владимировна – доктор филологических наук, профессор; РОГУЛЕВ Юрий Николаевич – кандидат исторических наук; САПРЫКИН Сергей Юрьевич – доктор исторических наук; СЕДОВ Владимир Валентинович – доктор искусствоведения, член-корреспондент РАН, профессор; СИМОНОВ Вениамин Владимирович – доктор экономических наук, профессор; СОЛОПОВА Оксана Вячеславовна – кандидат исторических наук; ТАЛЫЗИНА Анна Аркадьевна – кандидат исторических наук; ФУНК Дмитрий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор

Адрес редакции:

119992, Москва, Ленинские горы, исторический факультет, Е-124

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Свидетельство о регистрации № 1554 от 14 февраля 1991 г.

Подписано в печать 07.11.2022. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 14,25. Уч.-изд. л. 12,71. Тираж 125 экз. Изд. № 12021. Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит».

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33.

E-mail: zakaz@amirit.ru Сайт: amirit.ru